ISSN 0130-2574

КОСТЁР

7 ИЮЛЬ 1988

КОСТЁР

7
ИЮЛЬ
1988

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© «Костер», 1988 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Боберман-стюдебеккер
повесть Б. Алмазова — **6**

Барабан — **16**

Ребята из посольства мира
очерк Т. Скобликовой — **20**

Полоса препятствий
очерк Ю. Галкина — **22**

Необыкновенный друг
рассказ А. Азимова — **27**

За строкой учебника — **29**

Знак вопроса — **32**

В марте, в начале холмов
очерк М. Белоусова — **34**

Творчество твоих ровесников — **37**

Наш дом — **38**

Морская газета — **40**

Зеленые страницы — **42**

Веселый звонок — **44**

Шиповки для гонца короля
заметка Е. Мясникова — **46**

Арчебек — **47**

На обложке
рисунок А. Борисенко

В августе 1987 года, в центральной части Карельского перешейка, на берегу озера Ахи-Ярви раскинулся палаточный городок. Здесь был поднят флаг Всесоюзной экспедиции красных следопытов «Искра», организованной ЦК ВЛКСМ и редакцией журнала «Костер» и посвященной 70-летию Великого Октября.

Тысячи мальчишек и девчонок приняли участие в конкурсе, объявленном Всесоюзным штабом красных следопытов. Разведчики и следопыты, стрелки и археологи, юнкоры, санитары и повара боролись за право быть включенными в сводный батальон ЧОН /часть особого назначения/. Из нескольких тысяч кандидатов были отобраны 90 ребят — из Белоруссии и Башкирии, Коми АССР и Чувашии, из Петропавловска-Камчатского и Усолья-Сибирского, из многих других городов и сел нашей страны. Они и стали участниками экспедиции.

Перед батальоном была поставлена задача: в течение двух недель попытаться раскрыть «Тайну Ахи-Ярви» — загадку, над которой уже много лет ломают головы историки.

Что же это за тайна? В прошлом году «Костер» на своих страницах подробно рассказывал о «кладе революции» /№№ 4, 11, 1987 г.)

Напомним главное.

В 1903—1905 годах по поручению ЦК партии большевиков в Россию через Финляндию доставлялась газета «Искра» и другая нелегальная литература. Этот багаж поступал на одну из железнодорожных станций Карельского перешейка и через усадьбу Ахи-Ярви попадал в Петербург.

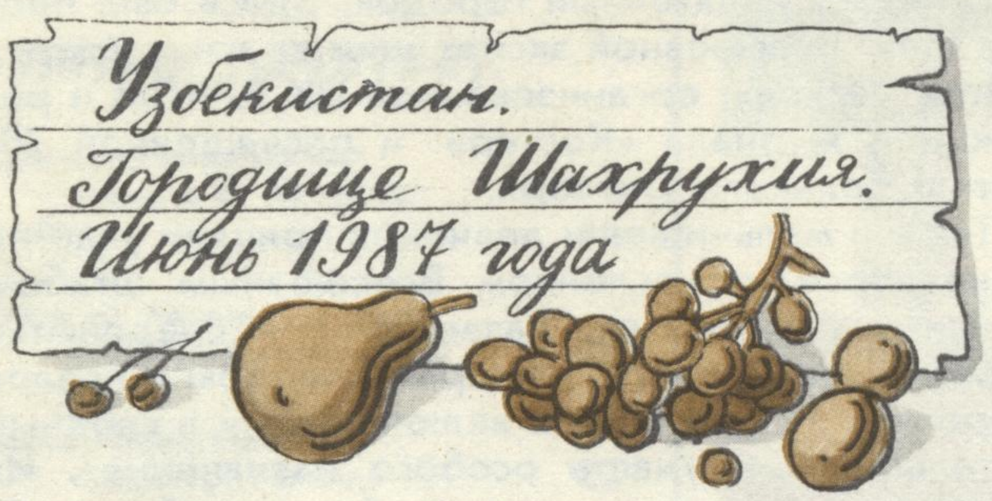
В годы первой русской революции по предложению В. И. Ленина через Ахи-Ярви была организована тайная транспортировка в Россию оружия, закупленного за границей. Здесь же, в Ахи-Ярви, в доме-усадьбе большевика А. М. Игнатье-

ва боевая техническая группа при ЦК РСДРП изготовляла взрывчатку для вооружения боевых рабочих дружин. Александр Михайлович Игнатьев писал:

«За время моей работы не было серьезных провалов, которые отразились бы на деятельности боевой группы. Поэтому, когда наступила реакция и было решено свернуть деятельность боевой группы, легко было использовать Ахи-Ярви для этой цели. Во многих глухих местах и в лесу были вырыты глубокие ямы, кругом повалены деревья, чтобы затруднить подходы к ним. В них и были опущены ящики с оружием и патронами и разные другие материалы... Сверху все это было закрыто досками, заложено землей, заложено сверху дерном, посажены елки, некоторые из них принялись...»

Восемьдесят лет прошло с тех пор. Этот клад пытались найти многие. На берегу озера Ахи-Ярви побывала не одна поисковая экспедиция. Историки, журналисты, геологи, пионеры пытались раскрыть тайну Ахи-Ярви, но все попытки были безуспешными.

Сегодня своими впечатлениями и раздумьями об экспедиции «Искра» делится с читателями «Костра» руководитель группы юных археологов из Самарканда **Валерий Иванович НАБОКОВ**.

Из летописи самаркандского отделения секции археологии Малой академии наук школьников Узбекистана: «За практическую помощь ученым, археологам Республики получили приглашение редакции журнала «Костер» вступить в батальон ЧОН. Полевой совет постановил: направить в батальон ЧОН полномочными представителями секции: Орду Виталия — 9 класс, школа № 42, командир группы, Губайдуллина Марата — 9 класс, школа № 7, комиссар группы, Короткова Андрея — 7 класс, школа № 34, Чеканова Павла, школа № 43, 7 класс.

На лесной опушке — сводный батальон чоновцев.

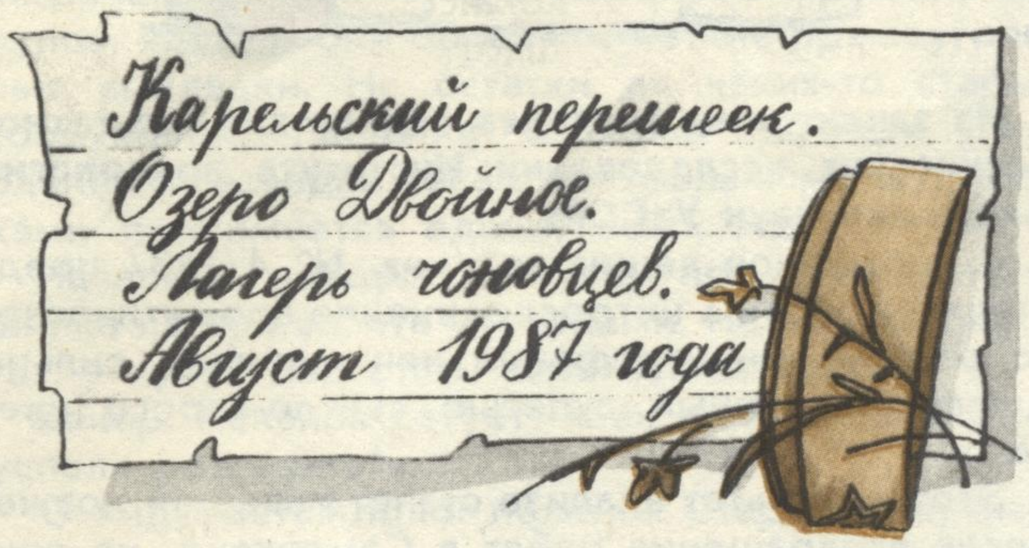
Широкая лента автострады рассекла густой сосновый лес, раздвинула по обе стороны остатки проволочных заграждений, руины долговременных огневых точек, противотанковых надолбов — былые укрепления линии Маннергейма.

На высоком постаменте, среди высоченных молчаливых сосен литая фигура Солдата Великой Отечественной — память о тех, кто прорвал эту адскую, глубоко эшелонированную и мощную полосу обороны. Отсюда до места дислокации лагеря чоновцев немногим больше двух километров. Первая боевая задача — выйти к лагерю по карте и компасу. Самостоятельно. Без подсказки старших.

Цепочка чоновцев растянулась на добрых 200 метров. Самаркандцы в третьем взводе. Карта и компас вывели направляющих к Двойному озеру. Берегов у озера нет. Марат сомневается — то ли озеро постепенно превращается в болото, то ли болото наступает на озеро? Будущий биолог — ему виднее. Под ногами чавкает. Мшистые болотные кочки пружинят — давит собственный вес Марата, плюс пудовый рюкзак. Опыта «болотохождения» у Марата нет — на Шахрухие в Узбекистане раскаленная пыль, в это время плюс 50—60 градусов, верблюжья колючка. Здесь — болотная слякоть. Ступишь не туда — увлечет, засосет. Так и получилось. Наступил на какую-то подозрительную кочку и — по пояс! Оперся на локти, чуть подался вперед...

Выбрался. Конечно, это не Сыр-Дарья, в которой Марат плавает как рыба. Однажды даже спас утопающего. Вообще полевая археологическая «экстремалка» — школа что надо. Здесь она пригодится.

Полевой городок построен воинами Ленинградского военного округа. На террасах большого холма — два ряда десятиместных палаток. Временное военно-полевое жилье. Выше — лазарет. В тылах — палатки караульного взвода солдат, жилье саперов. Они будут работать вместе с чоновцами.

Ближе к озеру — палатки-столовые, походная кухня, умывальники. Сушилка. На самом берегу озера поляна. Приспособлена под небольшой плац. На высоком флагштоке — голубой флаг с эмблемой Всесоюзного штаба красных следопытов. Флаг почти сливается с небом, а солнце пока еще светит.

У самой воды — кострище. Как вечный огонь, здесь будет днем и ночью гореть костер. До самого конца экспедиции. Чуть поодаль костра — штабная палатка.

Все хорошо. И все-таки... Самаркандцы недовольны. Нет четко продуманного, научно обоснованного плана поиска и предстоящих полевых работ. Поздний подъем. Нерационально составленный распорядок дня. Излишняя опека. Расслабляет, рассредотачивает внимание мелочность лагерных дел. Настоящее дело грозит превратиться в веселую пионерскую игру. А время идет!

Этот квадрат выбран руководством экспедиции для раскопок как наиболее перспективный. До дачи Игнатьева отсюда около трех километров. В канун начала работ — оперативный совет самаркандской группы юных археологов.

О р д а В и т а л и й: Почему для раскопок выбран именно этот квадрат?

Р у к о в о д и т е л ь: Прежние раскопки на даче Игнатьева результатов не дали. Для поисков использовали миноискатели. «Звонки» были, а при раскопках находили одни камни.

К о р о т к о в А н д р е й: Значит, будем искать ели, которые сажали с целью маскировки? Пустой номер. Кто-то говорил, что есть схема расположения бункеров с оружием, которую по памяти нарисовал брат Игнатьева. Где она?

Эта схема попадет в руки самаркандской группы только на шестой день работы экспедиции. Потом пойдут дожди и вести раскопки будет уже поздно. Ребята обнаружат существенное расхождение схемы с картой местности. Суть ошибки в выборе места раскопок в 130 квадрате была обусловлена именно этим расхождением.

Ч е к а н о в П а в е л: Сомнительно, чтобы оружие прятали слишком далеко от дачи, в неконтролируемом визуально месте. Да и рытье бункеров в лесу могло вызвать подозрение у окрестных жителей.

Г у б а й д у л л и н М а р а т: Ясно сейчас одно — «плясать» нужно от дачи Игнатьева.

Но работы в 130 квадрате начались. Миноискатели «звенят» на каждом шагу. Пять, десять, пятнадцать шурфов, и все впустую. Почему же «звенят» миноискатели? Думайте, юные археологи! Опора — знания и опыт!

Г у б а й д у л л и н М а р а т: Камни тоже могут «звенеть». Гнейсы и кристаллические породы типа гранитов содержат проводящие минералы.

Отлично, Марат! Молодец! Вся Карелия, покоящаяся на Балтийском кристаллическом щите, в давние-предавние времена, исчисляемые миллионами лет, была «проутюжена» гигантским ледником мощностью 1—2 километра. Ледник по ходу движения отрывал огромные камни от кристаллического ложа, сгребал их, а отступив, оставил валуны на поверхности земли. Графит и другие электропроводящие минеральные включения, содержащиеся в камнях, могут «звенеть».

Так что же теперь? На что надеяться?

Интерес к раскопкам у многих чоновцев угас. Угас он, было, и у Паши Чеканова — слишком остро он реагировал на то, что не всегда считались с его мнением. Заметили вовремя. Выскажись, Чеканов, отведи душу!

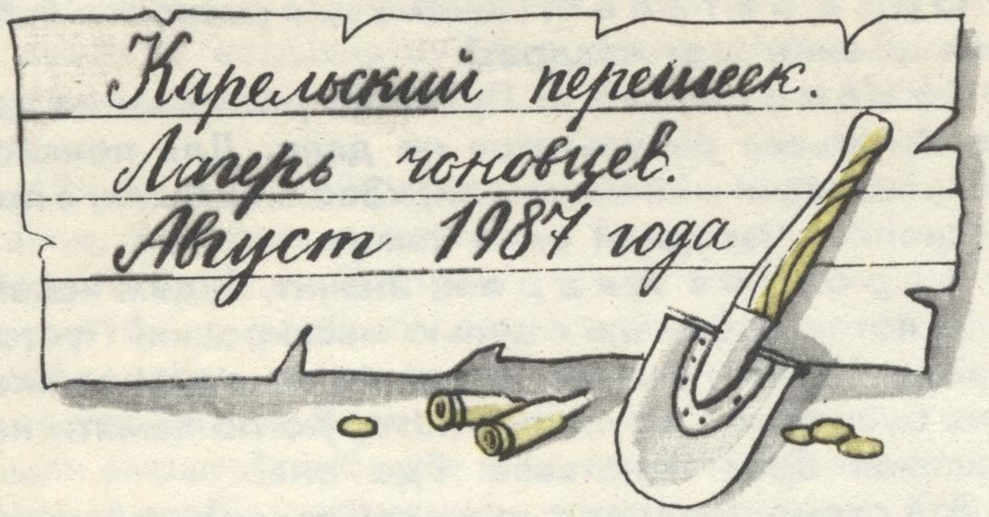
Ч е к а н о в П а в е л: Зачем искать иглу в болоте? Бросьте вы этот 130 квадрат — дался он вам — давайте копать с дачи!

К о р о т к о в А н д р е й: Но ведь там уже пробовали искать — не нашли.

Ч е к а н о в П а в е л: Они не археологи...

О р д а В и т а л и й: Я согласен с Чекановым. На даче нужно работать. Но еще нужно вести планомерные наблюдения за микрорельефом... Как на Шахрухие...

К о р о т к о в А н д р е й: На 130 квадрат потрачена уйма времени и все впустую. Почему нет разведок? Почему мы до сих пор не обследовали участок леса юго-восточнее озера Ахи-Ярви, в прилегающих к нему лесах? Разведка сейчас — главное!

Андрей Коротков сидит в карауле у шлагбаума городка. Тоскует и злится одновременно. А наблюдения микрорельефа, разведки действительно остро необходимы. Только они помогут выделить в естественном микрорельефе техногенные участки, то есть искусственный микрорельеф, сформированный в результате деятельности человека. Начальство лагеря против, возник даже конфликт с руководителем самаркандской группы из-за того, что рискнул самовольно повести ребят в разведку. Режим есть режим, а ходить можно только строем.

Губайдуллин Марат: Пионерщина! В самом худшем смысле этого слова. Не может серьезная экспедиция строиться по сценарию. А все на игру похоже. Все зарепетировано!

Позже Марат скажет об этом в интервью корреспонденту Ленинградского телевидения. Но именно этот фрагмент его критической оценки экспедиции в передаче по телевидению не прозвучит. Его вырежут.

Конфликт достиг пика. Самаркандцы выдвигают ультиматум — или кардинальное изменение методики поисковых работ, или мы выходим из состава батальона ЧОН!

Руководство экспедицией принимает ультиматум. Работа перенесена в район так называемой «новой» дачи Игнатьева. Орда Виталий приказом по лагерю назначается руководителем раскопок. Зачистки фундамента дачи самаркандцы ведут по строго научной методике. Интерес к работам вспыхивает вновь. Первые находки — финские монеты, бытовые предметы, фрагменты посуды, патроны...

Из полевого дневника самаркандской группы: «...Стратиграфический шурф, заложенный в небольшом погребке кухонного помещения, показал, что дача горела — в разрезе четко прослеживаются зольные прослойки, древесные угольки, остатки сгоревшей балки крупного размера. Однако, присутствие наряду с прослойками пожара сильно истлевших остатков дерева свидетельствует о том, что возникший пожар был быстро ликвидирован.

В юго-восточном углу фундамента, с наружной стороны обнаружен прямоугольный тайник, прорезавший валун фундамента на глубину 17 см и завершающийся угловой камерой подквадратной формы. В период функционирования тайник, очевидно, был заложен мелким щебнем /остатки его прослежены/ и оштукатурен.

Из находок интересен комочек непонятного вещества желтовато-серого цвета...»

Из заключения эксперта отдела химико-технологических исследований Института археологии Академии наук УзССР:

«...Указанное вещество /инв. № 4/148/ представляет собой... нитросоединение ароматического ряда — тринитрофенол или мелинит, сильно диффузированный супесью светло-серого цвета...»

Этот результат анализа станет известен позже, после возвращения ребят в Самарканд, но еще там, в Ахи-Ярви, Андрей Коротков, признанный специалист по веществам «ароматического ряда», был убежден, что найденный конгломерат — кусочек взрывчатого вещества, возможно, того самого мелинита, который, по свидетельству документов, приготовляли на даче Игнатьева для начинки им бомб-македо́нок. Орда и Чеканов были согласны с Андреем. Они оказались правы!

Из дневника руководителя самаркандской группы: «Странно ведет себя Павлик Чеканов. Его так и тянет в прилегающий к даче лес — он метрах в трехстах к северо-востоку. Не раз возвращал его с полпути. Злится и молчит. В чем дело?»

Чеканов Павел: Обязательно нужно разведать этот ближний лес. Аргументы? Пожалуйста. Первое: Игнатьев родился и вырос здесь. По свидетельству брата, все время пропадал на речке Пескарке. Вон она — совсем рядом с дачей. Значит, он прекрасно знал там все тропки. Второе: лес отлично контролируется с дачи. Любые подозрительные личности отсюда будут замечены.

Руководитель: Там болота, Павлик, и места уж больно глухие...

Чеканов Павел: То, что глухие,— это же отлично! А болота... Что, на Шахрухие легче было?

Разведка прилегающего к даче леса. Руководитель группы — Чеканов Павел. Он замечает пер-

вым, что современная поверхность сплошным массивом перекрывает мощные старинные буреломы, возможно, искусственные лесовалы, поросшие мхом, полуистлевшие. То тут, то там встречаются ели. Много скоплений крупных валунов, кое-где они образуют четкие прямоугольные выкладки. Не остатки ли каких-то старых сооружений? Решение Чеканова провести углубленные разведки леса с контрольными шурфовками принимается единогласно, но...

Начались дожди. Тянучие, промозглые. Сушилка лагеря забита чоновцами. На лесных дорогах — лужи, под стать карельским озерам.

Вечер. Чеканов сетует: «Так на Пескарке и не успели разведать!»

Откидывается полог палатки. Старший научный сотрудник Выборгского музея-крепости Зинаида Анатольевна Новоселова: «Посмотрите, что я нашла в своем личном архиве...»

Записная книжка. На пожелтевших страницах — торопливые записи: интервью с братом А. М. Игнатьева — Михаилом Михайловичем, сделанные несколько лет назад: «...Бункеры с оружием были в лесу, в 3.../ дальше какие-то каракули — не то в 30, не то в 300 метрах/ от новой дачи...»

Чеканов волнуется: «Какие каракули? Говорил же вам... Пескарка!..»

Последний раз шагаем по мокрой лесной дороге от дачи Игнатьева в лагерь. Завтра экспедиция заканчивается, мы уезжаем в Ленинград. Обрывки разговоров. Они запоминаются.

— На то они и были искусными конспираторами... Знали, как прятать. Не так просто найти...

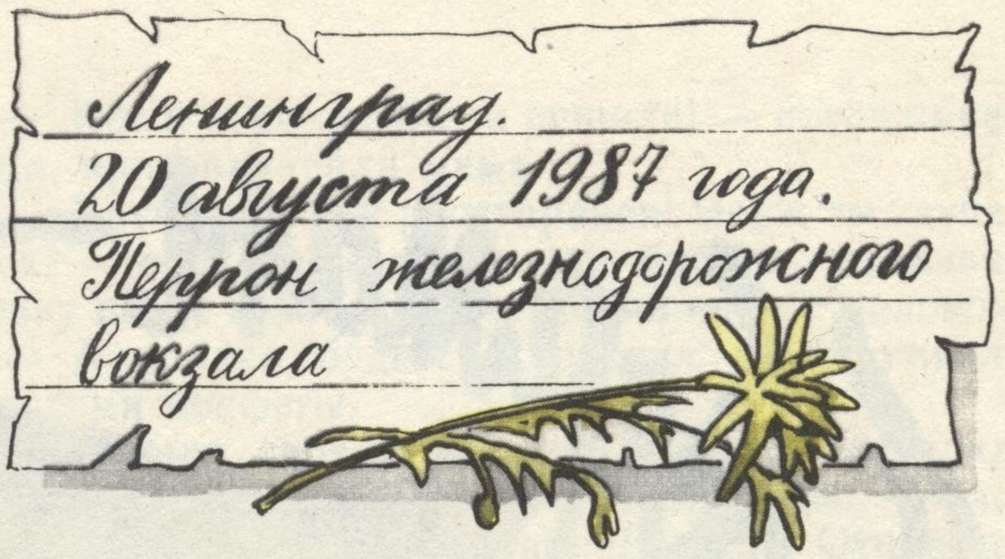
— Все равно эта экспедиция — просто здорово!.. На всю жизнь!

— Ну и что, так и бросим дело на полпути?

— А Устав секции? Должен быть результат...

— Значит, еще вернемся?

— А ты как думал...

Мы провожаем Андрея и Павла. За активное участие в ахиярвинской экспедиции вместе с другими чоновцами они делегированы на IX Всесоюзный пионерский слет в Артек. Виталий и Марат грустят: «Жаль, вышли мы из пионерского возраста...»

Минута до отправления. Павлик прижался лицом к вагонному стеклу. Звучит песня:

Слышу голос из прекрасного далека,
Голос утренний в серебряной росе.
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель...

Что будут рассказывать ребята в Артеке? О Шахрухие — древнем городище, который мы «достаем» из-под земли? О тайнах молчаливых и мудрых карельских лесов, которые — увы — пока не разгаданы до конца?

Поезд медленно трогается. Уплывают грустные лица чоновцев — от разлуки — к новым встречам. А здесь все-таки остается заветный куплет чудо-песни. Кому? Может быть, оставшейся теперь в одиночестве стеле-памятнику большевикам-подпольщикам? Может быть, друзьям-следопытам из Первомайской школы? Может, своим кровным друзьям по археологической секции, по древней Шахрухие? Да, всем!

Я клянусь, что буду чище и добрее
И в беде не брошу друга никогда.
Слышу голос и спешу к нему скорее
По дороге, на которой нет меня...

От редакции

Тайна Ахи-Ярви осталась нераскрытой. Много было споров и предположений — почему экспедицию постигла неудача? Одни считали, что научная подготовка была слабой, другие винили военную технику, третьи — затяжные дожди, мешающие поискам. Мудрецы изрекали: «После драки кулаками не машут!» Так вели себя взрослые. А что думали сами ребята, участники экспедиции?

В начале октября в редакцию пришло письмо из Самарканда:

«...На заседании Малой академии наук УзССР наша археологическая секция сделала подробный доклад об итогах ахиярвинской экспедиции. На основе своих полевых дневников мы написали научный отчет о раскопках в Карелии, сделали выводы и наметили план дальнейшей работы. Сотрудники института археологии одобрили этот отчет и утвердили наш план. Вообще к экспедиции «Искра» в нашем городе относятся очень серьезно, и считают, что это дело должно быть доведено до конца».

Доберман-Спасобеспокойся

ПОВЕСТЬ
Б. АЛМАЗОВ

Рисунки
В. Топкова

Глава первая.
Вовка был неутомимый лодырь...

...не жалея сил и времени, напрягая все свои умственные способности, он выискивал способы, чтобы не только не учить уроки, но и в школу не ходить! Вообще!

Если бы столько усилий он тратил на учебу, он бы уже академиком был. Честное слово!

Ну, если не академиком, то студентом или, на худой конец, десятиклассником, а не торчал бы в своем четвертом классе. Такие случаи бывали, когда из четвертого класса человек запросто поступал в институт. Если он гений, конечно.

Но Вовка в десятый класс не стремился и о своей гениальности тоже помалкивал, хотя в том, что он — Вовка — человек необыкновенный, не сомневался ни одной минуточки.

Разве обыкновенный человек может прочитать Большую медицинскую энциклопедию, где половина слов не по-нашему написана, а те, что русскими буквами, совершенно не понять? А Вовка прочитал! И после этого был уверен, что запросто может изобразить любую болезнь.

Особенно ему удавалось изображать боли в животе. Он недавно так корчился, так стонал, что его три дня на «скорой помощи» возили то в больницу, то обратно. Почти что десяток врачей и санитаров его рассматривали, ощупывали, велели показать язык и все-таки не могли догадаться, что у него: аппендицит, почечная колика или воспаление всех кишок сразу,— пока один старенький доктор не догадался, что у Вовки контрольная по арифметике.

Он так смеялся, этот доктор. Так радовался, даже слезы утирал.

— Гений! — говорил он, похлопывая Вовку по тощему животу.— Талант. Между прочим, этот симулянт — мое воскресшее детство!

Конечно, это была случайность! Кто же мог предположить, что старенький доктор сто лет назад подобным же образом морочил своих учителей и родителей.

Но ведь даже он назвал Вовку гением! Стало быть, это было в Вовке — способности необыкновенные...

Вовка был уверен, что, когда он вырастет, сможет запросто стать киноартистом или Штирлицем... Стоило ему лежа на диване закрыть глаза, как легко представлялась стена школы и мраморная доска: «Здесь учился выдающийся... (дальше пока не заполнено)» — ну, в общем,— Вовка! И он не сомневался, что все именно так и будет. Но вот когда? Его, скажем, совсем не устраивала посмертная слава. Ему хотелось сейчас всем доказать, что он не «хе-хе-хе», а самый настоящий «о-го-го!».

Но ведь не мог же Вовка саморазоблачиться! Сказать:

— Ну что, дурачки! Ловко я вас?

Конечно, ребята бы удивились. Хотя и не все. Те, кто носили совершенно здоровому Вовке домашние задания и яблоки, вряд ли бы пришли в восторг. Про учителей и родителей говорить нечего. А прославиться хотелось. Ох, как хотелось!

Даже не то чтобы прославиться, а хотя бы оказаться в центре внимания. А то всего и славы — слабое здоровье. По справкам вообще выходило, что Вовка не болеет только в воскресные и праздничные дни. Случай, конечно, редкий, но Вовке почему-то не хотелось, чтобы к этому загадочному явлению было проявлено пристальное внимание общественности... Ему хотелось прославиться чем-нибудь другим! И такая возможность появилась.

Глава вторая.

Голос у него был не шаляпинский...

...можно сказать, вообще никакого голоса не было. Поэтому на пении он сидел тихо, не орал, не бесился, как другие. И, наверное, потому, что в шуме и гаме урока учительница и свой-то голос редко слышала, она поставила Вовке пятерку в четверти.

Неизвестно почему, но вот как раз из-за этой пятерки отец сначала покраснел, потом побелел, потом пошел пятнами, как испорченный цветной телевизор... Его не смутили волны троек, которые заполняли табель; и даже двойку по арифметике, что гордым лебедем плыла по этим волнам, он вроде бы не заметил. Но когда взгляд его наткнулся на пятерку по пению, отец осатанел:

— При таких отметках ты еще поешь?! — заорал он, расстегивая брючный ремень.

Мама и бабушка повисли у него на руках, и тем самым спасли Вовку от давно заслуженной порки.

— Костя! — кричала мама.— Это не наш метод! Это непедагогично!

— Да нешто нонеча царский режим, чтобы дите истязать? — вторила ей бабушка.

— А что мне с ним делать? Что делать?! — вырывался отец.

Но и мама и бабушка держали его мертвой хваткой, и он только елозил тапочками по паркету.

— Надо как-то стимулировать его тягу к знаниям,— пояснила мама, оттесняя отца на кухню.

— Подарочек посули! — советовала бабуля, стараясь заполнить собою весь коридор и прикрыть Вовку.

— Да у него этих подарочков...— стонал отец.— Только что птичьего молока нет! Железная дорога? Моментально! Велосипед — пожалуйста! Чего тебе не хватает?

И вдруг Вовка, наверное, со страху, совершенно неожиданно для себя выпалил:

— Собаки! Мне собаки не хватает!

— Я тебе слона куплю! — отец бессильно рухнул на табуретку.— Носорога африканского! Орла с вершин кавказских гор добуду...

— Вот и хорошо! Вот и решили! — поглаживая отца, приговаривала мама.

— Внучек! Ты уж расстарайся! Неуж ты глупей всех? — ворковала через час бабуля, отпаивая Вовку после нервного потрясения чаем с молоком.

— А собака будет? — спросил внук, уминая горстями конфеты.

— Отцово слово — кремень! Скала твердокаменная! — сказала бабка.— Отцово слово — олово, сказал — ножом отрезал! Шутишь! Отцово-то слово...

И Вовка подумал, что, возможно, собаку ему и купят...

Глава третья.

Даже самые плюгавые лялявки...

...которые вообще от горшка два вершка, оказывались в центре внимания, когда выводили гулять своих мопсиков и таксиков. И Вовка легко рисовал в своем развитом воображении привлекательную картину: он наденет мохнатый свитер, шапку с помпоном, что бабуля связала, и выходит на бульвар с роскошнейшим невероятным псом. Таким, что все прохожие останавливаются и почтительно осведомляются, какой породы эта необыкновенная собака. А одноклассники, которые сегодня Вовку не замечают, униженно выпрашивают разрешения хоть минуточку подержать поводок или разок погладить собаку. И Вовка еще подумает, кому разрешать, а кому нет. Будь он хоть отличник, хоть кто...

Мечты о собаке были так притягательны, что вытеснили из Вовкиной головы даже Штирлица. И тут выяснилось, что голова-то у него совсем не плохая.

Уроков он, как и прежде, не учил, но поскольку уроки «мотать» перестал, изображая разные болезни, и на занятиях присутствовал, то кое-что в его голову залетало. Постепенно в его дневнике перестали гнуть лебединые шеи задумчивые двоечки и весело закудрявились тройки, а неизменная пятерка по пению подкрепилась пятеркой по труду и двумя четверками, по физкультуре и рисованию. Так что когда за день до Нового года Вовка торжественно положил перед отцом табель, он был почти уверен, что необыкновенная собака сейчас же вбежит с лестницы в квартиру.

— Молодец! Можешь ведь, когда захочешь! — сказал отец, подписывая табель с таким удовлетворением, словно он самолично исправил все двойки на тройки.— Старайся и впредь! — и уткнулся в газету.

— Э...— сказал Вовка,— а собаку?

— Какую собаку?

— Но ты же обещал!

— Я...?! — вытаращил глаза отец.— При нашей тесноте нам только еще собаки не хватало.

Вовка усиленно заморгал.

— Но ты же обещал...— загнусавил он.

И тогда бабуля торжественно достала из-под длинного фартука кошелек, долго рылась в нем, прикрывая содержимое рукой, и наконец, с достоинством английской королевы выдала Вовке три рубля.

— На, деточка, купи щеночка! Авось не утеснит! Прежде-то и не в такой тесноте живали, а все дружнее! Не в пример как нонеча! — и поплыла в свою комнату со словами:— Ни об каком авторитете у ребенка заботы не имеют! Родители тоже!

— Это черт знает что! — взвился как на пружине отец. Он убежал на кухню и яростно захлопнул за собой дверь.

Больше о собаке никто не произнес ни слова, и Вовка решил, что собаку купить разрешили.

Глава четвертая.

Резус был Вовкин одноклассник...

...и звали его так, во-первых, за сходство, а во-вторых, потому что он мечтал завести макаку, и в-третьих, он был председателем кружка юных зоологов. Вовка потащил Резуса на рынок как специалиста, чтобы, значит, не промахнуться с покупкой.

— Мне знаешь какая собака нужна? — втолковывал он Резусу всю дорогу до рынка.— Мне необыкновенная собака нужна! Чтобы все как увидели — с ума посходили! Чтобы ну просто ахнули!

— Бум искать,— в сотый раз отвечал Резус, кутая морковный носик в пуховый шарф: мороз стоял нешуточный.

Но необыкновенную собаку отыскать оказалось нелегко. Необыкновенными на рынке были только цены. Никогда Вовка не предполагал, что скулящие, едва разлепившие бессмысленные глазки щенки или котята с трясущимися хвостиками могут стоить так дорого. И уж во всяком случае, больше той трехи, что была у него в кармане. Конечно, он не подавал виду, и Резус только удивлялся, почему, выпятив нижнюю губу, Вовка надменно говорил:

— Не, это не подойдет! Ну и что, что чемпион породы?!

— Да ты посмотри! — восторгался Резус, вытаскивая за шкурку из корзины что-то такое пузатенькое, тепленькое и попискивающее.— Какие лапы! Какие уши! Это же редкость! Это — кокер-спаниель!

— Подумаешь! — оттаскивал млеющего приятеля Вовка.— Да их в городе миллион. Мне уникальная собака нужна.

— Ему собака Баскервилей нужна! — сердито говорил хозяин кокера, пряча щенка под тулуп.

— А это что за порода? Кто вывел? — тут же прилипал к нему Резус.

— Шерлок Холмс.

— Сыскная...— с уважением говорил Резус. Про Шерлока Холмса он уже слышал.

Снова и снова ходили по рынку между рядов с клетками, в которых щелкали, весело помаргивали, свистели, скакали канарейки и волнистые попугайчики. Между рядами аквариумов, где в зеленоватой воде среди шустрых пузырьков воздуха парили розовые вуалехвосты, сновали светящиеся гуппи, важно жевали усатыми ртами и неподвижно висели полумесяцы скаллярий.

На рыночном дворе притоптывали валенками и клубились паром продавцы собак, кошек, голубей, кроликов, морских свинок, сусликов, хомячков, поросят... Здесь же толкалась пожилая белоглазая коза. Она сварливо мекала, сыпала из-под короткого хвоста черное драже и жевала задубевшую на морозе клеенку, которой были покрыты пустые прилавки.

— Нужно покупать щенка, пока он маленький, и воспитывать его самому! — долдонил Резус.— Нужно выбирать собаку близкую тебе по характеру.

— Как это?

— Очень просто! Если человек волевой, энергичный, ему нужна дисциплинированная овчарка, а бабушке, например,— болонка или шпиц...

— А у меня какой характер? — спросил Вовка.

— У тебя? — задумался Резус.— Ну, в общем, какая собака тебе глянется — такой у тебя характер и есть! Тут — закономерность! Совпадение характеров. Какая собака — такой ты и сам... Иначе она либо заболеет, либо убежит!

Глава пятая.

В этот момент Вовка увидел...

...странного мужика и здоровенную разномастную собачину на веревке.

«Вылитый кактус»,— подумал Вовка, разглядывая мужика.

Мужик, действительно, был похож на кактус, который уже много лет выращивала мама. Она все ждала, когда его мясистый пузатый ствол украсится необыкновенным пурпурным цветком.

У мужика же из колючей зверской щетины торчал такой пламенеющий нос, словно кактус, на который натянули гремящие на ветру брезентовые штаны и клетчатый пиджачок, уже зацвел.

— Э, космонавты! — сказал он, маня мальчишек малиновой сарделькой пальца, тоже покрытого черными колючками,— Собачкой не интересуетесь? Оригинальный экземпляр.

Экземпляр сидел на снегу, широко расставив кривые кудлатые лапы, и смотрел на мужика, как оштрафованный пешеход на постового. Изредка он длинно, по-коровьи, вздыхал.

— А какой породы? — спросил Резус.

— Ды-ды-ды-доберман! — стуча зубами ответил продавец.

— Ха! — не поверил образованный Резус.— Доберман — гладкошерстный! А этот вон какой волосатый.

— Сам ты волосатый! — буркнул мужик, скрипя по снегу растоптанными кедами.— Все ты знаешь! Менделеев, тоже мне...

— У добермана морда длинная, а этот вон какой широкомордый,— не унимался натуралист.

— Ба-ба-ба-банан-то вынь! — сказал Кактус.

— Какой банан? — не понял Резус.

— Из уха! — рявкнул Кактус.— Какой же это ды-ды-доберман? Ды-дыберман гладкошерстный, а это? У тебя что, глаз нет? Разве это доберман?

— Но вы же сами сказали...

— Бо-бер-ман! Не д-ды-доберман, а бо-боберман! Сечешь разницу? Порода такая про-продуктивная. Тьфу, перспективная...

— Я про такую породу никогда не слышал! — загоняя очки повыше, на фигушку носа, сказал Резус.— Доберман — это да! Доберман-пинчер, например...

— Сам ты пи-пи-пинчер! — возмутился Кактус.— Академик нашелся! Смотрите на него, породу отличить не может! Смотри сюда! То доберман-пинчер, а это бо-бо-боберман! Совсем другое дело!

— Я про такого не слышал!

— Мало ли что! Порода новая! Бо-бер-ман — на букву «б», понял? Боберман. И не это, не пинчер, а как это... Во! Стюдебеккер! Уникальная собачка! На весь город один экземпляр!

— Единственный? — переспросил Вовка.

— Но! Не сойти с места! Второго такого нет, хоть с фонарем ищи! — поклялся Кактус.— Потому и стою тут, как три тополя на Плющихе... Порода уникальная! Продуктивная! Тьфу, перспективная! Никто в ней не смыслит ни шиша! Соображали бы в собаках — с руками бы оторвали! За любые деньги.

Боберман поглядел на Вовку исподлобья. Подвигал мохнатыми бровями и отвернулся. Потерял к мальчишке интерес.

— А что он умеет? — спросил Вовка.

— Что хошь! Чему научишь, то и будет уметь! Он толковый. С ним хоть на охоту, хоть на рыбалку, хоть на выставку. Не подведет! Одно слово — бо-боберман!

— Так что он сейчас, еще необученный? — полюбопытствовал Резус.

— Ну! Рядовой! — подтвердил Кактус.— Сам же видишь — щенок.

— Так он что, еще расти будет? — ахнул Вовка.

— Как захочешь! — уверил мужик.— Хошь большую собаку иметь — ну то есть для солидности,— корми кашей! Хошь маленькую — не давай ни крошки. Усохнет! Он же этот, как его, стюдебеккер,— сам понимаешь! — Мужик заговорщицки подмигнул.— В общем, оригинальная собачка! Бери, не пожалеешь! Дешево отдам.

— За сколько примерно? — приценился Вовка.

— А сколько у тебя есть? — заинтересовался Кактус, и оригинальная собачка тоже заинтересованно подняла морду.

— Три рубля.

— Покажи!

Вовка вытащил трешку.

— Эх! — торопливо сказал мужик, сгребая деньги.— Себе в убыток. Но уж больно вы мне, космонавты, по душе. Владей!

Он сунул веревку, заменявшую поводок, оторопевшему Вовке.

— А документы? — слабо вякнул Резус.

— На что ему документы? — удивился Кактус, торопливо пряча деньги в кепку.— У него же вся биография на лице, извиняюсь, на морде написана!

— Для щенков...

— Да ты что, пионер?! Разве щенки от документов заводятся? Гы-гы!

— Вы меня не так поняли... Чтобы породистые были...

— Будут! — уверил Кактус.— Любые будут! Хошь — бульдоги, хошь — носороги! От этого — любые будут! Ну, а сильно подопрет — в милицию сходи! Там ему моментом паспорт оформят. Порода редкая... Привет!

— А зовут-то как? — крикнул Вовка в спину мужика, который уже ввинчивался в толпу.

— Зовут? — выдернулась откуда-то уже издалека, из-за прилавков, его колючая рожа.— Зовут, эта... Герой! Во! Можно по-родственному — Гера! В общем, Георгин!

Глава шестая.

Странная всё-таки порода...

...боберман-стюдебеккер! — бормотал себе под нос Резус, когда они шли домой.— Никогда про такую не слышал. В профиль на овчарку похож, а если прямо посмотреть — вроде эрдель, или боксер... Лапы-то передние, как у эрделя! Точно! А вот задние... Задние не знаю, как у кого...

Георгин тащился позади приятелей, как вьючная лошадь, преодолевшая тяжелый горный перевал, едва не подметая кудлатой мордой истоптанный снег.

Все шавки и волкодавы, выведенные на продажу, завидев бобермана, начинали биться в истерике, а их продавцы застывали с открытыми ртами.

«Во как смотрят!» — думал Вовка, уверяясь, что не промахнулся в покупке, и боберман, действительно, уникальная собака.

Сам же виновник переполоха совершенно не обращал внимания на шум. Только однажды, когда уж совсем наглая моська подскочила к самому его носу, Георгин остановился и, подняв над зеленым глазом развесистую бровь, по-человечьи мрачно спросил:

— Н-нннну?

Моська, жалобно пискнув, испарилась, а стюдебеккер, тяжко вздохнув, опять опустил разбойничью рожу к самой земле и поплелся дальше, виляя всеми позвонками и выставив тощие лопатки над облезлыми ребрами.

Однако на трамвайной остановке покорность его кончилась. Он упрямо мотал башкой и упирался всеми четырьмя лапами. А когда подкатил трамвай, пес так заголосил, что Вовка от неожиданности выронил веревку. До дому пришлось добираться пешком.

В парадной Вовкиного дома стюдебеккер с неудержимой силой поволок приятелей в подвал, и только убедившись, что вход туда прочно заколочен, дал втащить себя на шестой этаж.

Ехать в лифте он тоже не пожелал.

Глава седьмая.

— Батюшки светы!..

...Да что это такое! — запричитала бабуля, когда Вовка затолкал упиравшегося Георгина в квартиру.— Мил мои! Да где ж ты таку страховину выискал? Да ведь это ж телок цельный! Мил мои!

— Погоди, бабуля! Мы его кашей подкормим, он еще больше вырастет! — обнадежил ее Вовка.

— Осподи! — застонала бабушка.— Да где же в таком разе мы сами ночевать-то станем?

— А что такого? — сказал отец.— «Помнится, прежде и не в такой тесноте жили, а не в пример дружнее как нонеча!»

Бабка поджала губу и ушла в свою комнату.

— Костя! — умоляюще посмотрела на отца мать.— Ну придумай же что-нибудь...

— Вот это — пардон! — сказал отец.— Что пардон, то пардон! Я умываю руки.— И действительно ушел в ванну бриться.— Это не моя идея!— закричал он оттуда.— Что хотите, то и делайте!

— Вовочка! — робко предложила мама, с опаской поглядывая на Георгина.— А может, мы его накормим да и отпустим на волю?..

— На какую волю! — закричал Вовка.— Что он, чижик в день птиц?!

Но мама уже открыла холодильник и вытащила оттуда кусок колбасы.

— Ну-ка, собачка, собачка...

Георгин, который смущенно жался в прихожей, вдруг вздыбился, в животе у него заурчало, точно там завели небольшой тракторный мотор.

Вовке показалось, что от тарелки с колбасой до клеенчатого псиного носа натянулась невидимая нить, прямая, как луч лазера, и Георгин пошел-пошел по этому лучу, перебирая кривыми задними лапами и нервно топоча передними... В какое-то неуловимое мгновение он скакнул (или мелькнул)!

Мама вскрикнула, тарелка грохнулась вдребезги! Георгин гамкнул, и колбасы, вместе с бумагой, как не бывало. Стюдебеккер ошалело завертел глазами, не веря своей удаче, и со страшным воплем ринулся в раскрытый холодильник.

— Костя! Костя! — отчаянно закричала мама.

— Что такое? — отец с намыленной щекой выскочил из ванной.

— А ну поди прочь! — Бабуля ворвалась в кухню, воинственно размахивая шваброй.— Осподи! Дак ведь он весь недельный провиант сничтожит!

Георгин, урча и постанывая, жрал все подряд вместе с полиэтиленовыми мешками и картоном

упаковок. Его сутулая, с выпирающими позвонками спина дрожала от восторга. Ошалело вертелся обрубок хвоста.

— А вот я тебя, злыдню! — закричала бабуля басом, замахиваясь шваброй.

Вовка невольно зажмурился, понимая, что бабуле нет дела до уникальности бобермана, и что она не дрогнет...

— А вот это, мамаша, не стоит! — услышал он страшно спокойный голос отца.

Вовка раскрыл глаза и увидел, что швабра, только что будто карающий меч воздетая над бабулечкиной головой,— в руке отца. А сама бабуля открывает и закрывает беззвучно рот, как рыба.

— Не стоит,— повторил отец.

Вовка невольно подивился не только той спокойной твердости, с какой была отнята швабра, но и грустным нотам, явственно звучавшим в голосе отца.

Отец подождал, пока совершенно обалдевший и раздувшийся, как дирижабль, стюдебеккер отвалился от опустошенного холодильника. Снял с его расписанной всеми закусками морды веточку укропа и, уверенно взяв за ошейник, сказал:

— А ну пошли! — и повел повизгивающего от преданности и восторга Георгина в ванну.

— Владимир! Иди сюда и смотри! — позвал отец.— В дальнейшем мыть его будешь сам.

Глава восьмая.

— Але-гоп!..

...— скомандовал отец.

Георгин не понял.

— Ну! — повторил отец, чуть дернув за поводок.— Але-гоп!

Георгин опять не сообразил, чего от него требуется. Он восторженно смотрел на отца и мотал обрубком хвоста.

— Ну давай! Давай!

Георгин застонал от преданности, но не сдвинулся с места.

— В воду! В воду! — пояснил Вовкин отец. И для наглядности поболтал рукой в воде.— Мыться-купаться! А? Ух хорошо! Ух...

— Ууууууух! — взвыл сообразивший, к чему клонит отец, Георгин и рванул во всю мочь из ванной в коридор.

— Дверь! — страшным голосом закричал отец.— Держи дверь!

Он вцепился обеими руками Георгину в загривок и со стоном, как тяжеловес штангу, оторвал от кафеля и макнул в воду. Пес орал так, что вот-вот, казалось, перегорит лампочка.

— Ишь ты! Ишь ты! — приговаривал мокрый с головы до ног Вовкин отец.— Шпана! Дефективный! Его в ванну, как человека, а он не желает! Его импортным шампунем, а он не хочет... Ишь ты!

Постепенно боберман успокоился. Стал с интересом присматриваться к мыльным пузырям. Правда, когда самый большой из них лопнул, и мыло брызнуло ему в глаза, он опять попытался выскочить в коридор. Но то ли теплая вода подействовала на него успокаивающе, то ли он признал в отце хозяина, а только справились с ним на этот раз быстро.

— Сообразил! — приговаривал отец, вытирая тощего и облезлого бобермана пожертвованным для такого случая старым маминым халатом.— Не совсем, значит, дурак! Понимает!

— Что понимает? — спросил Вовка, потому что по тупой, но преданно глядящей на отца морде перспективной собаки трудно было судить о ее умственных способностях.

— Хозяйскую руку почувствовал,— объяснил отец.— Тряхнешь за шкирку, сразу понимает, кто главный. Это рефлекс собачий такой. Их и матери так таскают. А когда я на севере работал, то своими глазами наблюдал, как вожаки упряжек лодырей вот так-то раз-раз тряхнут — и все в порядке... Бежит упряжка ровно. Все тянут!

И Вовка с удивлением узнал, что отец долго работал на севере. Ездил там на оленях, на собачьих упряжках...

Отец был маленький, щуплый, нервный. Он пропадал на работе с утра до вечера, и что он там делал, Вовке было неизвестно. Да честно сказать, и неинтересно, потому что отец был совершенно не знаменитый, а Вовку интересовали только знаменитые люди. Но сейчас, стоя в луже, налитой при купании пса, он почувствовал к отцу уважение. И вместо того, чтобы похихикать над обычной отцовской рассеянностью, сказал:

— Пап, у тебя это... щека в мыле.

Отец стал добриваться. Георгин блаженствовал около электрического рефлектора — обсыхал.

— Видать, этому псу досталось,— говорил отец, снимая бритвой пену со щеки.— Видал, как он в холодильник-то!.. «Хоть убейте, но дайте поесть!»

— Эх, брат,— вздохнул он.— Это состояние мне очень даже хорошо известно. Я в сорок седьмом из детдома сбежал — на волю потянуло. А был как раз такой, как ты... Оголодал, конечно, на воле-то. Время послевоенное, со снедью туго, хлеб по карточкам. Правда, коммерческий, то есть за деньги, уже был. Сорок рублей буханка. Ну вот...— Не торопясь отец прополоскал лезвие.— Я и до побега был доходяга, а тут вообще от голода стал прозрачный. А с голодухи-то знаешь как запахи чувствуешь!.. Ну просто как охотничий пес! Болтаешься по городу целый день, а все к дверям булочной тянет. А оттуда такой смачный запах идет!.. Подождал я, пока покупатель послабее или порассеяннее, что ли, выйдет,— хвать у него буханку из-под мышки и бежать! А ноги-то как соломины — не слушаются! Упал. Ну, думаю,— все! И не то мне страшно, что убьют, а что хлеб отнимут. Я его скорее глотаю, глотаю, давлюсь кусками-то. А он теплый, мягкий...

Отец причесал волосы, и теперь еще заметнее стала его седина.

«Совсем почти уже седой»,— подумал Вовка, а вслух спросил:

— Здорово били? — Вопрос получился шепотом, потому что мешал ком в горле.

— Да нет,— сказал отец.— Поорали, конечно, потом бабки плакать начали...— Отец грустно

улыбнулся Вовкиному отражению в зеркале.— В милицию меня. А мне там худо сделалось! Чуть не помер — хлеб-то свежий был... теплый еще...

Он встряхнул головой, отгоняя грустные воспоминания:

— Ну, пойдем твоего крокодила на ночлег устраивать!

Они постелили мамин халат в прихожей. Поставили Георгину на ночь миску с водой. Стюдебеккер икал от сытости и все норовил лизнуть отцовскую руку.

Глава девятая.

Вовка любил эти минуты...

...когда сон еще не навалился, а вся окружающая действительность уже исчезла, и мечты, даже самые невероятные, казались явью. Поэтому Вовка всегда быстро забирался под одеяло и крепко зажмуривался...

Сегодня он, как всегда, свернулся калачиком, и вот уже перед его мысленным взором развернулась прекрасная картина будущего успеха. Вовка в мельчайших подробностях представлял, как он завтра выйдет на улицу с Георгином и при его виде прохожие будут падать от восторга в обморок рядами! И сами по себе будут укладываться в целые штабеля лопнувших от зависти!

Не успел Вовка как следует закрепить это замечательное видение в памяти, как одеяло, будто живое, поползло с него на пол и что-то огромное влажно-лохматое вскочило на кровать.

— Кто это? Мама! — пискнул Вовка.

Мокрый горячий язык залепил ему нос и губы.

— Тьфу! Кто это? — взвизгнул Вовка.

Георгин, совершенно обалдевший от сытости и тепла, от всего того уюта, которого он отродясь не видал, решил идти до конца и жить уж совсем по-человечески! То есть спать на Вовкиной кровати.

— Пошел! Пошел! — отпихивался от него Вовка руками и ногами.— Куда ты! Место! Место!

Но необученный Георгин команд не понимал, а все пер и пер, втискиваясь между Вовкой и стеною, выбирая местечко потеплее и поудобнее.

Из комнаты выскочили полураздетые родители. Зажгли свет: Георгин в диком восторге лез обниматься!

Раза три его отволакивали за шиворот в прихожую, но он не желал там оставаться. Поцокав когтями по паркету, он долго примеривался к затворенной двери, а затем, уцепившись зубами за ручку и навалясь на дверь пузом, легко оказывался в комнате, где с упорством самурая лез на штурм Вовкиной кровати.

Тогда отец взял большой гвоздь, вколотил его в косяк и загнул так, чтобы пес не мог открыть дверь из прихожей в комнату.

Минут пятнадцать вся семья слушала, как Георгин пыхтит, стукается всем телом о запертую дверь, елозит по паркету... Наконец, он угомонился, убедившись, что двери ему не одолеть.

— Ну все! — сказал отец, выплевывая гвозди изо рта. Он стоял посреди комнаты босой, в одних трусах, с молотком в руке, готовый в любую секунду кинуться укреплять дверь.— Все! Завтра замок врежу.

Мама и бабуля в белых ночных сорочках, как привидения, еще пугливо прислушивались. Но, успокоившись, собрались ложиться спать.

— Ужасти какие! — ворчала бабуля.— Ни днем ни ночью спокою нет пожилым людям!

— Ладно уж вам, мама! — сказала Вовкина мать.— Кто на «собачку» деньги давал... Вечно вы со своей самодеятельностью...

— Да кто ж ведал, что он эдаку страховину в дом притащит?

Вовка долго прислушивался к тревожной тишине в квартире и задремал не скоро. Но все же задремал и вроде бы даже увидел какой-то сон, когда его буквально подкинул к потолку страшный, похожий на завывание сирены из военного кинофильма, тягучий жуткий рев.

Когда Вовка с отцом вломились в прихожую, пес сидел перед запертой дверью, задрав кудлатую голову и вдохновенно закатив глаза, будто солист в опере, переливчато гудел. Мелодия, известная ему одному, была мрачна и свирепа. Наверно, в этой ночной арии стюдебеккер рассказывал о своей печальной судьбе, о пережитом и о том, как ему крупно повезло, как он доволен и счастлив, и какая замечательная жизнь ожидает его в этом доме.

Глава десятая.
Георгин воет долго...

...отец несколько раз вставал, стучал в заколоченную дверь, орал на певца, ругался. Стюдебеккер ненадолго умолкал. Но вдохновение его не оставляло. И, переждав, пока в доме установится тишина и голос его будет особенно хорошо слышен, он начинал свою серенаду с начала.

Поначалу он тихонечко, будто закипающий чайник, сипел. Долго прислушивался, и когда убеждался, что все уснули (или по крайней мере молчат), брал ноты регистром пониже, но зато погромче. Опять прислушивался. И, наконец, поразмявшись, врезал таким утробным басом, что в кухонном буфете звенела посуда, а в ванной сама собой начинала литься вода из крана. Ночной концерт закончился далеко заполночь, но Вовка еще долго не мог уснуть.

Он слышал, как мама выходила на кухню пить валерьянку или принимать снотворное, как бабуля ворочалась, скрипела пружинами дивана в своей комнате, как выходил курить и кашлял отец. Но не эта ночная ходьба прогоняла дремоту.

Странные непонятные мысли не давали ресницам склеиться в сладком сне. Непрошеные картины возникали перед Вовкиным воображением. Вот явилась заснеженная улица. Мальчишка, оборванный, грязный, чем-то сильно похожий на Георгина, валялся на снегу, пряча под живот, чтоб не отняли, ворованную буханку... И глотал, пока не убили, куски хлеба...

Где-то не то по телевизору, не то в газете Вовка видел лозунг: «Север любит сильных!» Отца — маленького, щуплого,— никак нельзя было принять за силача, а вот поди ж ты — работал на севере.

«Не силач, а с Георгином вон как моментально справился»,— думал Вовка, находя в отце все больше и больше замечательных черт.

Ну, вот он кричит, ругается, топает на Вовку ногами, а ведь ни разу не ударил! Другой бы сто раз выпорол, а этот никогда пальцем не тронул — грозится только.

«Он все еще надеется, что я буду честным!» — подумал Вовка. И вдруг Вовка, у которого, как сказал доктор, такое наглое лицо, что об него можно спички чиркать, покраснел! Вовка, способный не моргая глядеть ясными глазами в глаза хоть директора школы, хоть участкового, смутился...

Конечно, в темноте не было видно румянца, которым полыхнуло его закаленное враньем лицо, но он сам почувствовал, каким жаром налились у него щеки и как стало горячо глазам.

Глава одиннадцатая.
— Вовка, вставай!..

...Вставай, Вовка! — отец тряс его за плечо.

Вовка с трудом разлепил веки.

— Чего?

— Вставай! Я на работу опаздываю, так что сам поднимайся — выводи!

— Чего выводить? — не понял мальчишка.

За окнами стояла глубокая ночная тьма. До подъема в школу — полтора часа.

— Не чего, а кого! Ты что хочешь, чтобы он нам всю квартиру загадил? Он ведь не машина, не выключишь! Он живое существо!

Живое существо плясало на кривых ногах и просительно скулило. Вовка, которого качало, оттого что сон сидел в каждой клеточке его мозга, треснулся о дверной косяк и только тогда немножко очухался. С тоской посмотрел он на белые морозные узоры на стеклах, подумал о том, как стужа полезет в рукава, за шиворот пальто — стоит только выйти на мороз — и его передернуло.

Не попадая в рукава, он натянул пальто, нахлобучил шапку. Георгин яростно драл когтями входную дверь, и как только она открылась, лавиной рухнул вниз по лестнице, моментально вырвав из Вовкиных рук веревку, заменявшую поводок.

Когда Вовка вслед за ним выскочил на улицу, Георгин был уже далеко. Резвой трусцой уносился он по тускло освещенному бульвару, лихо козыряя задней ногой почти каждому фонарю.

— Герой! Гера! — закричал Вовка, кидаясь за ним вдогонку, но вернуть бобермана было невозможно. Пес проскочил проходными дворами на пустырь и там исчез в темноте.

«Вот и все! — подумал Вовка,— вот тебе и боберман-стюдебеккер». Но странное дело — вздохнул с облегчением.

Может быть, виновата в этом полубессонная ночь, бесконечная серенада бобермана, ледяной ветер, задувавший под пальто, или еще что-то, а только подумал он о пропаже собаки как-то отстраненно.

Он подумал, что теперь можно не торчать на морозе, а вернуться домой и нырнуть в еще не остывшую постель, укрыться одеялом с головой и спать, спать, спать... Сколько захочется! Потому что до зимних каникул осталось два дня, и «промотать» эти два дня такому специалисту по прогулам, как Вовке, не составляло труда.

Вовка потопал задубевшими от холода ботинками. Несколько раз покричал в темноту:

— Герой! Герой! Георгин...

Это было делом безнадежным. С таким же успехом можно было звать из снежных вихрей Деда Мороза и Снегурочку... И он двинул домой.

Вихрем взлетел по лестнице на свой этаж. Даже лифта не стал дожидаться! И скорее в кровать, под пуховое одеяло.

— Ну и что! — говорил он себе.— Пропала собака! Подумаешь! — Конечно, прохожие и одноклассники не будут умирать от зависти, глядя на Вовкиного бобермана... Но если припомнить, что творилось этой ночью, то неизвестно кто вперед окочурится! Недаром бабуля говорила, что «ета животная нас всех в гроб вгонить!». Нет стюдебеккера — и не надо! А со славой... Со славой что-нибудь поинтереснее придумаем!

Вовка согрелся, но сон почему-то не возвращался. Наоборот: глаза не хотели закрываться, а в голову лезли неприятные и непрошеные мысли.

— Но ведь я же его не выбросил на мороз! Он сам сбежал! — шептал он, глядя растопыренными глазами в начинающее синеть окно.— А может, ему там лучше?! Может, он сам на волю хотел!

Кровать стала почему-то ужасно неудобной. Вовка ворочался, устраивался и так и сяк, но матрац, который всегда подставлял свою упругую полосатую спину с готовностью, вдруг стал каким-то бугристым, твердым... Одеяло душным, а подушка каменной. И неотвязно вспоминался Вовке мальчишка на снегу, с буханкой под животом...

Медленно-медленно, словно во сне, Вовка поднялся. Натянул штаны, куртку, напялил пальто, вбил ноги в теплые ботинки. Долго-долго завязывал тесемки шапки и заматывал шею шарфом.

Как ему не хотелось идти! Мало того, что каждый сантиметр его невыспавшегося тела был против, Вовка понимал, что с возвращением стюдебеккера навсегда кончится его спокойная жизнь. Вставать придется в такую рань каждый день! А что еще придумает боберман — неизвестно!

— Может, я его еще и не найду! — сказал Вовка с тяжелым вздохом, выходя на лестничную площадку.

Его ноги будто прилипли к лестничным ступеням, а руки не желали толкать тяжелую дверь парадной. Но какое-то новое, не знакомое ему прежде чувство заставило его зажмуриться и вывалиться на улицу, в тьму и мороз.

Холодный ветер со снегом царапнул его щеки, и в ту же секунду в желтом кругу света под фонарем Вовка увидел Георгина. Стюдебеккер тоже увидел хозяина. Он подскочил вверх сразу на всех четырех лапах и залился таким лаем, что в домах стали вспыхивать светом окна. Его грязные лапы уперлись в Вовкину грудь, а мокрый горячий язык моментально облизал все лицо.

«Вот он, вот он мой хозяин! — означали эти прыжки и лизание.— Я знал, что он вернется! Я знал, что он меня не бросит!»

— Да ладно! Ладно тебе! — начал отмахиваться от уникального пса Вовка.— Прекрати!

Но справиться с Георгином было не просто.

— Отстань, я сказал! — закричал Вовка, хватая пса за ошейник. И тут же его руки сделались липкими, а в нос ударила такая вонь, что глаза сами собой заслезились. Стюдебеккер от кончиков ушей до обрубка хвоста был вывален в каких-то невероятных осклизлых помоях. Тошнотворный запах падали, густо валивший от него, сбивал с ног.

— Фффууу! — застонал Вовка.— Где ж ты так вывалялся? Где ж ты нашел такую дрянь? Паразит! Ну что теперь с тобой делать? А ну домой! Домой быстро и мыться!

Георгин не возражал. Несколько раз он тихонечко вякнул во тьму, точно с кем-то прощался, и громадными прыжками помчался к обитой клеенкой Вовкиной двери на шестом этаже.

Мыть его пришлось долго. Бабка горестно причитала. Мама только укоризненно взглянула на Вовку и быстро-быстро, даже не попив как следует чаю, ушла на работу.

Вовка извел на стюдебеккера все хозяйственное мыло, весь шампунь. Опрыскал его отцовским одеколоном «После бритья». Георгин чихал, скулил, преданно заглядывал в глаза. Норовил лизнуть Вовку в нос.

А вонь не проходила! Правда, теперь она уже шла не от самого пса. Он теперь благоухал, как весенняя клумба. Но запах падали перекочевал на вещи, на стены квартиры. Вовка даже не смог съесть свою любимую манную кашу напополам с малиновым вареньем! Хотя и пытался есть около распахнутой настежь балконной двери. Первый раз в жизни он не мог дождаться, когда можно будет идти в школу! Но запах, принесенный в дом стюдебеккером, не покидал его и там. Особенно воняла одежда. Сколько ни стирал ее Вовка снегом, а вся грудь у пальто была истоптана собачьими лапами.

Домой он возвращался с опаской. Его томило нехорошее предчувствие.

Окончание следует

БАРАБАН

№ 7

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ ПЕЧАТАЕТ ТВОИ ЗАМЕТКИ, СТИХИ, РИСУНКИ

Я иду тебе навстречу

Ученическая бригада у нас — тридцать человек. Утром несколько ребят отправляются в мастерские помогать слесарям чинить колхозную технику, остальные — в поле, на брюкву. Сегодня занимались прополкой, а вечером устроили конкурс букетов. Все нарвали цветов по дороге с работы, составили букеты и вот — чей красивей окажется? Всем понравилась «Белоснежка и семь гномов» — ромашка в окружении семи васильков. Мы с Анжелой Лосевой представили «Шустрых старичков» — букет одуванчиков.

— Почему старички? — закричали мальчишки.

— Потому что они белые, как будто седые.

— А почему шустрые?

Я дунула на одуванчики, и они разлетелись во все стороны. После этого нам чуть первый приз не присудили. Но тут Костя Щеглов принес свой букет... Даже и не букет, а всего два цветка: борщевик и лютик. А название придумал: «Я иду тебе навстречу». И все без споров решили, что эта композиция самая лучшая. Борщевик чем-то на мальчишку похож — вытянувшийся, какой-то угловатый. А маленький лютик — как девочка. И вот они как будто шли навстречу друг другу и встретились.

Света Кирикова,
пос. Новосельский,
Новгородская обл.

Построили школьную теплицу и овощехранилище, а во дворе посадили саженцы.

Олег Сашин,
Темерлик

Научила плавать своих маленьких друзей: Гулю, Таню и Максимку.

Наташа Водопьянова,
порт Декдаш,
Красноводская обл.

Твой старший брат — комсомол

Вожатый Витя

Этот снимок я сделал в пионерском лагере «Восток-6» Владимирской области. А на нем — наш вожатый Витя. Удивительный человек! Он умеет решительно все: и спортивные состязания проводил, и эстафеты, и викторины...

Среди ночи вдруг заголосил горн. Если честно, то спросонок я жутко перепугался — подумал, не началась ли война? А это было, оказывается, начало нашей лагерной «Зарницы».

Воевали «синие» и «зеленые», кидаясь шишками. В кого попали один раз — «ранен», два раза — «убит». Я был начальником штаба «синих», меня «ранили». И все же мы победили. А правила игры придумал он, Витя.

Но больше всего удивил нас вожатый тем, что, ни разу не держа в руках до лагеря баян, за смену научился играть на нем не хуже нашего музрука. Вот бы еще раз встретиться с Витей!

Саша Пылаев,
Мытищи,
Московская обл.

Наш отряд выполнял операцию «Лекарственное сырье». Собрано 15 килограммов ольховых шишек, 5 килограммов березовых почек. А еще собирали зверобой, череду, подорожник. Все сырье сдали в аптеку, а деньги перечислили в фонд защиты растений.

Оля Спиридонова,
6 класс, д. Свищево,
Смоленская обл.

Коренные артековцы

— Ребята, вы правда здесь родились?

Мы обступили Сашу Хлопкова и Романа Бокаревича, жителей поселка Артековский, который находится в двух минутах ходьбы от нашей дружины «Алмазная».

— Живу я в этом поселке всю жизнь, — рассказывает Саша,— и привык к Артеку и даже не представляю, как можно жить и не слышать звуки горна, веселые артековские песни.

— Мы и учимся рядом с Артеком,— говорит Роман.— Артековцы принимают наших ребят в пионеры и комсомол. Совсем недавно на последний звонок к нам приходил оркестр из вашей дружины, и, конечно, мы тоже помогаем Артеку: убираем территорию, сажаем цветы и деревья.

Сергей Грязнов,
Свободный,
Амурская обл.

Первый месяц каникул работала на сборе земляники. Собранная земляника отправляется в разные большие города, где ее нет.

Наташа Миловидова,
Белозерск

На колесах по Эльбе

Автобус подъехал к пристани, и мы как будто попали на страницы книги Марка Твена. На воде покачивался старинный пароход, у которого были большие колеса и высокая труба. А вся команда была одета в матросские робы прошлого века.

От капитана Вальтера Лемке я узнал, что кораблю «Штадт Велен» уже 108 лет и что у него самый красивый маршрут — от города Шмильке до города Ризы. Это места, где берега Эльбы обступают скалистые горы Саксонии с неприступными замками на вершинах и с маленькими деревушками внизу, в которых живут знаменитые мастера разных ремесел.

— Наш пароход плавает здесь уже 30 лет,— сказал капитан,— команда — всего семь человек, но зато, видите, это настоящие речные волки! А тяжелый позолоченный штурвал — единственное, что не подвергалось реставрации.

Когда путешествие по Эльбе закончилось, впереди показалась знакомая пристань. Сходя по шаткому трапу, я обернулся и помахал Вальтеру рукой. Счастливого плаванья вам, капитан!

Саша Игудин,
школа № 155
Ленинград

ФРЕГАТ **Поляков Дмитрий, 6 класс, школа № 68, Тольятти**

„Барабан" бьет тревогу!

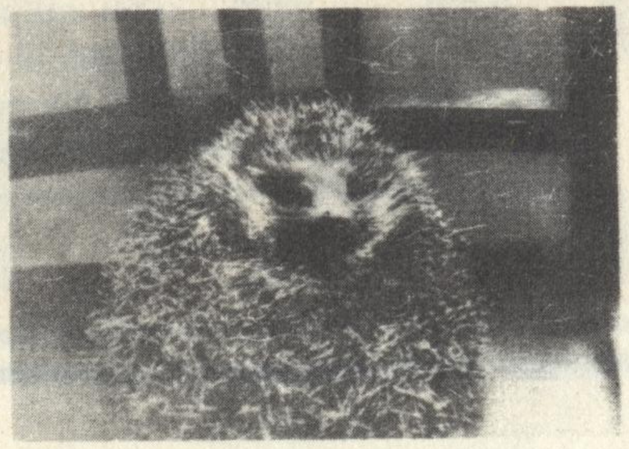
У нас в селе был хороший парк Победы. Вдруг смотрим — парк вырубают, а на его месте возводят стадион «Юбилейный». Строили его четыре года. Огородили сеткой, вокруг посадили маленькие тополя. Наступило лето, все разъехались кто куда. А тополечки чахли под зноем, никто их не поливал. И мы с папой как бы взяли шефство над пятнадцатью деревцами — поливали каждый вечер. Но вот папа уехал в отпуск, а я — в Омск. Приезжаю домой и вижу: вместо молодых тополей одни сухие палочки.

Я очень плакала. Ведь погибло столько деревьев!

Я не понимаю, почему так? Стадион, может быть, и нужен, но зачем ради него уничтожать парк?

Оля Урусова,
6 класс,
село Заречное,
Омская обл.

Гуляй, ежик!

Поймали мы его в огороде у бабушки. Когда он куда-нибудь направлялся, то пыхтел, как настоящий паровоз. А если кто-нибудь пытался до него дотронуться, ежик сворачивался в клубок, подскакивал и норовил уколоть. Погостил еж у нас недолго, мы выпустили его на волю. Пусть приносит пользу, поедая вредных насекомых и грызунов. А эту фотографию нашего гостя я сделала на прощанье.

Света Гостюшкина,
8 класс,
Караганда

Требуются единомышленники

Мне кажется, в нашей школе пионерская организация вроде как и не существует. Я помню день, когда меня приняли в пионеры. А вот никаких интересных пионерских дел вспомнить не могу, хотя и была награждена за активное участие во Всесоюзном марше. Правда, в первое свое пионерское лето я пыталась организовать в своем дворе отряд из девочек. Мы назвали его ОДД — отряд добрых дел. Но мы были совсем неопытные, старшие нас не поддержали, и отряд распался.

Я поняла, что пионерам без помощи старших товарищей не обойтись. Я не про учителей. Наоборот, надо отделить пионерскую организацию от школы! Организовать отряды при Домах пионеров, например, чтобы учиться товариществу.

Женя Косарева,
8 класс,
Москва

ДРУЗЬЯ

Валерий Верхотуров, Красноярск

Белла и Данко

У бабушки в колхозе есть конь гнедой масти, которого зовут Данко. А его подругу зовут Белла. Они стоят рядом в конюшне. Однажды рано утром конюшня загорелась. Данко был на улице со своим хозяином. Колхозники, находившиеся рядом, бросились тушить пожар. Вдруг из конюшни донеслось ржание. Данко вырвал узду из рук хозяина и понесся к конюшне. У дверей стояла привязанная к решетке Белла и испуганно ржала. Данко сорвал веревку, и они выбежали вместе.

Вот какая бывает дружба у лошадей.

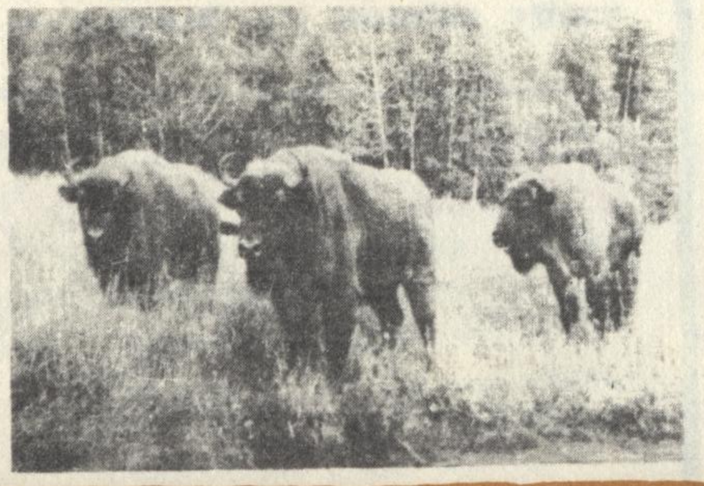
Таня Мордвинова,
6 класс,
Барнаул

ПОРТРЕТ СТАРОГО ЧАБАНА
Маматов Манноб,
7 класс, школа № 2,
Хадтаабад, Узбекская ССР

Красавцы

Этот снимок я сделал в поселке Черга Алтайского края. Там есть зубрятник. О нем знают далеко за пределами края. Зубры теперь уже редкие животные, они очень красивые. На фотографии я попытался передать хоть часть этой красоты. Как считаете — удалось?

Антон Дианов,
Новосибирск

Мои кролики

Уже не первый год я выращиваю кроликов. Кролики у меня двух пород: русский горностай и ангорские. Я наблюдаю за их поведением. Они отзываются на кличку. А самка интересно строит гнездо для своих малышей — из соломы и потом выстилает его пухом, который выщипывает у себя на животе.

Марина Гончар,
пос. Дондюшаны, Молдавская ССР

Всем отрядом помогаем колхозу — полем свеклу. Каждая свекл ка, как ее освободишь от с яков, расправляет листочки, словно радуется...

Венера Хадиева,
7 класс, с. Балтаси, Татарская АССР

Почта Всеюзного штаба красных следопытов

Два бойца

Летом я езжу к бабушке на хутор Белевцы. На холме у хутора памятник с красной звездой. Здесь похоронены два советских солдата. Имена их пока неизвестны, но местные школьники, которые ухаживают за памятником, стараются это узнать.

Это было в самом начале войны, когда через хутор шли беженцы из прифронтовой полосы, а за ними отступали наши солдаты. Прикрывали их два бойца с пулеметом. Вдруг в хутор ворвались фашисты на мотоциклах. Два бойца оказались в окружении. Весь день до самого вечера шла перестрелка. А утром во дворе Антона Григорьевича Ткаченко нашли одного из солдат мертвым. Второй прополз немного дальше и тоже умер. Антон Григорьевич похоронил их в окопе, из которого они отстреливались. Погибнув, эти два человека спасли стольких людей!

Таня Шевченко,
3 класс, школа № 31, Краснодар

Строки из писем

...Это был мой настоящий друг. Хороший и даже очень. Всем наша пара нравилась. Но, видно, так судьбе было угодно, пошли сплетни, всякие грязные разговоры. Кто-то отчаянно хотел помешать нашей дружбе. И я нашла этого человека — ученицу той самой школы, где учится мой друг. Когда я рассказала об этом своим подругам, они решили ее избить. И хотя я была против, Алиса ее избила. Вы не думайте, что мы — исключение. У нас в городе все так делают.

Нина Гашева,
8 класс, Чусовой, Пермская обл.

Это было здорово интересно: КВН между нашей школой и школой поселка Красная Слобода. Заковыристые вопросы, остроумные ответы, а главное — ребята не боялись критиковать взрослых. Вот пример: на сцене — силуэт испуганной женщины. Команда наших соперников дает ответ: «Учительница пришла в ужас от самоуправления в школе». А наш ответ был, что она вошла в школьный буфет.

КВН организовали комитеты комсомола школ, а в состав жюри вошел первый секретарь райкома ЛКСМ Аббасов.

Улькяр Агамирзоева,
Куба, Азербайджанская ССР

На нашей улице живет много маленьких детей-казахов, корейцев, татар, русских. Они еще не ходят ни в детский сад, ни в школу. Часто я их собираю вместе, чтобы провести какую-либо игру или занятие. Я считаю, дружба — это первое, чему они должны научиться.

Аэлита Молдабаева,
8 класс, Уш-Тобе, Талды-Курганская обл.

БЕЛОРУЧКОЙ Я НЕ СТАНУ
Оксана Широкова,
Нижний Тагил

РЕБЯТА ИЗ ПОСОЛЬСТВА МИРА

Как быстро все-таки летит время! Казалось бы, совсем недавно ребята из клуба «Октябрь» бродили по невским набережным с одноклассниками Саманты Смит, слушали их рассказы о лагере, раскинувшемся на берегу Атлантики, хохотали над попытками юных американцев научиться печь русские блины. Расставались — до встречи... Но кто знал, когда она произойдет, эта встреча?

А она произошла ровно через год. И вот ребята из КИДа «Октябрь» Ленинградского Дворца пионеров вернулись из Америки...

ЦВЕТЫ ОТ АРТИСТОВ

Она шла к ним навстречу и улыбалась улыбкой, которая знакома каждому, кто хоть раз видел ее дочь. Джейн Смит была первым человеком, который приветствовал юных ленинградцев на американском континенте. Впрочем, так и полагалось хозяйке: ведь ребята из клуба «Октябрь» прибыли в Америку по приглашению Фонда Саманты Смит, президентом которого является Джейн.

Первое удивление они пережили в театре. Прозвучали последние аккорды мюзикла, и ребята, восхищенные зрелищем, звонко били в ладоши. Но что это? Артисты спускаются в зал, направляются прямо к ним, советским ребятам, и вручают каждому по букету цветов. А зал аплодирует... Он аплодирует юным посланцам мира из Ленинграда.

Оправившись от смущения (согласитесь, после спектакля принято приветствовать артистов, а не зрителей), начали отвечать на вопросы тут же, в зале.

— Любите ли вы театр?

— Что думаете о новой политике гласности в Советском Союзе?

— Что вы хотите у нас увидеть?

Эти вопросы, исключая, пожалуй, первый, варьировались потом на многих пресс-конференциях. Но эта, первая беседа, запомнилась больше всего. Запомнилась открытостью, дружелюбием, искренностью.

А потом ехали по ночному Вашингтону. У Белого дома увидели людей с плакатами на груди. Непрекращающуюся вахту несли здесь американские сторонники мира...

МУЗЕЙ САМАНТЫ

Всякая встреча происходит до встречи. Особенно та, которую ждешь. Ее не раз прокрутишь в уме, желая представить, как она будет проходить. Особенно волновались две Тани — Таня Никитина и Таня Турикова. Ведь среди одноклассников Саманты у них появились личные подруги — Диди и Тэмара. Девочки подружились в Ленинграде, целый год переписывались...

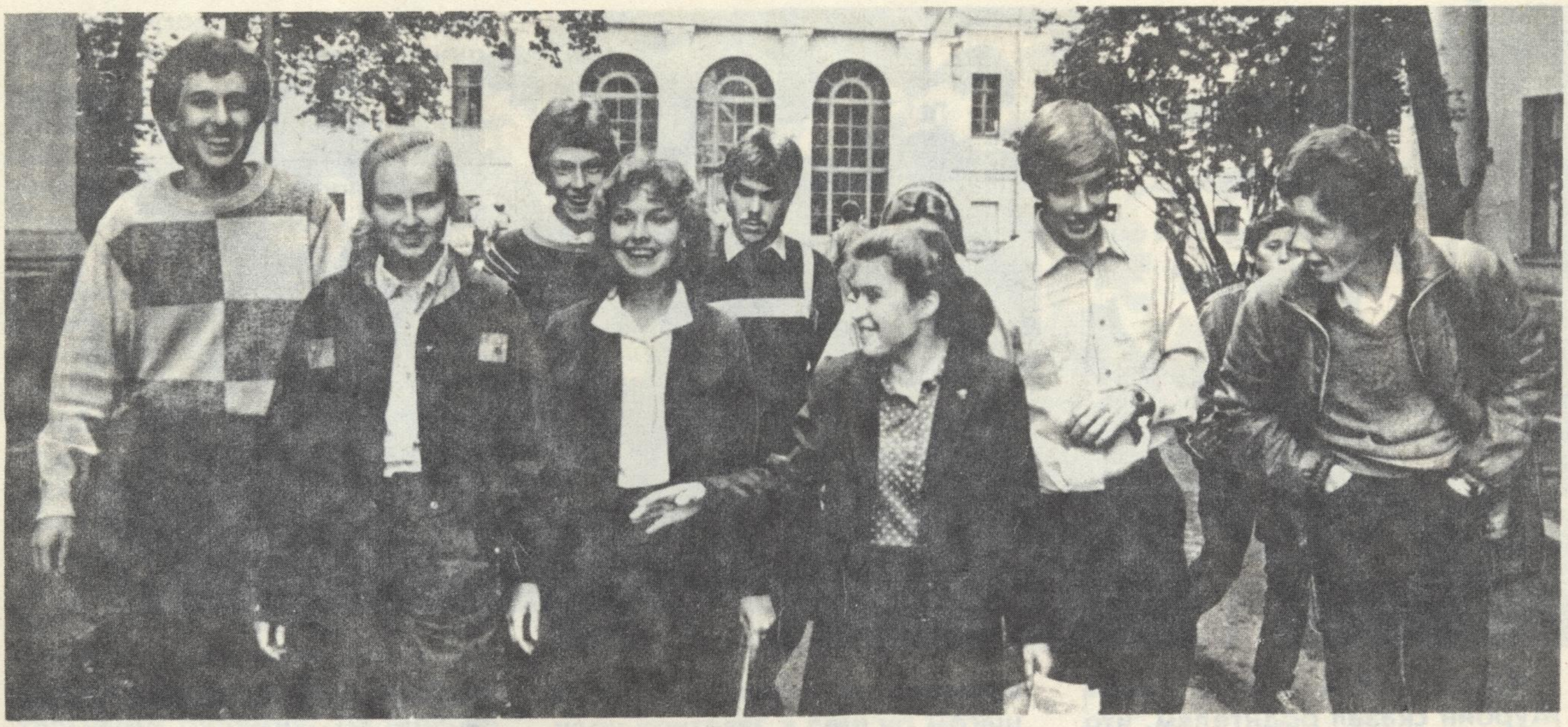
Автобус остановился на центральной площади города Огаста, столицы штата Мэн. Здесь, у памятника Саманте Смит, и была назначена встреча.. Они оказались в объятиях, как только вышли из автобуса. Восторг одноклассников Саманты, приветствующих своих ленинградских друзей, был настолько бурным, что губернатору штата потребовалось время, чтобы призвать к тишине.

— Приветствую вас в штате Мэн,— сказал губернатор,— в штате, где жила и училась наша замечательная соотечественница Саманта Смит. Быть может, не будь ее, наша встреча и не случилась бы...

Слушая губернатора, Таня Никитина, президент клуба «Октябрь», вспоминала свою первую встречу с Самантой. Вспоминала, как радостно распахивались у Саманты глаза, когда она ходила по гостиным Дворца пионеров. «Как красиво! И все это для вас, да? Для ребят?» Ей не верилось... Как сейчас не верилось Тане, что Саманты нет. Это чувство горькой утраты кольнуло ее еще раз, когда оказалась в мэрии, в музее Саманты. Там, в витрине, среди подарков, привезенных Самантой из Советского Союза, она увидела свою собачку, которую подарила ей в Ленинграде...

ХОЛОДНАЯ ТЕПЛАЯ НОЧЬ

Лагерь был расположен на берегу озера, окруженного горами. На склонах росли березы. Ну прямо настоящие березовые рощи. В рощах этих было черным-черно от черники. Юные американцы гордо показывали свою округу ленинградцам, не подозревая, что наши ребята просто-напросто оказались в родной Карелии. Хозяева поминутно спрашивали: «Вам здесь нравится? А у вас растут такие ягоды?» Услышав, что под Ленинградом много черники и что с ней пекут пироги, сначала огорчились, а потом обрадовались: вот и хорошо, что у нас много похожего... Много, да не все. Например, к некоторым кушаньям нашим ребятам пришлось привыкать. И давалось это не сразу.

Представьте себе стол. Ты — во главе (гость), а по обе стороны американцы. К тебе по кругу доходит тарелка с супом, который в твоем понимании немножко каша. На второе — моллюски (мидии). И они тебе не нравятся. А потом еще омары, которые специально для тебя привезли окрестные рыбаки,— знак гостеприимства. И омары тоже для тебя непривычны. Но ты гость и не хочешь обидеть хозяев. Поначалу мечтали о родном борще, а потом привыкли. Это оказалось нетрудно — еда менялась, а дружелюбие оставалось постоянным...

— Ты должна надеть эту кофту, и еще эту,— сказала Диди перед сном.

— Зачем? В палатке тепло,— ответила Таня.

— Станет холодно.

Но поверить в это было трудно: ведь целый день бегали по лагерю в одних футболках. Многие наши ребята пренебрегли желанием американцев их потеплее одеть. А ночью, по выражению Кирилла Кривощекова, «ноги звенели от холода». Но Женя Целоусов ранним утром все же искупался в озере...

Потом выяснилось, что это была самая холодная ночь лета.

ОБЩИЙ КРУГ

Шесть дней прожили в лагере «Элфорт пэйк» ленинградские ребята. Плавали, катались на водных лыжах, вели задушевные разговоры по вечерам в палатках. Языкового барьера не существовало — юные ленинградцы хорошо говорили (по свидетельству хозяев) по-английски. Но одно событие запомнилось особенно. Когда стемнело, к самой большой лагерной лужайке стали стекаться ребята. Все сели в круг. Посередине зажглась одна-единственная свеча. В этот день исполнилось два года со дня гибели Саманты Смит... Бесс, классный руководитель, стала вспоминать разные истории, которые случались с ее ученицей. Постепенно все больше и больше ребят втягивалось в этот тихий, задушевный разговор.

— Какая она была добрая...

— Помните, сколько у нее было животных?

— Как звонко смеялась, когда съезжала с горок...

Некоторые плакали.

Имя девочки, которая объединила и собрала в общий круг ребят с двух разных континентов, произносилось с глубокой благодарностью.

— Мы теперь всегда будем дружить, ведь правда? — произнес кто-то из хозяев. Это не был вопрос. Это была уверенность.

ПРОЩАЙ, АМЕРИКА!

Дни пролетели, как мгновение. Позади интервью, пресс-конференции, встречи. Пора расставаться. В тот день в лагере стоял всеобщий плач. Автобус, окруженный одноклассниками Саманты, долго не мог сдвинуться с места. Они не уходили и потом, когда автобус, набрав наконец скорость, стал удаляться от лагеря. Юные ленинградцы сидели притихшие. Вдруг кто-то вспомнил один из лозунгов, которыми их встречали в Америке: «Едет советская детская дипломатия». «Наша дипломатическая жизнь только начинается»,— пошутил кто-то.

Наверное, это правда. Послами мира эти ребята останутся навсегда.

Т. СКОБЛИКОВА
Фото О. Миронца

ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ

Когда в 8-м классе Слава Журбин сказал родителям, что решил поступать в Нахимовское училище, отец не удивился. Слава родился и вырос в семье флотского офицера, знал жизнь моряка не только по книгам и кинофильмам. Отец только коротко спросил: «Все обдумал?» Это значило: ты понимаешь, сын, что от Камчатки до Ленинграда — семь часовых поясов? В минуту одиночества с тобой будут только наши письма... с этого дня ты сам будешь отвечать за все... «Не рано ли, сынок, выдержишь?»

— Но ты же сам учил меня идти на глубину!

Так было однажды. Были они тогда в Благовещенске. В выходной день пошли с отцом на берег Амура.

— Научи меня плавать, папа...

Отец ответил:

— Зайди в воду, пока не почувствуешь, что дна под ногами уже нет, и плыви. Но не вздумай себя дурачить: на мелководье будешь только барахтаться в воде, изображать, что плывешь. Понимаешь?

Слава знал, что может рассчитывать только на себя: родители не будут искать влиятельных знакомых, осаждать приемные комиссии или нанимать репетиторов. Он подтянулся по некоторым школьным предметам, развивал физическую силу, занялся общественной работой. Было трудно, порой недоставало времени на отдых, но шаг за шагом он шел к заветной цели.

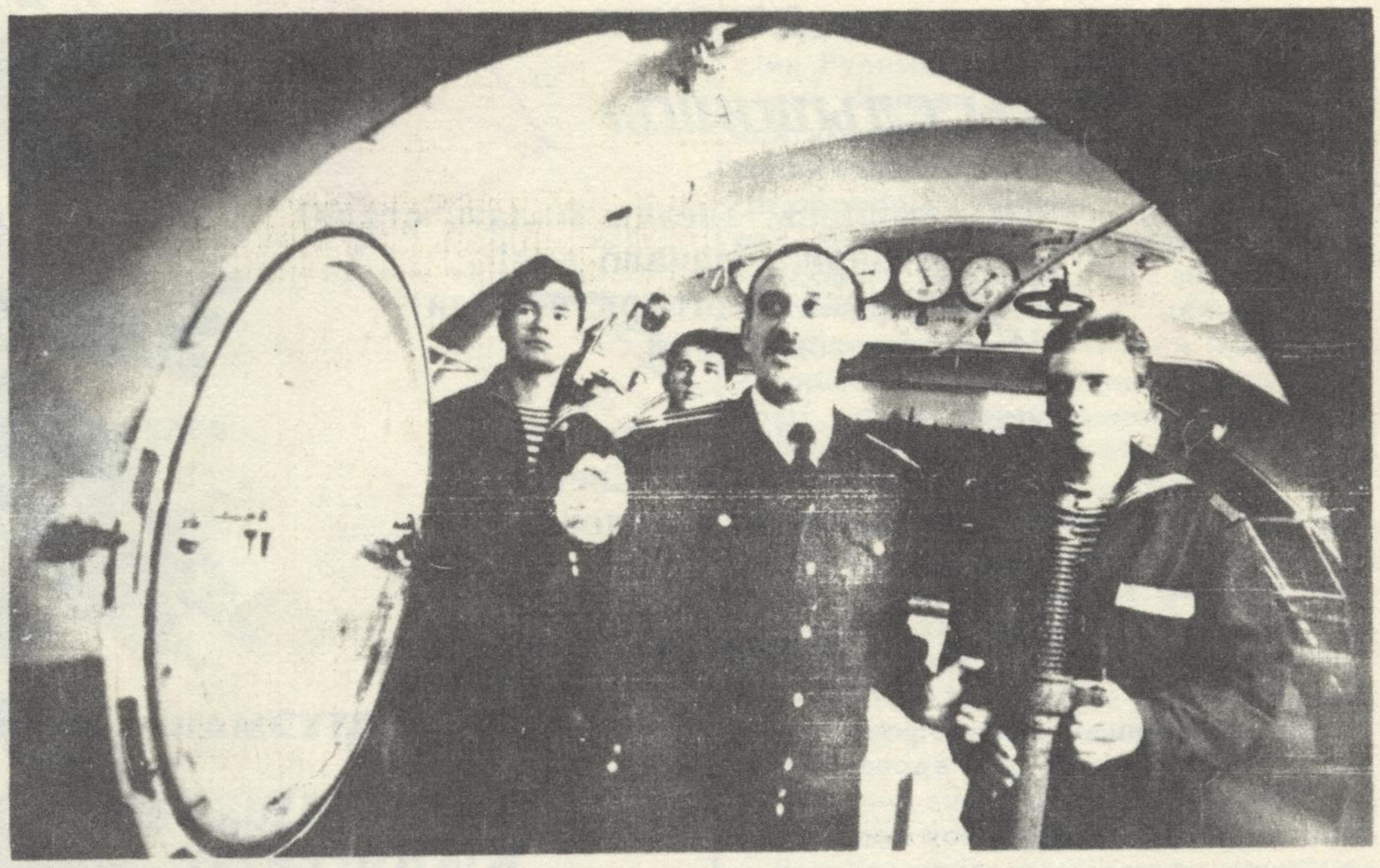
И можно было представить себе, какова была радость, когда Слава узнал, что принят в Нахимовское военно-морское училище, расположенное на берегах Невы, напротив вечной стоянки легендарного крейсера «Аврора». В Ленинграде — городе морской славы — ему все напоминало о героическом прошлом русского флота, о революционных и боевых традициях военных моряков. Занятия, физическая и строевая подготовка, экскурсии по городу и в Военно-морской музей, практические занятия — и так каждый день. Два года в Нахимовском пролетели быстро. Короткий отпуск домой. Родители уже переехали в Ялту. И когда на семейном совете Слава объявил, что продолжать учебу будет в Ленинградском Высшем военно-морском училище подводного плавания имени Ленинского комсомола, отец медлил с ответом, а мать заплакала: «Мало в семье одного подводника, так будет еще один». Да, служба эта нелегкая. Но и случайных людей здесь не должно быть. Отец легких путей в своей службе не искал и не желал их своему сыну — выбор одобрил. Вдвоем убедили маму.

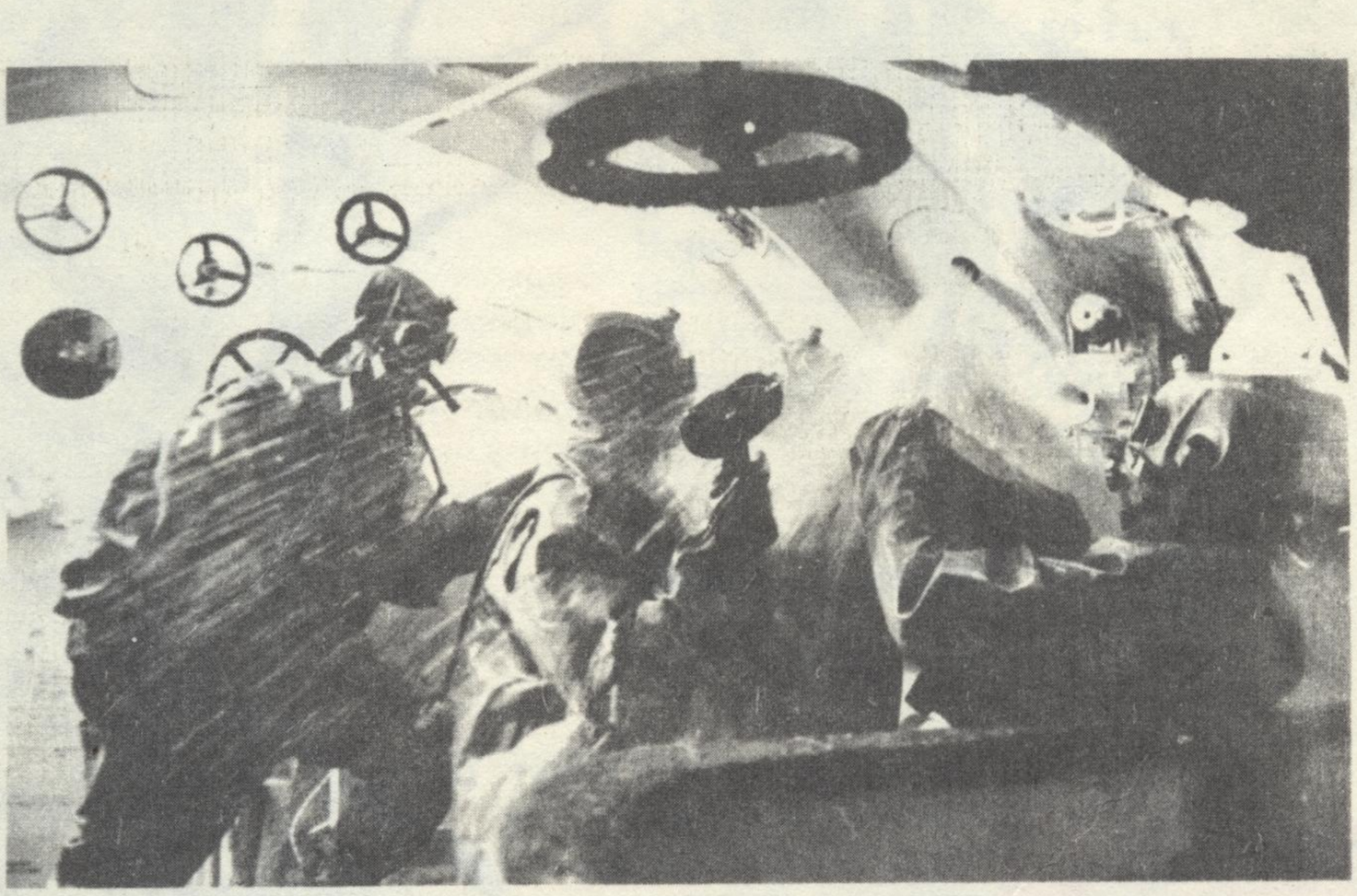
С первого дня пребывания в училище Вячеслав Журбин взялся за учебу, знал, что без профессиональной и физической подготовки офицеру на флоте делать нечего. Однако, он с удивлением для себя обнаружил, что некоторые курсанты не могут подтянуться на перекладине, готовятся к занятиям спустя рукава, лишь бы зачет «спихнуть». Словом, барахтаются на мелководье, шум, брызги во все стороны! А сами стоят коленками на дне, изображая борьбу со стихией. Журбин никак понять этого не мог. Еще в Нахимовском он усвоил для себя, что сложная современная техника требует от офицера большой самоотдачи, знаний, практического опыта в обслуживании техники и оружия.

Первая штурманская практика на учебном корабле «Смольный» убедила его, что «неуд» в штурманской службе — это, может быть, корабль, посаженный на мель. Сотни жизней зависят от тебя, от выполнения боевой задачи! Штурман, прокладывающий курс, должен знать, куда он ведет свой корабль, а не только отмечать на карте, в какой

точке мирового океана он сейчас находится. Из практики курсантам училища известно, что молодые офицеры на подводной лодке с первых дней самостоятельной службы поступают в обучение к... матросам и старшинам. Приборов и механизмов на подводной лодке столько, что на борту или подволоке — потолке, нет свободного места. И знать эти приборы нужно назубок. Идет старшина по кораблю, а за ним лейтенанты-выпускники. Закроет старшина пилоткой клапан на подволоке и спрашивает: «Какая система?» Нужно без запинки ответить: «Воздух высокого давления» или «Гидравлика управления горизонтальными рулями». Да еще не забыть сказать, в каком положении клапан — открыт или закрыт, на стоянке или в походе... Таких систем на подводной лодке — десятки. Клапанов и выключателей — сотни. Знать их нужно все, иначе командир не допустит к ведению вахты. Знать и управлять.

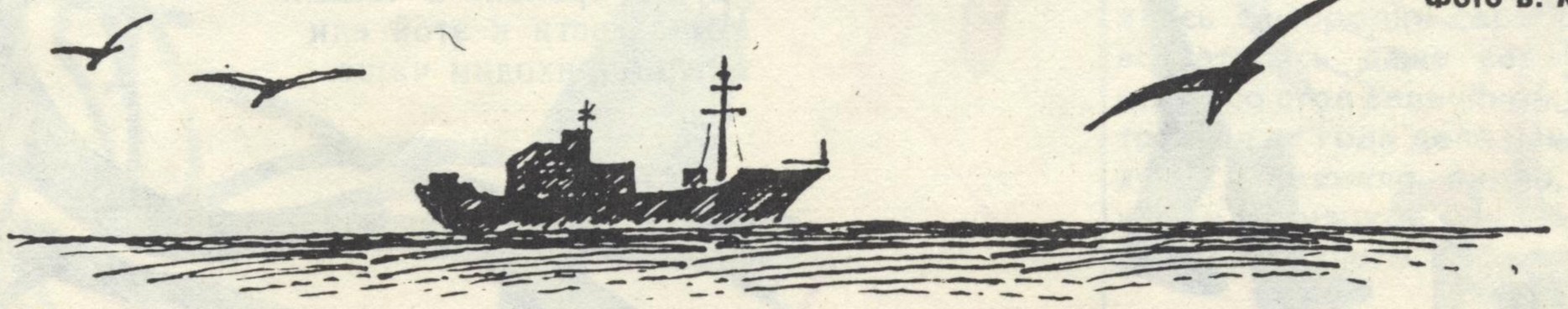

До седьмого пота раз за разом проходилась специальная полоса препятствий. Да, полоса препятствий есть не только в пехоте или у десантников. У подводников она специальная. Идет подводная лодка в океане и вдруг — команда: «Срочное погружение!» За считанные секунды экипаж должен войти в люк, разбежаться по отсекам, занять места по боевому расписанию. «Войти в люк...» — это значит пролететь метров десять по вертикальному трапу, не касаясь ступеней. «Разбежаться по отсекам...» — это значит отворить несколько наглухо закрытых на специальные запоры тяжелых крышек люков и толстых металлических дверей, нырнуть в них, и тотчас закрыть за собой. «Загерметизировать», как говорят подводники. На стадионе училища стоит такая полоса препятствий, на которой будущие подводники тренируют это непростое умение.

Ему не так легко живется, как может показаться на первый взгляд. За словами «отличник», «правофланговый», «комсомольский вожак» стоит серьезный труд, напряжение сил. Вячеслав умеет брать ответственность на себя. Он не может мириться с недостатками, с теми, кто работает вполсилы, учится и служит кое-как.

«Как подумаю,— говорит Вячеслав Журбин,— что мне как офицеру доверят людей, а это ведь не только командовать, но больше других знать и уметь. А значит — нельзя время тратить зря». Такой у него характер. Ведь еще тогда, в Благовещенске, он каждое утро бегал к Амуру, забирался в воду и шел от берега, пока дно не уходило из-под ног — вырабатывал в себе устойчивое умение идти на глубину.

Ю. ГАЛКИН
Фото В. Мащикова

Александр ДОРОНИН

ТЫ СЛЫШИШЬ?

Ты слышишь: звезды падать стали?
Встает заря... Начало дня!
Бежит река Алатырь в дали
И улыбается, звеня.

Коровье стадо между кочек
Идет на водопой... Светло...
И солнца яркий колокольчик
Трезвонит: лето вновь пришло!

Перевел с эрзя-мордовского
Сергей МАКАРОВ

Вадим ДРОБИЗ

СТАРАЯ ЛОДКА

Нам сейчас не до обеда,
Конопатим лодку с дедом.

Из щелей вода сочилась,
Лодка плавать разучилась.

Над костром кипит смола,
Просмолим — и все дела,

А с утра под свист уключин
Лодку плавать вновь научим.

Вадим АЗБУКИН

БЕЛКИ

Ни ветерка. Но вдруг ольха
качнула ветками слегка,
и ель нагнула ветки —
ответила соседке.
Мы притаились, не дыша:
две белки без оглядки
играли, в ельнике шурша,
в пятнашки или в прятки.
Чу! Замерли... Взлетели,
кружа, пропали в чаще...
Мы в гости к этой ели
теперь приходим чаще.

Григорий КРУЖКОВ

ПТИЧКИН СЫН

А пеночка и не знала,
Что дома родился сын.
Она за водой летала
И за крупой в магазин.

А он ей навстречу высунулся
И весело доложил:

— Мама, я уже вылупился —
И все скорлупки сложил!

Николай ШАМСУТДИНОВ

НЕПОСЛУШНЫЙ ЗМЕЙ ВОЗДУШНЫЙ

Улетает змей воздушный,
Змей воздушный —
Непослушный!

Он несется
Над полями,
Над семейкой тополей,
Над крутыми виражами
Ошарашенных стрижей.

Летний день тихонько тает,
Змей
За тучку улетает.
И, уже сомкнув ресницы,
В тихой комнатке своей
Верю я, что мне приснится
Непослушный белый змей.
Он взмывает по лучу,
Я вослед за ним
Лечу-у-у!

Оформление К. Почтенной

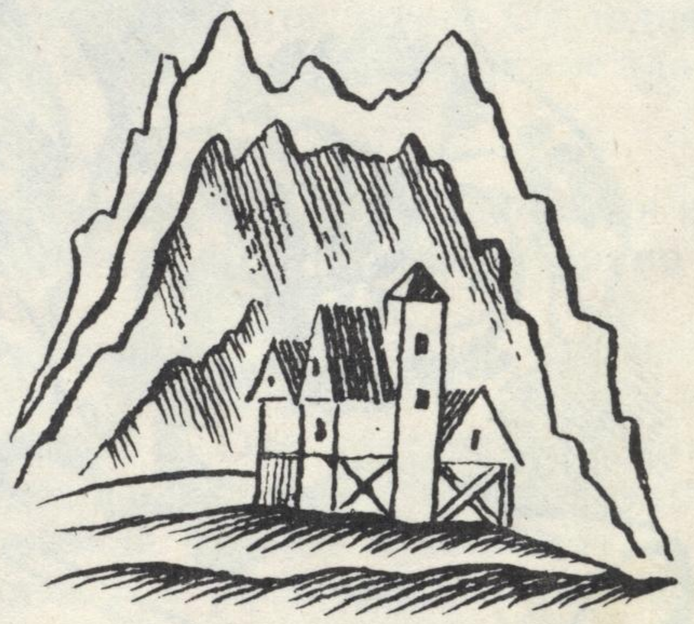
Эта легенда, возникшая в Саксонских Рудных горах, абсолютно достоверна. Секрет получения стойкой синей краски из кобальтовых руд Саксонии был открыт в XVI в. Кристофом Штюррером. Известно, что этот секрет был вскоре приобретен голландскими купцами, и знаменитые голландские изразцы с мельницами, корабликами и человечками (изразцы, которые и сегодня можно видеть в заново отреставрированном дворце Меншикова на берегу Невы), расписаны именно этими темно-синими кобальтовыми красками. На Руси такая краска исстари называется голубец. А кто не видел занятных фигурок, отличных узорчатых кружев, чайников или кувшинов Гжельской фабрики? Знаменитых темно-синих, как ночное небо, фарфоровых чашек ленинградского завода им. Ломоносова?

Глубокий синий цвет этих изделий — цвет солей кобальта...

Легенда показалась мне занятной, и я решила перевести ее и пересказать для читателей «Костра».

Т. ЗДОРИК,
кандидат
геолого-минералогических наук

ЧУДЕСНАЯ ЛАЗУРЬ

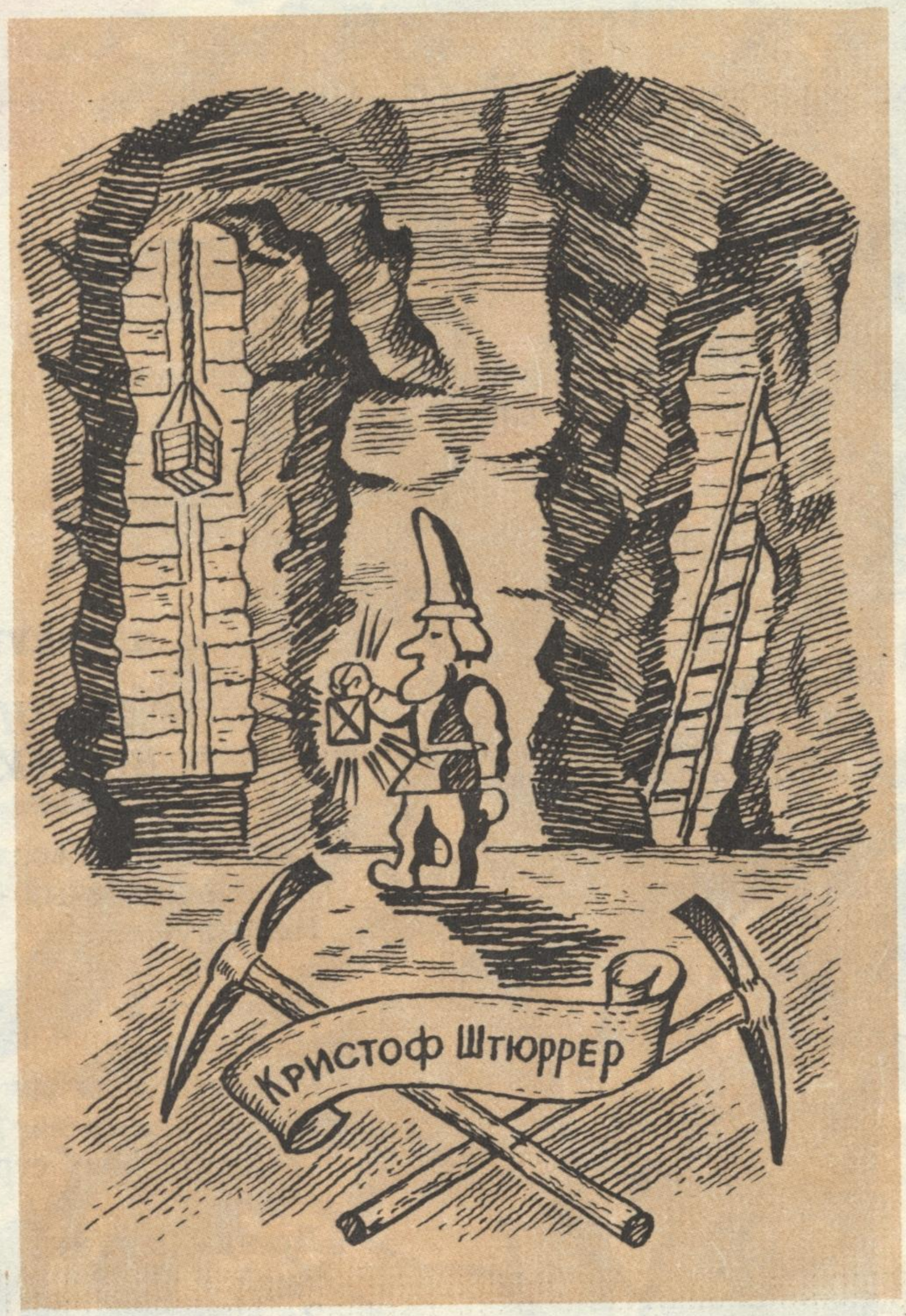
ЛЕГЕНДА
САКСОНСКИХ РУДОКОПОВ

Случилось это в Высоких Рудных горах, близ Шнееберга. Поначалу нередко находили здесь самородки серебра. Раз встретилась даже серебряная плита со стол величиной. Но потом год от года дела пошли все хуже. Изменило, видно, рудокопам горняцкое счастье. А все проделки злого Кобальта!

Этот неугомонный гном ухитрялся красть серебро прямо из руды. Кажется — вот они, серебряные блестки, простым глазом видны в камне, а металл не выплавить никак, словно заколдована руда! Ее так и прозвали «кобальтова», «кобальт» и старались подальше сторонкой обойти.

Тогда-то и появился в Шнееберге Кристоф Штюррер, сын аптекаря из Вестфалии. Малый отлично разбирался в химии, быстро научился выплавлять металл и вскоре стал на рудном дворе нужным человеком.

С первого взгляда полюбилась парню дочка мастера — Анна. Да и ей чужеземец пришелся по сердцу. Нравился смекалистый, работящий подмастерье и ее отцу. Уж и свадьба молодых была назначена на ближайший праздник рудокопов. Только беда подкараулила Кристофа еще раньше. И все из-за его страсти к химии. Хотелось ему найти в негодных «кобальтовых» рудах что-то дельное. Тайно от всех, по ночам, в маленькой плавильне возле рудника стал Кристоф возиться с этой дурной «заколдованной кобальтами» рудой. Да так прилежно — ночи напролет, опыт за опытом... Не понравилось такое дело рудничному люду. Поползли в Шнееберге слухи, что-де пришлый парень чернокнижник и алхимик. А то и фальшивомонетчик! Решено было схватить чужака ночью прямо на месте преступления. Со-

брался народ. Впереди рудничный мастер, плавильных дел мастер, подмастерья,— словом, весь Шнееберг. И пошли на гору к плавильне, чтобы схватить Кристофа, и судить его тут же. А суд и расправа над колдунами были тогда скорыми! Поднялись к руднику, а Кристоф Штюррер сам встречает их на пороге своей мастерской. Радостный, глаза сияют... Как же удивился и испугался бедняга, когда под крики: «Вор! Колдун! Чернокнижник!!!» — щелкнули на его запястьях наручники. Но все же юноша не потерял самообладания, хватило духа чудом остановить разъяренную толпу: «Люди! Стойте! Сперва взгляните, а потом судите! Успел я на свое счастье, успел все кончить! И твердо знаю: польза от моего дела будет всем вам! Да и всей нашей стране! Гляньте!» С этими словами Кристоф снял крышку и все ахнули. Целый чан великолепной ярко-синей краски тончайшего помола словно светился. «Чудесная лазурь», «Бляу Вундер» — так назвали ее сразу. Теперь уж все хотели знать ее секрет. А Кристоф и не таился: всем рассказал он, что удивительная краска таилась в негодной для плавки «кобальтовой» руде. Научил и как добыть ее оттуда. Ну, разумеется, конца не было радости и веселью — ведь секрет лазури знали тогда только в Венеции и берегли тайну как зеницу ока. И все же больше всех радовалась невеста Кристофа Анна — ведь теперь ее жених выглядел настоящим героем в глазах всего народа.

Дорогой «Костер»! Мы с другом прочитали в журнале «Пионер» о специальных законах для роботов, придумал их Айзек Азимов. Азимов не только ученый, но и писатель, пишет фантастику. Напечатайте какой-нибудь из его рассказов в «Костре».

***Витя Каштанов,** Ялта*

Три закона робототехники, которые сформулировал американский ученый и писатель А. Азимов, широко известны.

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам».

По просьбе нашего читателя мы публикуем фантастику Азимова.

Рассказ «Необычный друг» был написан Азимовым, когда ему было всего 19 лет. Азимов разработал законы робототехники много позже, но вы увидите, что они уже имеют силу в этом произведении.

Современные электронные машины куда как сложнее «Необычного друга» — робота по имени Робби, но они не заслонили его. Потому что добрый железный человек Робби — не столько из области техники, сколько из области фантазии, которая удивительнее сухих научных выкладок. Недаром А. Азимов вернулся через много лет к юношескому произведению, к «Необычному другу», появившемуся в 1940 году. Азимов включил его в свою известную книгу «Я — робот». В рассказе есть то самое, что привлекает нас сильнее всего в художественном произведении: встреча с Чудом.

НЕОБЫЧНЫЙ ДРУГ

Айзек АЗИМОВ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ **Рисунок В. Лебедева**

— Девяносто восемь, девяносто девять, сто!

Глория отняла от глаз маленькую пухлую ладошку и постояла несколько секунд, мигая от солнечного света. Она вытянула шею, проверяя, есть ли рядом густые кусты.

— Могу поспорить, он убежал в дом, а я говорила ему тысячу раз, что это нечестно.

Она направилась решительно в сторону двухэтажного строения, ее маленькие губы были плотно сжаты, лоб перерезала суровая морщинка. Она услышала шелест за спиной, а затем отчетливое, ритмичное «топ-топ» тяжелых ступней. Это Робби! Но уже поздно!

— Подожди, Робби, так нечестно! Ты обещал, что будешь прятаться, пока я тебя не найду!

В десяти футах от кона поступь Робби вдруг замедлилась до крохотных шажков, и Глория в стремительном рывке дотронулась первая до желанного дерева. Ликуя, она повернулась к верному Робби.

— Робби не умеет бегать!

Робби не ответил — потому что не мог.

— А теперь, Робби, моя очередь прятаться.

Робби кивнул и стал послушно лицом к дереву, тонкая пленка прикрыла его светящиеся глаза, а из глубины тела донеслось равномерное металлическое тиканье.

— Только не подглядывай! — Глория заторопилась в укрытие.

На сотой секунде поднялись веки, и сияющие глаза Робби обозрели окрестности. Взгляд через секунду замер на краешке цветного сарафана, который выглядывал из-за валуна. Тут же поднялось щупальце и хлопнуло гулко по железной груди, второе щупальце указало прямо на валун. Глория встала, надув губы.

— Ты подглядывал! И надоело играть в прятки. Хочу кататься.

Но Робби был обижен несправедливым обвинением, поэтому замотал удрученно головой из стороны в сторону.

Глория сразу же изменила тон.

— Я пошутила про подглядывание. Прокати меня. Если не прокатишь, я запла́чу!

Жестокосердный Робби оставил без внимания это ужасное предупреждение. Глория сочла нужным использовать свой последний козырь.

— Если не покатаешь, я больше не стану рассказывать тебе сказки, вот что!

Робби сдался сразу и безоговорочно. Он поднял девочку осторожно и усадил на свои широкие плоские плечи.

— Быстрее, Робби, быстрее!

Робот помчался через поле. Он остановился на лужайке, и Глория скатилась кувырком прямо в высокую траву.

Робби дернул ее легонько за волосы — дал знак, что нуждается в ее внимании.

— Что тебе, Робби? — Она притворилась озадаченной.— А, понятно, ты хочешь сказку. Какую?

Робби согнул гибкие пальцы буквой «З».

— Но я миллион раз рассказывала тебе про Золушку. Ну ладно: жила в давние времена красивая девочка, у нее была ужасно злая мачеха и две очень противные сестры...

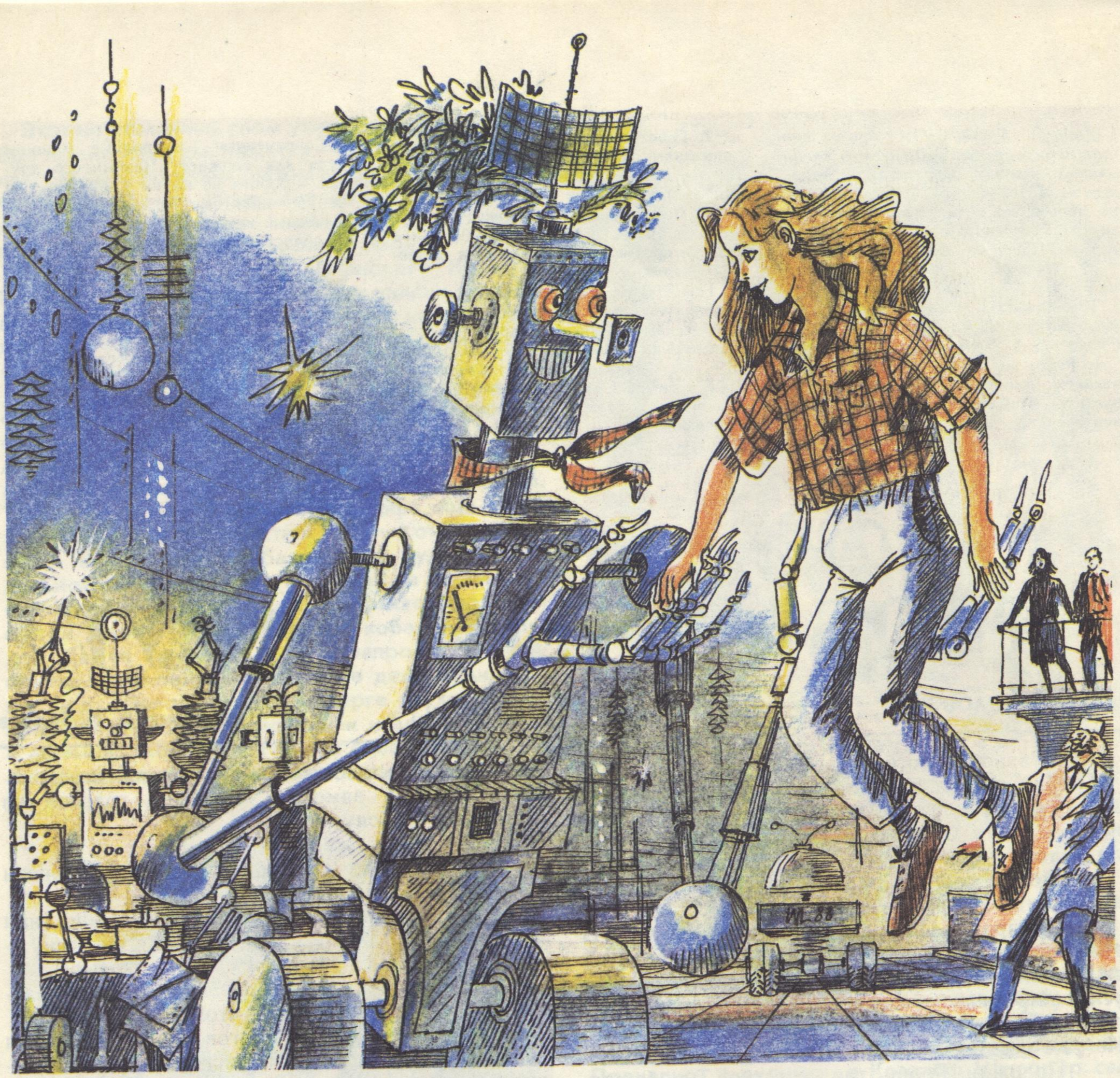
— Глория!

— Мама зовет,— сказала Глория без особой радости.— Отвези меня обратно домой, Робби.

— Я чуть не охрипла от крика,— сказала строго миссис Вестон.— Где ты была?

— Играла с Робби.— У Глории задрожал голос.— Я рассказывала ему про Золушку и забыла, что уже обед.

— Жаль, что Робби тоже забыл об этом.— Миссис Вестон повернулась резко к роботу.— Можешь идти. И не появляйся, пока я не позову.

— Пусть останется, мама, пожалуйста. Я доскажу ему про Золушку. Честное-пречестное, он будет сидеть тихо.

— Глория, если не прекратишь сейчас же, тебе не видать своего Робби целую неделю...

Джордж Вестон совсем не обрадовался, когда в его комнату вошла жена.

— Джордж, послушай. Убери, пожалуйста, газету и взгляни на меня.

Джордж повернул к жене настороженное лицо.

— В чем дело, дорогая?

— Дело в Глории и в этой ужасной машине.

— Что за машина?

— Только не прикидывайся, что ничего не понимаешь. Я о роботе, которого Глория называет Робби. Он не отходит от нее ни на секунду.

— Ну и что? Он и не должен.

— Я не позволю, чтобы мою дочь доверяли механизму.

— Дорогая, робот был сконструирован именно с этой целью: быть другом маленькому ребенку...

— Да, но что-нибудь может сломаться. Какой-нибудь... какая-нибудь...— У миссис Вестон было довольно туманное представление о начинке робота.— Какая-нибудь маленькая шестеренка разболтается...

— Чепуха,— отрезал мистер Вестон.

— Джордж, мы должны избавиться от этой чудовищной машины.

— Об этом не может быть и речи, Грейс...

В течение недели он еще раз десять заявлял:

— Робот остается — и точка!

Но с каждым разом это заявление звучало слабее и слабее.

В тот день мистер Вестон подошел к дочери и, пряча глаза, предложил съездить в город на «отличный» панорамно-объемный фильм.

Глория вернулась домой, подпрыгивая от радости. Она вдруг замерла при виде красивой шотландской овчарки.

— Вот это собака! Папа, это мне?

— Да, дорогая.

— Большое спасибо, папочка! — Она побежала в мастерскую, крича на ходу: — Робби! Иди скорей, посмотри, что папа подарил мне!

Через минуту она вернулась — маленькая испуганная девочка.

— Мама, а Робби нет в мастерской, где он?

Миссис Вестон ласково прижала дочь к себе.

— Робби уехал.

— Уехал? Куда, мама?

— Никто не знает, детка. Он просто ушел из дома. Мы искали его, искали, но не смогли найти.

— Ты хочешь сказать, что я больше не увижу его?

— Может, он отыщется когда-нибудь. А пока поиграй со своим щенком. Смотри, какой забавный...

— Не нужна мне эта собака, мне нужен Робби! — Глория разразилась рыданиями...

Через некоторое время Глория перестала плакать. Но она перестала и улыбаться. Постепенно ее безразличие и подавленность обеспокоили миссис Вестон.

Однажды вечером она влетела в гостиную, кипя от избытка чувств.

— Что еще, Грейс?

— Опять наш ребенок, Джордж. Мне пришлось отправить обратно собаку. Глория просто терпеть ее не может.

— Наверно... следует вернуть Робби? Я свяжусь с...

— Нет! — ответила она угрюмо.— Глории нужна смена обстановки, вот и все. Мы свозим ее в Нью-Йорк.

— Боже,— простонал представитель сильного пола.— Опять на эти асфальтовые сковородки!...

— Ничего не поделаешь,— был твердый ответ.— За этот месяц Глория похудела на пять фунтов, и здоровье моей дочери для меня дороже, чем твой комфорт.

— Жаль, что ты не подумала о здоровье своей дочери перед тем, как отобрать у нее робота,— пробурчал он, но очень тихо...

В лайнере Глория вдруг повернулась к матери с загадочным видом.

— Мама, я догадалась, для чего мы летим в Нью-Йорк: чтобы отыскать Робби, правильно?

Миссис Вестон сохранила присутствие духа, но настроение у нее довольно-таки испортилось.

— Все может быть,— сказала она резко.— Сядь и не вертись...

Они поднялись с ней на самый верх небоскреба, должное внимание было уделено различным выставкам, паркам, пляжам и аквариумам. Все возможное делалось, чтобы отвлечь Глорию от пропавшего Робби.

В музее Науки миссис Вестон была очарована ловкостью электромагнитного манипулятора. Вдруг до нее дошло, что Глории нет рядом. Призвав на помощь трех служителей, Вестоны начали поиски.

Исчезновение Глории объяснялось довольно просто. Огромный указатель на 4 этаже гласил: «Приглашаем вас посмотреть на Говорящего Робота!»

Говорящий Робот — изобретение, далекое от совершенства, раскинулось огромной массой проводов и катушек на 25 ярдах.

Глория спросила торопливо:

— Мистер Робот, вы не видели моего Робби, сэр?

Ей казалось, что нужно с особенной вежливостью обращаться к роботу, умеющему говорить.

Голос с металлическими нотками произнес громко и отчетливо:

— Кто — такой — Робби?

— Он робот, сэр. Понимаете, такой же, как вы...

— Такой — же — как — я?

— Да, мистер Робот.

Единственным ответом был прерывистый треск. Информация о существовании других роботов озадачила его «мыслительный» блок, поскольку он не обладал достаточной гибкостью.

Глория, старательно скрывая свое нетерпение, все еще ждала ответа машины, когда у нее за спиной раздался крик:

— Вон она! Что ты здесь делаешь, гадкая девчонка? Ты до смерти перепугала свою маму!

— Я только пошла посмотреть на говорящего робота. Я подумала, что он, может, знает, где сейчас Робби. Мама, я не могу без него...

В тот же вечер Джордж Вестон исчез по каким-то загадочным делам.

— У меня родилась одна идея, Грейс.

— Ну, давай. Но помни, что я ни за что не возьму обратно этого ужасного робота.

— Конечно же, нет. Однако, трагедия в том, что Глория думает о Робби как о человеке. А если мы сможем продемонстрировать, что Робби не что иное как сплетение стали и меди в форме проводов и пластин, как ты думаешь, долго продлится это заблуждение?

Миссис Вестон хмуро задумалась.

— Звучит неплохо, но что конкретно ты собираешься делать?

— Все очень просто. Вчера вечером я уговорил старину Финмарка из компании «Финмарк Робот», чтобы завтра он организовал для нас экскурсию по своему заводу. К концу экскурсии у Глории отложится в голове, что роботы неживые...

Мистер Стратерс был добросовестным администратором. Путешествие получилось с подробными разъяснениями, возможно, даже с чрезмерными. Несмотря на это, миссис Вестон не скучала. Наоборот, она прерывала его несколько раз и просила повторить свои объяснения более простым языком, чтобы могла понять Глория.

Сам Вестон проявлял странное нетерпение.

— Прошу прощения, Стратерс,— вмешался он вдруг.— Как я понимаю, у вас есть участок, где используют труд только роботов?

— Что? А, да. Да, конечно. Своего рода замкнутый круг: роботы создают роботов. Видите ли...

— Да, да, Стратерс,— могли бы мы посмотреть?

— Да, конечно. Следуйте за мной, прошу...

— Пожалуйста. Только роботы! Пять человек работают инспекторами, их даже нет здесь в зале. С тех пор, как мы запустили эту программу, не произошло ни одной аварии...

Экскурсия казалась Глории скучной и глупой, хотя она и видела много роботов вокруг. Ни один из них даже отдаленно не напоминал Робби и она осматривала их с неприкрытым презрением.

Ее взгляд остановился на нескольких роботах, которые сосредоточенно работали за круглым столом в середине зала. Ее глаза расширились от недоверчивого восторга. Один из роботов был похож...

— Робби! — раздался ее пронзительный крик. Один из роботов за столом вздрогнул и выронил инструмент из рук.

Проскользнув сквозь ограждение прежде, чем родители успели остановить ее, Глория побежала к Робби.

А трое взрослых, застыв от ужаса, смотрели на то, чего не увидела обрадованная девочка: огромный громоздкий погрузчик катился слепо по своей колее.

Хотя Вестон и перемахнул через перила, он знал, что все бесполезно.

Робби действовал стремительно и очень точно. Поглощая расстояние между собой и маленькой хозяйкой своими железными ногами, он рванулся навстречу Глории. Одним взмахом руки он подхватил ее, не снижая скорости. Погрузчик пересек их путь через полсекунды...

Миссис Вестон довольно быстро пришла в себя, в этом ей помогло неожиданно возникшее подозрение.

— Это ты подстроил все, признавайся! — она повернулась к мужу.

Джордж Вестон вытирал платком горячую испарину со лба.

— У меня и в мыслях не было, что встреча окажется такой бурной.

Вестон взглянул на жену проницательно и отважился на замечание:

— Так или иначе, ты не станешь отрицать, что Робби спас ей жизнь. Теперь нельзя отсылать его.

Миссис Вестон задумалась. Ей требовалось некоторое усилие, чтобы подогревать в себе старую неприязнь к роботу.

Глория обхватила руками шею Робби, она задушила бы так любое существо, но только не сделанное из железа. Она бормотала какие-то несуразицы в своем полуистерическом состоянии. Хромированные руки Робби, способные согнуть двухдюймовый стальной прут, обвились осторожно и с любовью вокруг маленькой девочки. Его глаза сияли ярко-красным огнем.

Миссис Вестон уже совсем перестала сердиться, она сказала, улыбаясь помимо своей воли:

— Думаю, Робби может остаться у нас.

Сокращенный перевод с английского
К. ВАСИЛЬЕВА

...Рама тоже не открывалась, щеколду заело. Ну знаете, это слишком! Стекло бить? А что, и разобью, подумаешь! Вот возьму сейчас статуэтку орла, она как раз на пианино стоит — тяжелая, бронзовая... Не успел я в стекло шарахнуть. Замахнулся бронзовой птицей, и тут же выронил ее от боли. Смотрю, в руке у меня иголка торчит. Тут еще пара иголок мимо головы пролетела, и звуки космические раздались. Кактус! Колючками пуляет, предатель! Не стал я ждать, пока он в меня снова попадет. Бросился на пол и выполз в коридор. Ишь ты, снайпер в горшке! Знаю я, кто тебя стрельбе со звуками обучил. И вообще, за кого они меня принимают? Я ведь стесняться не стану, быстренько отвешу, молоток только возьму, а если он тоже возникать начнет, я и ногой могу.

Я вытащил иголку — глубоко вошла, дрянь. Потом бросился в свою комнату за ватным одеялом. Думаю, накроюсь им, подберусь, как в танке, и обезврежу кактус. Но только я полез в тумбочку, как рухнула полка с учебниками. Чудом не накрыла меня! Я отскочил, сердце колотится. Еще чуть-чуть, и пришибла бы на месте! Предупреждал ведь инспектор — они и укротить могут, а потом скажут: стихия разбушевалась... Схватил я одеяло... кстати, чтобы открыть тумбочку, мне пришлось помочь себе ногой... затем занял исходную позицию в коридоре. Накрылся с головой и двинулся на четвереньках в большую комнату. Я собирался добраться до подоконника и перекинуть одеяло с себя на кактус. Обезврежу вражеский дот, а там и за вещи примусь. Но смелая атака захлебнулась, потому что на меня прыгнула какая-то тварь. Это было так неожиданно и страшно, что я даже заорал. И почувствовал, как трещит под когтями моя тряпочная броня. Я извернулся, поймал тварь в одеяло и выбежал обратно. При этом получил две иголки: в плечо и в ногу. Больно...

Оформление О. Филипенко

ЧЕЛОВЕК УЧИТСЯ РИСОВАТЬ

Много тысяч лет назад, когда первобытные племена бродили по земле, добывая себе пищу охотой, окружающий мир природы был незнаком и враждебен человеку. Из опыта люди знали, что камень может больно ударить, вода утоляет жажду, огонь обжигает и дает тепло. Постепенно познание мира расширялось.

Наблюдений накапливалось все больше и больше.

Наверное, однажды человек провел пальцем по мягкой глине. Остались полосы. Такие линии еще совсем не напоминали фигуры мамонтов или носорогов — главную добычу охотников. Это было раннее детство художественного творчества. Человек только учился рисовать. Но в этих линиях, которые были нанесены 30 тысяч лет назад, он представлял очертания зверей, их запутанные следы.

Вспомни, когда ты был маленьким, ты рисовал какие-то линии, завитушки, спирали. Никому, кроме тебя, не было понятно их значение, а ты уже видел в них дома, деревья, машины.

Прошло еще несколько тысяч лет. И вот на каменных стенах пещер появились первые контуры пасущихся лошадей и мамонтов. Человек рисовал красной краской или высекал на камне то, что было основой всей его жизни,— животных. Их мясом он питался, из шкур мастерил одежды, кости мамонтов использовал при строительстве первых шалашей.

В темной глубине пещеры художник, конечно, не мог видеть перед собой изображаемых животных. Он воскрешал их перед собой силой своего воображения.

Это было огромным достижением первобытного человека: впервые с помощью рисунков он передавал соплеменникам свои знания о мире.

Древние люди не просто воспроизводили на камне или глине образы животных, они запечатляли в своих рисунках их наиболее отличительные черты, пренебрегая общими деталями. Например, у мамонтов они не рисовали ушей, но зато рисовали мощные бивни и гибкий змеевидный хобот, которого нет ни у какого другого животного. На юге Франции есть пещера. В ней нарисован мамонт. У него с поразительной точностью показан даже выступ на самом кончике хобота, которым тот захватывал пищу.

Первобытные художники стремились передать движения животных. На скале в горах Испанских Пиренеев найдено изображение: четыре охотника, восемь взрослых оленей, а около них два маленьких олененка. Люди с луками нападают на стадо оленей. Летят стрелы. Стрелы впиваются в бока и грудь животных. Но могучие олени разъярены. Они бросаются на лучников. Художник с большой выразительностью передал схватку. Его не интересуют лица и фигуры людей. Он замечает только, как стреляют охотники и бегут олени. Видно, он хорошо знал все это, сам много раз участвовал в схватке со зверем.

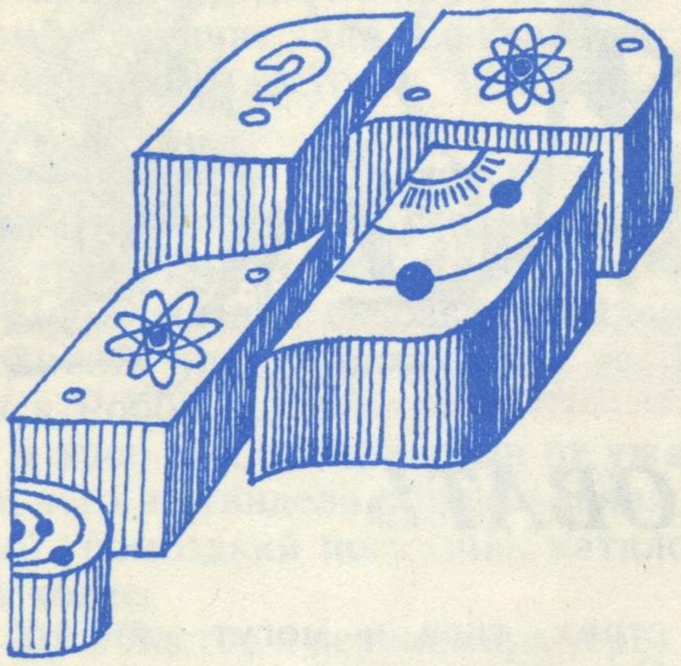
Первобытные художники верили, что изображенные ими животные чувствуют боль, страх, гнев и могут умирать. Они воспринимали их, словно живых. Охотники рисовали зверя обычно перед началом охоты. Затем они бросали в его очертания камни, метали копья. Первобытные люди были уверены: если убить изображение бизона, тогда и на охоте будет убит живой бизон. И люди племени будут сыты.

В одной из пещер во Франции есть изображение издыхающего медведя. Тело его покрыто десятками кружков. Это раны от брошенных камней, которыми убивали пещерных медведей. Кровь изображена целыми пучками штрихов. Она хлещет из раскрытой пасти. Уходит жизнь из грозного зверя. Охотники убивали изображение медведя в надежде, что это принесет удачу в предстоящей охоте.

Рисунки, конечно, не могли сверхъестественно воздействовать на животных. Зверь не станет более легкой добычей, если убить его изображение. Но можно ли сказать, что такие рисунки были только вредным обманом? Конечно, нет. Охота на нарисованного зверя сопровождалась танцами. Разыгрывался целый спектакль! Охотники изображали, как они преследуют зверя, крадутся и настигают его. В изображения животных метали настоящие копья, бросали камни, стараясь попасть в цель. Во время танцев упражняли свое тело и руку, вырабатывали согласованность действий.

Так в первобытном обществе рисунок стал первой ступенью в познании мира. Из него выросли письменность и счет.

И. ГРИГОРЬЕВ

ВОЛШЕБНОЕ ОКНО

«Я впервые увидела голографию. Было это на выставке в кинотеатре «Титан». На стене висела пластинка и всем казалось, что за ней находится настоящий орден Суворова. Как в музее. Но это был не настоящий орден, ордена вообще не было, а было его объемное изображение. Пластинка называлась голограммой. Мне сказали, что у науки о голограммах большое будущее. Пожалуйста, расскажите о будущем голографии».

***Света Куницына,** Зеленогорск*

Рассказать о завтрашнем дне голографии мы попросили одного из ведущих специалистов в этой области члена-корреспондента АН СССР, профессора Юрия Николаевича Денисюка. То, что поведал нам Юрий Николаевич, показалось настолько необыкновенным, что мы тут же решили продолжить разговор.

А сказал Юрий Николаевич вот что.

ЗАГЛЯНЕМ В БУДУЩЕЕ

— Наука и техника развиваются стремительно. Сегодня трудно даже представить все возможные применения голографии в будущем. Ясно одно, что благодаря своей способности создавать изображения, практически неотличимые от оригинала, голография сможет окружить человека призрачным миром с полной иллюзией действительности.

А раз так, то в недалеком будущем можно ожидать появления голографического кино и телевидения, всевозможных проекторов объемных изображений. На основе голографии будет создана сверхплотная память, нечувствительная к повреждению отдельных ее участков. По своим свойствам она будет близка человеческому мозгу.

Сегодня голограмма передает только «облик» предметов. Кто знает, может быть, завтра с помощью голографии удастся копировать все свойства предметов? А это не что иное, как создание двойников реальных объектов, в том числе двойников людей!

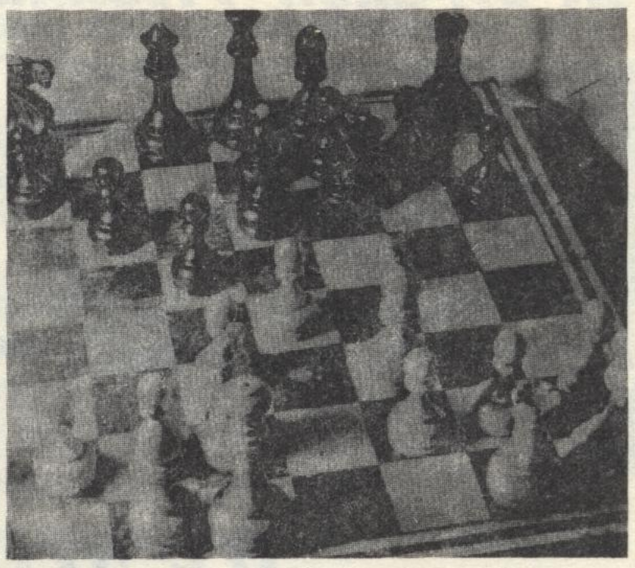
Одним словом, возможности голографии поистине безграничны. Голография как наука дает нам ключ к более полному пониманию общей физической картины мира. Изучение процессов, лежащих в основе голографии, способно пролить свет на одно из самых фундаментальных и загадочных явлений природы — время и его связь с событиями.

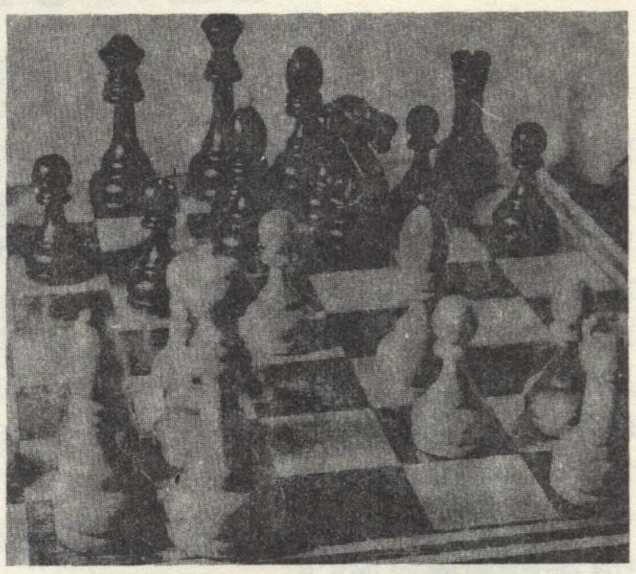
Нет сомнений, что будут открыты новые, неожиданные свойства голограмм. Так что голография ждет своих исследователей.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГОЛОГРАФИЯ?

Разговор продолжает научный сотрудник Государственного оптического института (а в прошлом юнкор «Костра») В. ПАРФЕНОВ

Вы подходите к стене. Только что на стене висело темное замутненное стекло. А теперь, словно в волшебном зеркальце, появился взъерошенный котенок. Мы только и сделали, что посветили лучом света. И представляете, вместо стекла — котенок. Глядит и сверкает глазками. А вот и хвост его виднеется — загляните за спину котенка. Котенок пушистый — рука сама тянется его погладить. Только — хлоп, уткнулась в стекло. Что за диво? И за стеклом никого нет! Можете убедиться.

Котенок и есть самый настоящий призрак. Мы видим его голографическое изображение. А сама пластинка называется голограммой.

Голограмма обладает удивительным свойством. Каждая точка голограммы «помнит», как выглядит весь предмет целиком. Если разрезать голограмму на части, в каждой из них мы все равно увидим полное изображение.

Правда, чем мельче кусочки, тем хуже четкость изображения и меньше эффект объемности.

С ЧЕМ ЕЕ МОЖНО СРАВНИТЬ?

Голограмму можно сравнить с окном на улицу. Если смотреть из дома через маленькое окошко, то видна лишь часть улицы прямо перед домом. Чтобы посмотреть, что делается вокруг, придется прижаться к стеклу как можно ближе. Но и тогда обзор останется маленьким. Зато, чем больше размеры окна, тем больше в него можно увидеть.

Так что голограмма — то же окно, окно в удивительный мир призраков.

КАК УСТРОЕНА ГОЛОГРАММА?

Голограмма — не обязательно пластинка из стекла. Вместо стекла может быть и другой прозрачный материал. Главное, чтобы пластинка чувствовала и запоминала действие света. Для этого ее покрывают специальным составом, называемым фотослоем.

А получают голограммы при помощи лазера. Вы знаете,— лазер — это устройство, вырабатывающее очень яркий световой луч. Каждый лазер светит лучом строго определенного цвета, например, красного или зеленого.

Предметы снимают на голограмму так же, как снимаются фотографии или кино. Только, конечно, сам процесс съемки ничего общего с этим не имеет.

Голографическая съемка происходит в темноте. Предмет располагают перед пластинкой с фотослоем и одновременно освещают их лазером. Фотослой «запоминает» изображение предмета. После обработки в проявителе и фиксаже изображение можно увидеть. Но для этого снова нужен лазер.

КАКИЕ БЫВАЮТ ГОЛОГРАММЫ?

Правда, есть голограммы, которые можно смотреть и при солнечном свете или свете от настольной лампы, диапроектора и даже карманного фонарика. Они называются отражательными голограммами. А еще есть — пропускающие голограммы. Вот их смотрят только в лучах лазеров.

У пропускающих голограмм фотослой — тонкий. У отражательных — напоминает слоеный пирог, потому что нанесен слоями — один слой поверх другого. Название «пропускающие» связано с тем, что эти голограммы пропускают лучи света. Их и рассматривают «на просвет». Отражательные голограммы, наоборот, свет отражают. Поэтому их можно повесить на стену или поместить на обложку книги.

А ТЕПЕРЬ НЕМНОГО ИСТОРИИ

Голографию изобрел английский физик Деннис Габор. Это произошло в 1947 году, а годом позже Габор получил первые голограммы. Правда, качество их было неважным и вскоре о голографии надолго забыли.

Снова вспомнили о ней после изобретения лазера. В 1962 году американские оптики Лейт и Упатниекс впервые получили голограмму с помощью лазера. Почти в то же самое время советский ученый Юрий Денисюк создал отражательные голограммы.

С этого момента началось развитие голографии во всем мире.

В МУЗЕЕ

Представьте себе, что вы в музее. Здесь — старинные вазы, сервизы, ордена и оружие, а еще — античные статуи и драгоценности. И все это — не сами предметы, а их голографические изображения.

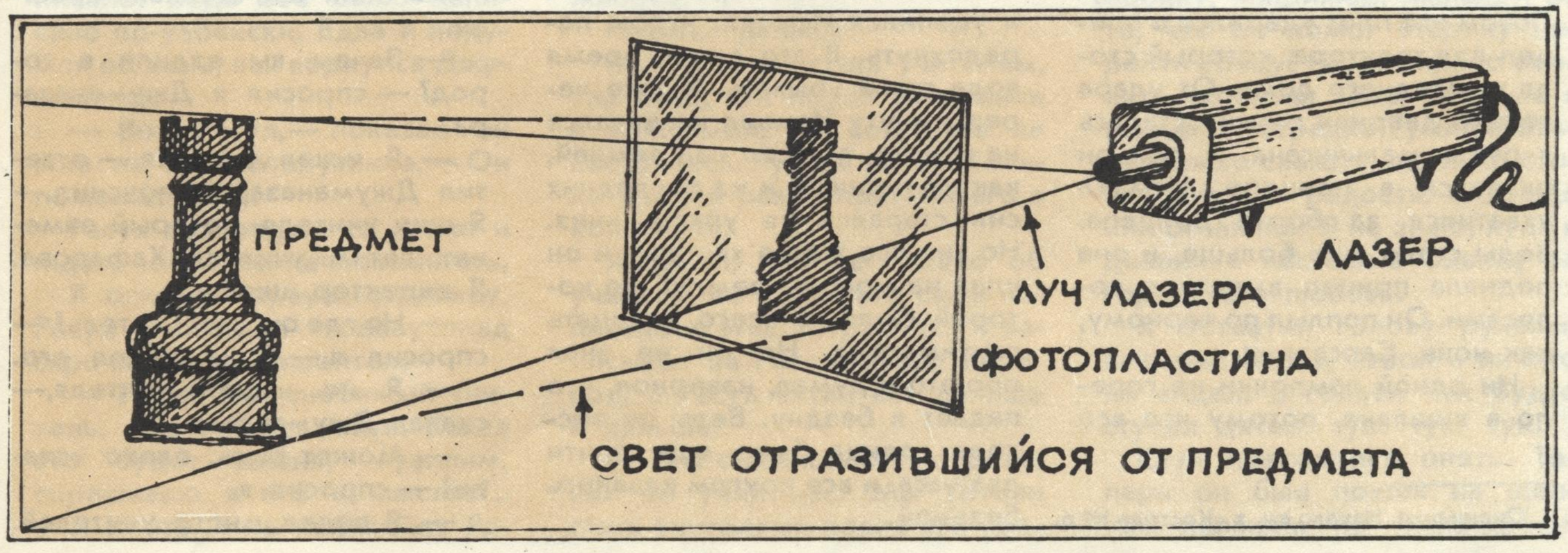
Большая часть музейных сокровищ хранится в запасных фондах. Никакой музей не сможет выставить сразу все экспонаты. И обновлять экспозицию музеям нелегко. Другое дело — голограммы. Они занимают мало места, не требуют никаких особых условий хранения.

Помогут голограммы и проведению передвижных выставок, но особенно — выставок из запасников. Благодаря голографии жители самых далеких уголков нашей страны смогут познакомиться с шедеврами Эрмитажа или других музеев.

ГОЛОГРАФИЯ И ЭВМ

Мечта кибернетиков — создать ЭВМ, которая быстро считает и помнит сразу очень много чисел. Обычно, чем больше память машины, тем больше времени она «думает». Помочь кибернетикам сможет все та же голография. Голограммы станут ячейками памяти электронно-вычислительных машин. Они заменят магнитные ленты и магнитные диски. А тогда обработка данных будет происходить в десятки тысяч раз быстрее!

Условный рисунок процесса получения голограмм. Свет лазера одновременно освещает фотопластинку и предмет. На предмет свет попадает сквозь фотопластинку и отражается.

В МАРТЕ, В НАЧАЛЕ ХОЛМОВ...

Михаил БЕЛОУСОВ

Рисунок А. Нелиной

Джуманазар рассказал мне про Исмаила. Про то, что случилось с ним той ночью, в марте.

В доме Исмаила все спали. Только отец был с отарой в горах за Большим холмом. Исмаил проснулся от крика за окном: «Вставайте! Идет беда!» Он подбежал к окну, прижался лбом к мокрому от дождя стеклу, но ничего не увидел. Тогда он открыл дверь во двор, и по ногам сразу скользнула, как большая змея, струя холодной воды. Исмаил обеими руками толкнул дверь назад и закричал. В доме все проснулись. А вода сильней и сильней напирала на дверь. Она поднималась все выше и уже скрыла колени. Но Исмаил держался, не пуская бушующую во дворе реку. Но вдруг его вместе с дверью оторвало от дома и понесло по волнам, как на плоту. Потом его плот ударился о прицеп для трактора, который стоял у соседнего дома. От удара только дверная ручка осталась в руках мальчугана. А сам он оказался в прицепе. Исмаил ухватился за борта прицепа. Воды стало еще больше, и она подняла прицеп вместе с колесами. Он поплыл по черному, как ночь, Саргазону.

Ни одной лампочки не горело в кишлаке, потому что все столбы с электрическими проводами были разбиты в щепки самой первой волной. Прицеп крутился, как карусель, на которой однажды катался Исмаил. Ему казалось, что он на большом корабле и теперь уже не страшно плыть, только бы не унесло очень далеко от дома. Но прицеп неожиданно споткнулся и стал опрокидываться. Еще немного и он мог бы накрыть Исмаила, как сачком. Исмаил что было сил прыгнул через борт и поплыл. Он плыл, пока не наткнулся на водовод.

Водовод сделали строители. Он был похож на узкий канал из бетона, но только находился над землей, на толстых столбах. По этому водоводу из-за гор через подземный тоннель пойдет вода на поля. Но тогда тоннель еще только строили.

За бетонный край канала и уцепился Исмаил, чтобы передохнуть. В это самое время вода стала убывать. И уже через минуту Исмаил не качался на волнах, а висел над землей, как на турнике, и из последних сил старался не упасть вниз. Но сил все же не хватало, и он упал на мокрую землю, до которой было-то всего двадцать сантиметров. Но он не знал про это и думал, наверное, что падает в бездну. Ведь до восхода солнца было еще почти два часа, и все кругом казалось бездной.

Исмаил потерял сознание. А когда его нашли, он лежал лицом вверх. С головы до ног он был в густой и липкой грязи. Таким грязным Исмаила никогда не видели.

— А кто же нашел Исмаила? — спросил я, допытываясь.

— Его нашли десятиклассники, искавшие своего учителя. Это было на восходе солнца. Школьники первыми бросились на поиски пропавших. И многих спасли.

В доме Джуманазара все уже спали. Свет горел только под навесом во дворе и в комнате с большим ковром. На ковре лежал завернутый в скатерть теплый круг нона. На маленьком столике у телевизора стоял горячий чайник, заваренный с мятой, блюдо с фисташковыми орешками, изюм, халва и две пиалы.

Мы пили чай, щелкали орешки.

— Зачем вы ездили в город? — спросил я Джуманазара.

— Я искал учителя,— ответил Джуманазар и пояснил.— Я ищу учителя, который заменит детям учителя Хафарова. Я директор школы.

— Но где он, ваш учитель? — спросил я.— Я не видел его.

— Я не нашел учителя,— сказал Джуманазар.

— Может быть, плохо искали? — спросил я.

— Я видел много учителей.

Окончание. Начало см. в «Костре» № 6.

Я говорил с ними. Сначала обо всем на свете. Потому что учитель должен знать обо всем на свете. Потом я говорил с ними про учителя из Саргазона. С одними собеседниками я распрощался навсегда. А другим дал последнее задание.

— Задачку?

— Может быть, задачку. Я открыл им школьные тетрадки, в которых ученики Хафарова написали о своем учителе. Я попросил поставить отметки. Но сам я хотел, чтобы они не искали в сочинениях школьников ошибки. Я хотел, чтобы они сравнили себя с учителем и решили сами, как им быть. Но когда они вернули мне тетрадки, я увидел «четверки», «тройки» и даже одну «двойку». И я уехал из города один.

Давно пора было спать. Джуманазар приподнялся с подушек, чтобы выключить свет, но, не успев это сделать, как-то неуклюже сел. А я в этот миг вздрогнул. Это опять затряслась земля.

Люстра над ковром закачалась, как лампочка на столбе от сильного ветра. А в тумбочке, на которой стоял телевизор, вовсю звенела посуда.

— Какая беспокойная у нас планета! — сказал Джуманазар, внимательно рассматривая стены: не появилась ли где трещинка? После дождей узбекские дома становятся особенно хрупкими и чувствительными к землетрясениям.

Джуманазар достал из портфеля толстую пачку школьных тетрадок и вышел.

Я открыл тетрадь первую, но не мог понять, что там написано. Ведь все было написано по-узбекски. Едва я подумал об этом, как вернулся Джуманазар.

— Вот Расул,— показал он мне на своего спутника.— Он поможет тебе.

Расул сел рядом со мною и ждал, когда мы начнем читать.

Я открыл первую страницу. Расул наклонил голову над строчками и зашептал:

— Погиб мой любимый учитель. А я остался жить. Какая это будет жизнь, муаллим, спрашиваю я его в мыслях?..

Я смотрел на тюбетейку Расула, на черно-белый узор, четырежды повторенный вышивальщицей, и слушал шепот Расула.

— Кто это написал? — спросил я.

— Это Олимжон Эмирзоев из десятого класса.

Расул опять склонился к тетради:

— Люди любили говорить, что являются его учениками. Даже те, кто у него не учился, любили это говорить.

— А это чьи слова?

— Ерназаровой из десятого.

Он продолжал:

— Ни один человек на земле не может так ответить на мои вопросы, как отвечал на них мой учитель.

Не дожидаясь моего вопроса, Расул сказал:

— Написала Дилбарей Ражабова.

И читал дальше:

— Он хотел стать учителем, как отец. Он подал заявление в комсомол, но собрание не состоялось. Рустам погиб. Только мы все равно примем его в комсомол.

Я понял, что не только об учителе, но и про его сына написано в этих тетрадках. Я записывал за Расулом его перевод, а Расул читал все дальше и дальше:

— Мы с завистью смотрели, как он учил нас. Мы хотели стать учителями после его уроков. С первых уроков наш учитель рассказывал нам о трудностях, которые встречаются человеку в жизни, если он много хочет сделать для людей и для природы... Он старался жить хорошей жизнью. Он жил для всех. Он погиб для всех. Он будил людей и кричал: «Вставайте, давайте поможем друг другу!» Мне кажется, что я и сейчас слышу его голос.

— Кто это? — спросил я.

— Гумиан Розикова. А вот последняя тетрадка, не подписанная.

— Переведи, Расул. Человек волновался и забыл подписать.

— Он не погиб. Он вышел на несколько минут. Может быть, его позвал директор. И муаллим скоро вернется в класс...

Я не знал, что делать. Я думал: разве можно ставить оценку, например, малышу, за то, что он помог старику перейти улицу? Разве можно оценить капельки слез, которые я увидел в тетрадке Гумиан? Разве можно сказать, сколько стоит горе или радость, надежда или отчаяние? Я не знаю, куда в дневнике поставить оценку за гордость и любовь.

Я обхватил голову руками, смотрел перед собой и ничего не видел. В голове как будто стучал дятел: тук! тук! тук!

Стук повторился опять. Теперь он был похож на щелчок пальцем по микрофону.

Как будто кто-то проверял, исправен ли микрофон. Потом стало тихо. А потом, после недолгой тишины, я услышал шипение иглы на граммофонной пластинке. Еще секунда — и раздался очень-очень громкий плач.

Я вскочил с ковра и выглянул в окно. Прямо против окна, на столбе, висел серебристый, похожий на колокол, громкоговоритель.

— Что это? — ничего не понимая, спросил я Джуманазара, который уже давно проснулся и стоял во дворе.

Он обернулся ко мне, а я показал ему на громкоговоритель, откуда раздавался плач, который я уже не раз слышал.

— Это музыка, — сказал Джуманазар.— Это мой сосед, усто, то есть мастер. Это он включил радио в кишлаке. Сегодня день памяти. Сегодня весь Саргазон вспомнит, что случилось в марте.

Мы вышли со двора. И первое, что я увидел, это вереницу грузовиков, автобусов и фургонов, замерших на дороге. Конца им не было. Моторы машин молчали. Кабины были пусты. Потом я увидел другую вереницу. Это шли люди, ручейками собираясь со дворов и улочек Саргазона в большую многоцветную реку. Река двигалась к кладбищу.

Я увидел старого бобо и еще одного старика, у которого после катастрофы семья стала меньше на четырнадцать человек. Старик стал сиротой. И если бы не люди, он сошел бы с ума. Сыновья соседей приходили к нему помочь по дому. Внуки соседей спрашивали у него совета и ухаживали за ним.

За стариками шли пионеры. Они шли, как на торжественный сбор. Рано утром, пока солнце еще взбиралось к зениту, были срезаны лучшие цветы во дворах. Я видел эти цветы, прижатые к галстукам и октябрятским звездочкам. Это были цветы для тех, кого унесла вода.

За школьниками шли мужчины. Головы их были склонены, как будто эти сильные люди считали себя виноватыми в том, что случилось в Саргазоне. Я увидел среди них учеников Хафарова. Они приходили в школу. И теперь я их сразу узнал. Еще три года назад учитель рассказывал им легенды и водил в горы. Вместе с ним они искали там следы прошлого, потому что учитель думал, что в начале холмов когда-то был древний город. Свои находки они приносили в школу. Когда находок стало много, образовался музей. А потом школа окончилась, но они по-прежнему бывали здесь чуть ли не каждый день, пока не ушли в армию. О службе напоминают теперь орден на груди у одного и медаль на груди другого ученика Хафарова. Значит, они показали себя героями.

Когда у кладбища собрался весь Саргазон, а у могил стало так тесно, что не видно было травы под ногами, невидимый усто выключил радио. И теперь я ясно слышал, как плакали люди у свежих могил. А когда я увидел, как плакала девочка, наклонившись над холмиком учителя, и как ее слезы капали прямо на цветы, которые она принесла с собой, к моему горлу подкатил такой комок, что я чуть не задохнулся.

— Это Гумиан,— сказал мне тихо Джуманазар.

И я вспомнил капельки слез в тетрадке, которую мне читал Расул. И вспомнил школьные сочинения: «Люди любили говорить, что являются его учениками. Даже те, кто у него не учился, любили это говорить».

На другое утро красный междугородный автобус увозил меня отсюда. Он шел медленно. Машины, прибывшие на стройку, торопились разгрузиться. Краны раскладывали грузы у фундаментов будущих домов. Новый кишлак поднимался из руин быстрее, чем вырастает хлопок.

Из окна автобуса я в последний раз увидел Джуманазара. Он стоял у края котлована, вырытого экскаватором для новой школы. Джуманазар приходил сюда каждое утро. Он хотел, чтобы рядом со школой обязательно построили бассейн. Чтобы все дети в Саргазоне умели хорошо плавать и не боялись воды. Он хотел, чтобы в новой школе был музей старой школы. Чтобы он был похож на класс, в котором учились ученики Хафарова. И даже стол учителя был тот же самый, за которым сидел Хафаров. А на столе лежал его портфель. И один раз в году, 16 марта, в этом классе и в этом музее собирались на уроки дети.

Фото автора

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

У шестиклассника ***Димы Довженца*** *из Краснозаводска самый любимый писатель — Константин Паустовский. Дима давно мечтал побывать в Мещере — об этих местах так замечательно рассказал писатель! И вот прошлым летом его мечта, наконец, сбылась.*

ЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мы с отцом пересекли старую железнодорожную линию, заросшую травой, обогнули длинный пруд, где рыбачили мальчишки, и вышли к лесу.

Лес густел. Березы сменялись осинами, стали попадаться могучие ели. Приходилось обходить буреломы. Началась настоящая глухомань, и даже рядом с отцом было немножко боязно.

Неприметная дорога долго петляла и вывела нас на большую поляну, заросшую белыми ромашками, бархатными головками клевера и колокольчиками. Поблизости куковала кукушка. Откуда-то послышались удары по железу. Отец сказал, что так на косьбе отбивают косы.

Лес отступал, мы вышли на низкий луг. Загорелые косцы вилами переносили последние валки сена в большой стог.

Позади послышалось мычание, из леса вышли черно-белые коровы и разбрелись по лугу. Подошел пожилой пастух. На одном плече у него висел кнут и длинно волочился по дороге, на другом — транзистор. Пастух присел рядом с нами, закурил.

— Уже июль,— сказал пастух.— Лето, оно как будто и длинное, а на самом деле короткое. Вон уже наши и сенокос закончили. Будто не траву они скосили, а первый летний месяц смахнули.

Наташа Банникова, *стихотворение которой мы печатаем, перешла в 6 класс школы № 60 города Липецка. Наташа занимается в поэтическом клубе «Альтаир» при Доме пионеров Советского района.*

СОН

Я заснула — снится мне,
Что была я на Луне,
Много видела чудес:
Увидала красный лес,
Рядом синие моря,
Понарошку говоря.
Жаль — не доглядела сон.
Может, вновь приснится он?

Рисунок
Н. Куликовой

Оля Жуйко *— семиклассница красноярской школы № 27. Оля не только пишет стихи, но и хорошо рисует. Не так давно она стала дипломантом VI Международного конкурса живописи для детей и юношества, который проходил в Финляндии.*

ШИШКИ

В лагере нашем сосны стоят,
На соснах высоких шишки висят.
Падают шишки и день, и ночь,
Как будто желают ребятам помочь.
Шишки большие и шишки малютки
В умелых руках превращаются в утки,
И в крокодилов, и в желтых цыплят,
И в человечков, и в лягушат.
Шишки становятся белкой с грибами —
Сделана белка своими руками.
Шишка — хороший для нас материал,
Не для того, чтоб ей кто-то кидал!

НАШ ДОМ

ДВОРЕЦ ВО ВЬЮКЕ

Попался, почтенный!

Халиф, нежась на мягких подушках, слушал рассказ ученого путешественника ал-Джахиза, который побывал у далеких кочевников с горных озер.

— Если сосчитать все дни жизни киргиза, то окажется, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли.

— Сколько дней потребуется моим всадникам, чтобы покорить их земли? — спросил халиф.

— Их невозможно победить. В одном человеке у них весь народ. Каждый киргиз в одно и то же время воин, пастух, ветеринар, охотник, скорняк, оружейник, сапожник, седельник, кузнец.

Халиф усмехнулся. Он не верил ни одному слову своего гостя и ждал только удобный момент, чтобы уличить его в обмане.

— Эти люди удивительные стрелки. Они привязывают на конский волос слиток серебра и на полном скаку простреливают тонкую нить из лука.

— В самом деле? На полном скаку? Ай, ай, ай,— покачал головой халиф,— что же еще умеют эти дикари?

— Они сложили прекрасную песню о самом знаменитом своем богатыре. Это самая длинная песня, какую я слышал. На одном празднике певцы пели ее три дня и три ночи.

— Три дня и три ночи,— хмыкнул халиф,— а по какому случаю был праздник?

— По случаю рождения ребенка. Киргизы очень любят детей, говорят, что дороже детей нет ничего на свете.

— Дети самое дорогое? Что у них, нет золота? — поморщился халиф.— А каковы дома у этих людей?

— Они делают их из шерсти овец и верблюдов.

— Из шерсти овец и верблюдов?!

Брови падишаха поднялись под самую чалму. Он задал еще один вопрос:

— Как же кочевники пасут это сказочное стадо. Гонят его с севера на юг или с запада на восток?

— Со своими стадами они кочуют сверху вниз и снизу вверх.

Халиф поднял свой взор к небу с редкими облаками и торжествующе рассмеялся.

— Попался, почтенный! Я наконец-то уличил тебя. Это явный обман!

Кочевка по вертикали

Нет, ни в чем не обманул халифа арабский путешественник! Прежде всего о выпасе скота. Веками установились у киргизов вертикальные кочевки вверх и вниз по горам.

Из географии известно, что в горах существуют зоны очень сильно отличающиеся по климату и растительности. Это обстоятельство издавна используют киргизы, меняя несколько раз в год свои сезонные пастбища.

Зимуют скотоводы в защищенных от ветра лощинах и ущельях, стараясь выбирать южные склоны.

Весной, когда горы покрываются зеленым ковром, стада перегоняют повыше на альпийские пастбища.

Загоны со скотом и юрты, словно гнезда, прилепившиеся на склонах гор,— таков был вид кочевого киргизского селения.

Шерстяной дом

Теперь о юрте. Действительно, снаружи юрта из шерсти. Точнее из войлока, а войлок — это особенным образом приготовленная шерсть.

Шерсть верблюдов или овец треплют, разрыхляют, отмачивают в масле, смешивают так, что получается вещество, похожее на вату. Эту «вату» расчесывают и уплотняют. Потом

высушивают как следует — и готов войлок.

Но войлок — это еще не вся юрта.

Основа юрты — деревянный остов. Собирается он из разных частей. Складные решетчатые стенки — кереге — придают юрте круглую форму. На стенках крепится купол из деревянных жердей — уук. Жерди наверху упираются в массивный обод — тундук. И, наконец, последняя часть остова — дверная рама, или босого.

Вокруг решетчатых стенок юрты ставятся циновки из высушенных стеблей горного растения чия. Затем весь остов юрты покрывают снаружи войлоками разной формы и размеров.

Куски войлока не сваливаются и не уносятся ветром. Потому что покров юрты со всех сторон обвязывают широкой разноцветной тканой тесьмой.

Наверху юрты остается отверстие. Оно — для выхода дыма и для освещения. На ночь, а также в ненастную погоду отверстие закрывается квадратным куском войлока.

На дверную раму навешивается дверь. Но в теплую погоду достаточно и циновки из чия.

Кстати, для утепления юрты зимой вокруг нее насыпается снежный барьер.

В юрте самая главная часть — коломто. Это место, где разводят огонь.

Место напротив входа в юрту называлось джюк. Здесь складывали сундучки, постельные принадлежности, мешки с мягкими вещами, меховую и другую верхнюю одежду. Все это складывалось в несколько рядов. Место около джюка считалось почетным. Здесь принимали гостей, а ночью спали.

Юрта делилась на две половины. По правую сторону от входа — женская. Ее отделяла узорная ширма. За ширмой хранилась посуда и хозяйственная утварь. Противоположная сторона — мужская. Тут седла, сбруя, аркан, ружье, предметы ухода за скотом.

На земле в юрте расстилают войлоки, а поверх них подстилки из овечьих, телячьих, а то и из медвежьих или волчьих шкур.

Стены юрты украшаются войлочными коврами. Орнамент у них простой. Крупные квадраты или круги. Как правило, два основных цвета у войлочного ковра. Особенно любят киргизы сочетание синего и красного. Может быть, это древний символ воды и огня...

Чем хороша юрта? Ее можно очень быстро разобрать, погрузить в повозку или на верблюда и перевозить с одного места на другое.

Древняя юрта не изменилась и сегодня. До сих пор в юртах живут пастухи на дальних пастбищах.

«Ребенок рождается для счастья»

Так говорят киргизы.

К детям здесь отношение особенное. Их любят и с ранних лет относятся к ним с уважением, как к будущим труженикам и героям.

В поэме о Манасе очень много строк уделено его детским годам. Это не случайно. Древние сказители хотели показать, что настоящий герой воспитывает свой характер с самого раннего возраста.

Рождение ребенка в семье считается счастливым событием. Оно отмечается как большой праздник. Собирается много гостей. На стол подаются лучшие кушания.

Чем больше таких праздников в семье, чем больше детей рождается у матери, тем большим уважением пользуется она. Многодетная мать в Киргизии всегда окружалась почетом.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны в киргизских семьях нередко усыновляли детей, потерявших своих родителей. Так появились единственные в мире семьи, где у киргиза, русского, украинца и грузина на всех была одна мать и один отец и жили они, как настоящие братья и сестры, очень дружно.

Ребенок ведь рождается для счастья...

В. СОЛОВЬЕВ
Рисунки О. Смелкова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания — 32-й

Оформление
Л. Московского

СИГНАЛЬЩИКА НА МОСТИК!

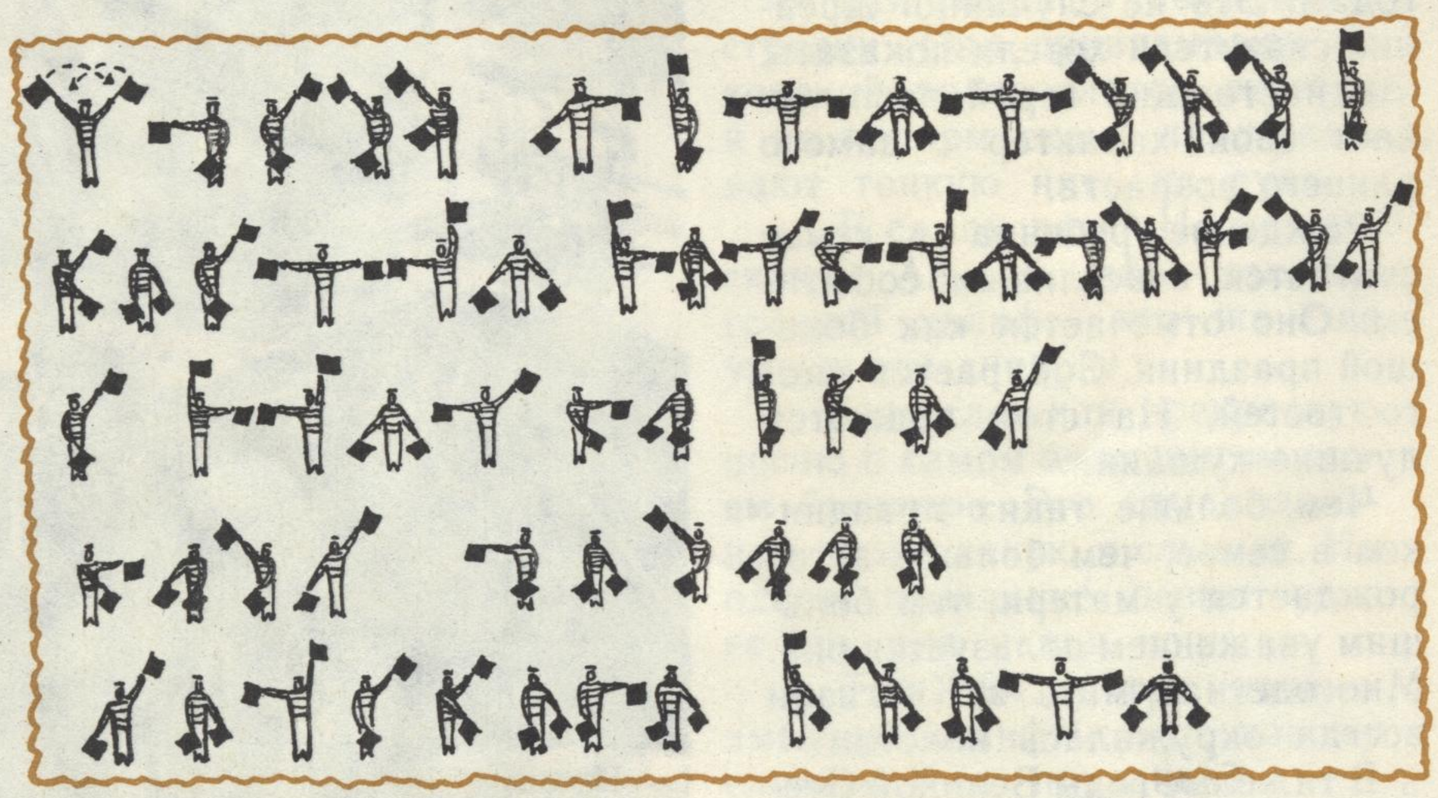
Перед праздником, ночью, вошли в Неву боевые корабли нашего Военно-Морского Флота. Стальные корпуса, броневые надстройки, грозное, современное оружие. Радиолокационные антенны могут обнаружить чужой самолет за десятки километров, акустические приборы — «уши» корабля — услышат затаившуюся подводную лодку на больших глубинах. Радиосвязь у плавучей морской крепости — со всем миром. И, кажется, техника все изменила на флоте в последние десятилетия — только механизмы, машины, приборы...

Но что это? На крыле мостика крейсера, что встал посреди Невы, показалась фигурка матроса. Вот он взмахнул флажками, и те замелькали в его руках... А на другом корабле, на мостике — тоже матрос-сигнальщик — пошел «семафорить» флажками. Это — корабли ведут между собой разговор, может быть, приказ передают, может быть, один командир что-нибудь спрашивает у другого...

Да, многое изменилось на флоте, но вот сигнальные флаги — остались! Нужны они. В пределах видимости корабля — безотказны и просты. Потому и остались от старого и даже — старинного флота. Стоит скомандовать вахтенному офицеру: «Сигнальщика на мостик!» — и замелькают флажки...

Но чтобы «читать», нужно знать флажный семафор.

И кто его знает, прочитает то, что передал с крейсера сигнальщик — нашей «Морской газете»...

В шлюпочном походе

УЙДЁМ В ПОХОД НА НАШЕМ КОРАБЛЕ...

— Вы куда? — остановил меня высокий мальчишка в морской форменке. На рукаве — красная повязка: вахтенный... Так мы с ним познакомились... Дима Никитин в ленинградском клубе «Юный моряк» уже два года. Было время, когда Дима болтался без дела во дворе, плохо учился, бил со злости стекла в школе. И звали его кругом обидно: оболтус...

Случайно с приятелем заглянул в клуб, да так и привязался и к юным морякам, и к преподавателям, и к тому, что называется — «Море, корабль, флот, морское дело...»

А что же умеют и знают юные моря-

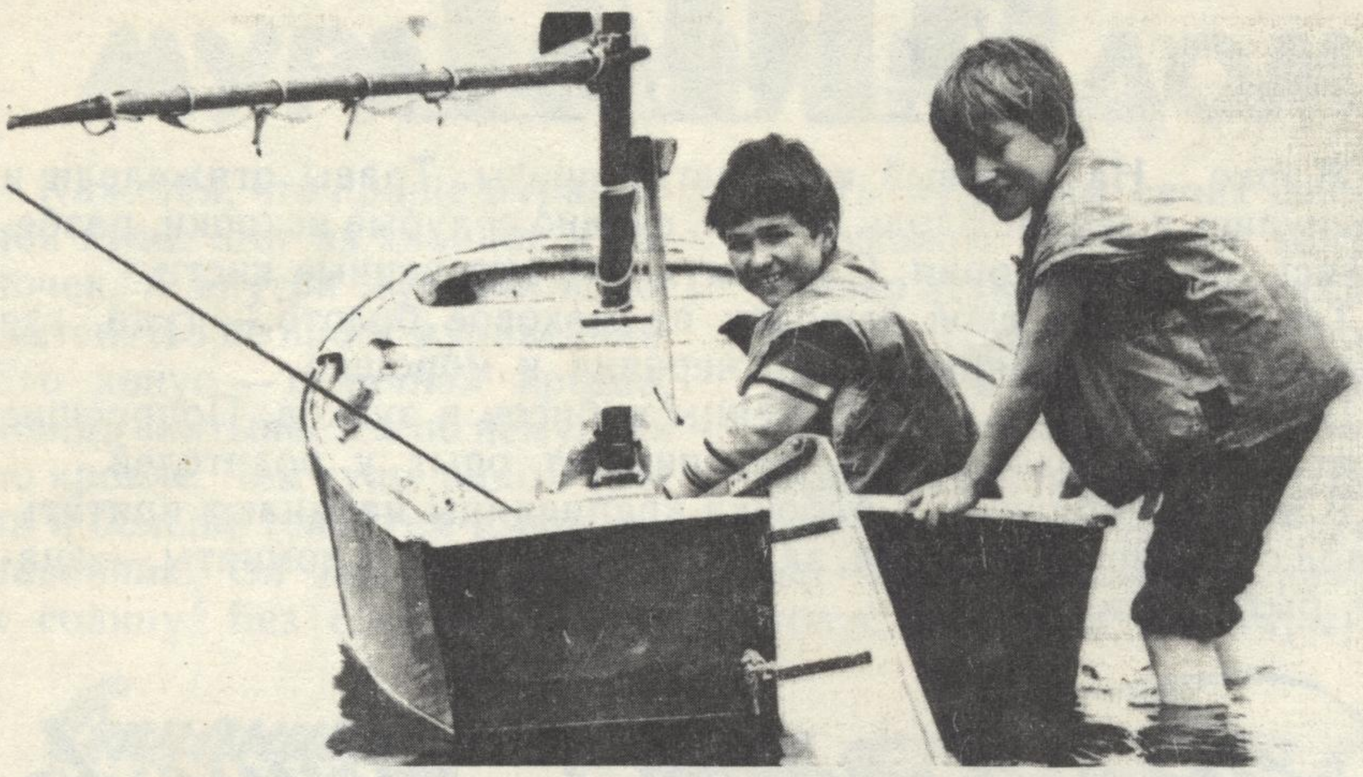
Жизнь моря

На коралловом дне течение колышет лепестки большого цветка... Впрочем, цветок ли это? Лепестки ли колышатся влево-вправо? Это — ядовитые щупальца. «Цветок» красив с виду, да опасен! Вон зазевалась рыбешка и толкнулась боком о такое щупальце-лепесток. И замерла, парализованная ядом стрекательных клеток актинии. Вот уже до нее дотронулись и другие щупальца — и исчезла рыбешка в извивающемся клубке...

Актиния — безжалостная хищница, но есть рыба, которая не боится ее ядовитых щупалец! Зовется она — рыба-клоун. В согласье живут рыба-клоун и актиния. Рыба-клоун подбирает остатки от добычи актинии, а появится хищная рыба, рыба-клоун прячется от нее среди ядовитых щупалец: актиния ее не трогает!

Удивительное содружество! В чем его секрет? Рыба-клоун — санитар для актинии, чистит ее, убирает отбросы. За это актиния подкармливает рыбу-клоуна «со своего стола» и защищает...

Экипаж к плаванью готов!

ки? Володя Андреев, к примеру, сигнальщик первого класса — «пишет» флажками по сто знаков в минуту. Дима Камышин, демонстрируя свое искусство, мигом завязал сложнейший топовый узел...

Занимаются в клубе и девочки. И изучают морское дело ничуть не хуже ребят. Лена Карловская — чемпион по флажному семафору, Таня Фарафонкова — назубок знает устройство корабля.

Ходили ребята и в походы на шлюпках, устраивали и соревнования по гребле, и яхту освоили. Но жалели, что нет у клуба «Юный моряк» своего корабля...

Недавно мечта ребят сбылась. У клуба собственный большой катер. На таком можно и по Финскому заливу и по Ладоге! Может быть, вы спросите: где этот клуб? Забыл сказать: на проспекте Ветеранов, в школе № 244.

На прощанье юные моряки спели мне сочиненную ими песню:

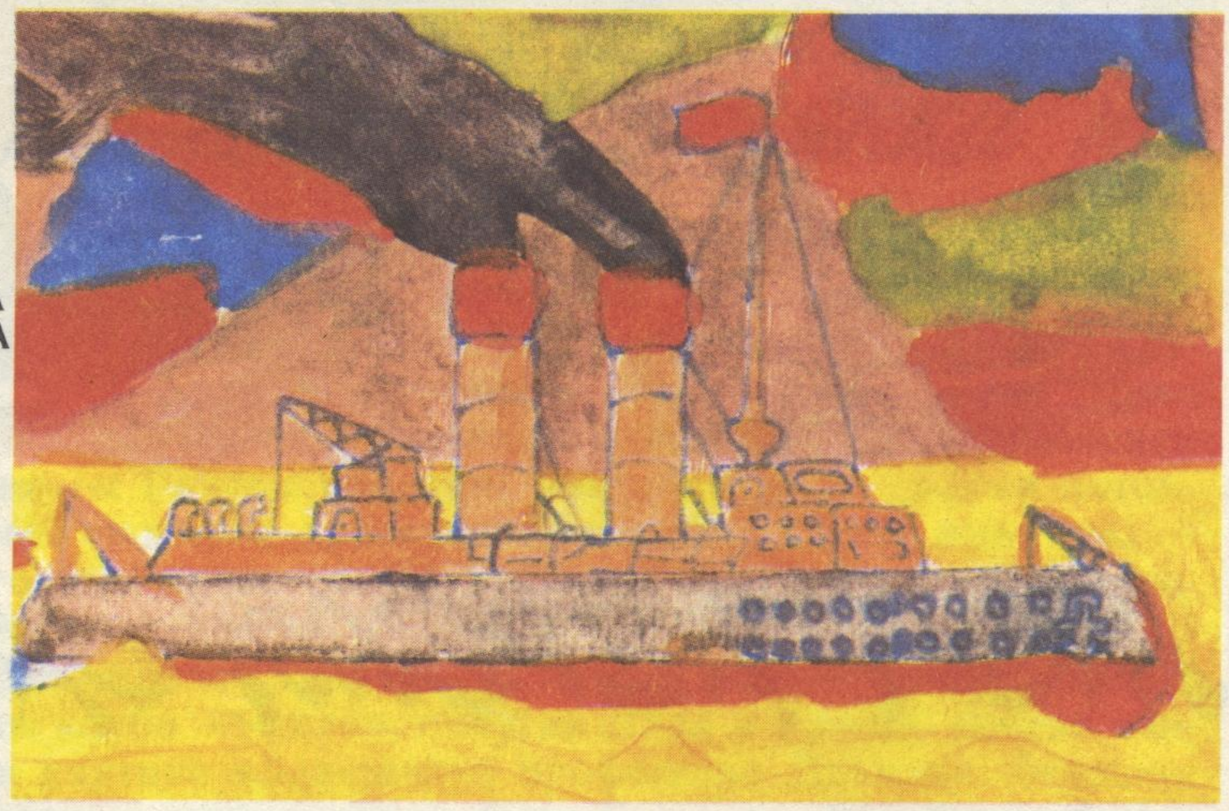
Над нами флагов яркая расцветка,
Честь отдадим мы с палубы — земле,
С проспекта Ветеранов — в кругосветку
Уйдем в поход на нашем корабле...

Счастливого пути, ребята!

Спецкор «Морской газеты»
В. ПАРФЕНОВ

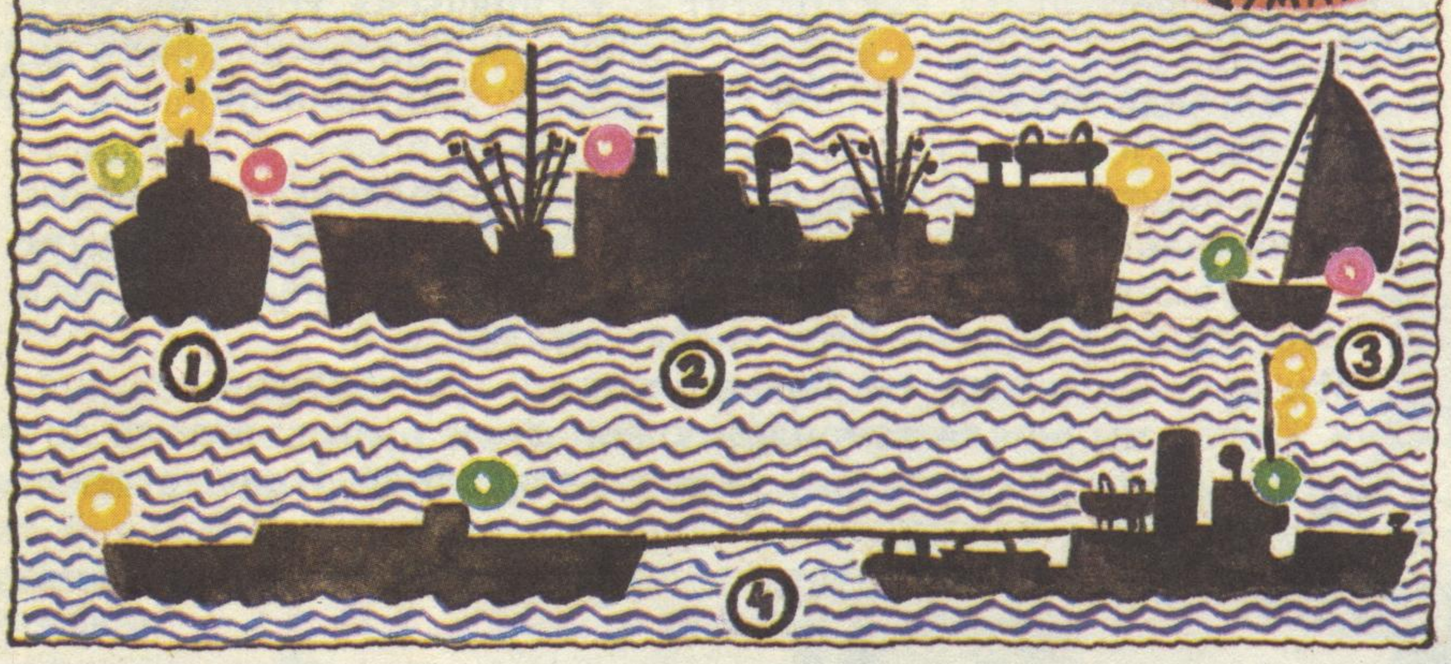
ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ЛЕДОКОЛ «ЕРМАК» Игорь Горелов, Ачинск

1. На нас идет судно или уходит от нас? 2. Влево или вправо от нас идет судно? 3. Какое судно идет? 4. О чем говорят огни этого судна?

ПОСМОТРИ И ПОДУМАЙ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

За каменной стеной

О волноломах слышали многие. Стена из камней защищает корабли от больших волн. А вот — ВЕТРОЛОМ? Строят и такой. Вход в крупнейший порт Нидерландов — Роттердам очень узкий. А ветры в этих местах порой достигают скорости 130 километров в час! Достаточно и половины силы такого ветра, чтобы отбросить большой корабль на мель или на береговые сооружения... Поэтому и решили вдоль канала, ведущего в порт, построить стену высотой в пятнадцать, а местами — в двадцать метров! И длиной почти в два километра! Конечно, это дорогое удовольствие. Но зато в любой ветер корабли будут двигаться, как говорится: «Как за каменной стеной».

Современные пираты

Времена морских пиратов, к сожалению, не миновали! Да, да! Совсем недавно их жертвой стал норвежский теплоход «Игло мосс». Морские разбойники на быстроходном катере нагнали теплоход неподалеку от Сингапура и быстро поднялись на его борт. Они связали капитана и всех членов команды, взяли все деньги и ценные вещи, и скрылись в темноте ночи...

Скорости возрастают

Скорости на море все возрастают. Так английский паром на подводных крыльях, который будет перевозить 200 пассажиров, разовьет скорость 90 километров в час. Но это не предел! Американские инженеры конструируют трансатлантический паром, который будет перевозить пассажиров из Америки в Европу и обратно. Его скорость будет 200 километров в час. Паром не будет рассекать волны, он будет лететь над ними на воздушной подушке...

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

Оформление Т. Панкевич

ИЮЛЬ

Жарко... На липовый цвет летят пчелы. Травы отяжелели и пригнулись к земле. Вдоль дороги, словно голубые искорки, разбежались цветки цикория. С черемух свисают черные кисти.

Тетерка ведет свой выводок на моховое болото,— туда, где созрела под комариные песни черника и морошка.

Поднимаются на крыло птенцы чибисов и зуйков. Подросшие лисята учатся охотиться — перенимают опыт у родителей.

В небе ни облачка, а бабочки-крапивницы начинают прятаться под сухие ветки, в дупла, залетают через окно в комнаты,— значит, быть грозе.

Пожалуйста, тише!

Знакомая тропинка вывела Лену к лесному болотцу. Вдруг — фырръ! — прямо у нее из-под ног вылетела большая серая птица. Тяжело поднялась над болотом, сделала круг и куда-то пропала. «Утка, дикая утка!» — догадалась Лена. Раздвинула высокую траву, а там — гнездо, а в нем — серые в крапинку яички.

— Утят выводит,— прошептала Лена. И тихонько, на цыпочках, отошла от гнезда.

Дома Лена достала тетрадку, вырвала листок и долго что-то старательно писала. Потом сбегала к тому болотцу и к тонкой березе своей лентой привязала листок.

Там большими печатными буквами было написано: «Люди, пожалуйста, тише! Здесь живет дикая утка. Она утят выводит».

В. ВОЛКОВ

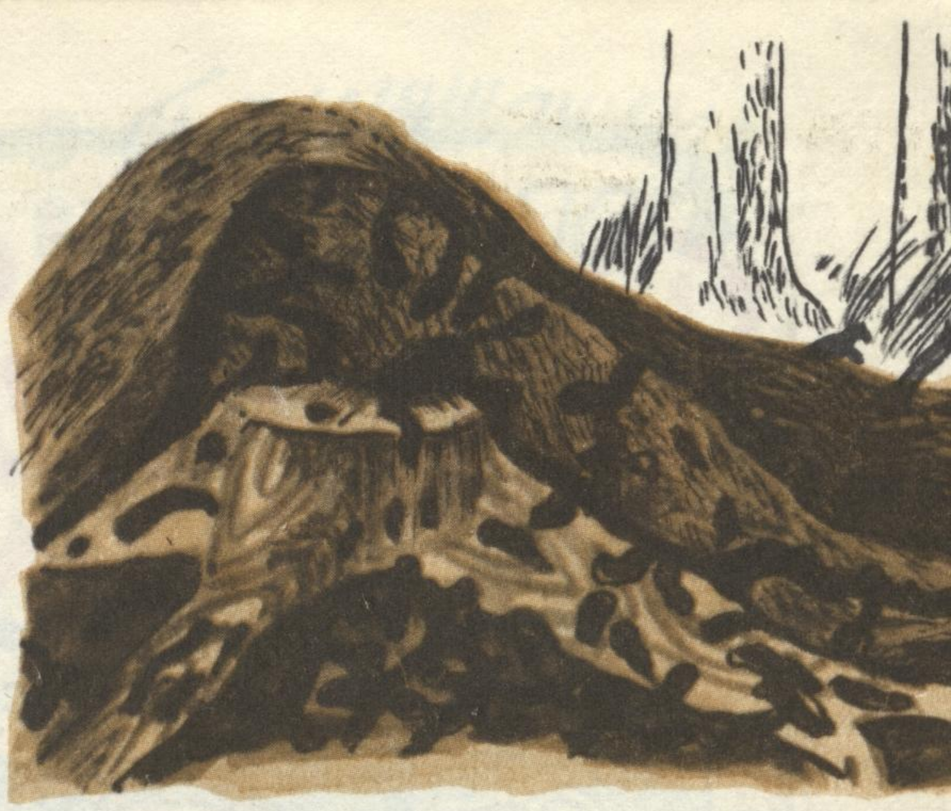
Моя первая охота

Однажды в воскресенье я с дедушкой пошел на охоту. Мы долго шли по кочкам через болото. Наконец вышли к озеру. Я был одет в красную куртку, и дедушка предупредил меня: «Гуси и утки боятся красного цвета, как полетят — ты прячься». И вот мы услышали крик гусей. Я залез в траву. Косяк гусей пролетал прямо над нами. Впереди летел большой гусь-вожак. Дедушка прицелился. Я подумал: «Как же гуси без вожака дальше полетят? Все растеряются и пропадут». И я быстро скинул свою красную куртку, выскочил из травы и стал махать руками и курткой. Дедушка выстрелил, но промахнулся, потому что гуси стали быстро набирать высоту. Мне было радостно, что косяк остался цел.

Мы просидели еще час, но ни утки, ни гуси больше не пролетали. Потом мы пошли домой и всю дорогу не разговаривали друг с другом. Я смотрел в сторону заходящего солнца. И представлял, как где-то вдали под самым облаком летит косяк гусей.

Долгачёв Сережа,
Хабаровск

МУРАВЬИНЫЙ ДОМ

Кажется, что проще муравьиной кучи: стог из хвоинок и палочек. А внутри муравьи копошатся. Но не прост муравейник. Его конус — отличная крыша, дождь скатывается по нему, как по кровле. Чем гуще рядом трава и больше тени, тем выше муравейник. Он как бы тянется к солнцу. Без солнца не прогреть муравьям своих личинок и куколок. Да и сам конус — только летняя квартира для муравьев. Под конусом на полтора метра в землю уходят ходы-норки. Земляные ходы — это зимние квартиры для муравьев, там они зимуют. А как лето придет — переселяются муравьи в конус. В летние квартиры.

Страницы Красной книги

ПЕРЕВЯЗКА

Перевязка — удивительный зверек из семейства куньих. Мордочка у него словно перевязана по лбу полоской из черных и белых лоскутков. Белые уши похожи на «кокошничек», шубка пестрая — рыжая, бурая, черная... Живет перевязка в сухих степях и пустынях. Чаще на открытых местах. Поэтому и нужна ей такая шубка, как маскировочный халат, чтобы незаметно подбираться к добыче. Охотится перевязка на степных грызунов и этим приносит большую пользу. Но люди стали осваивать пустынные земли, а грызунов уничтожать ядами. Сказалось это и на перевязке. Их стало очень мало. Перевязка попала в Красную книгу СССР.

Дела юннатские

Обезьянка на шарманке

Джеви-кинозвезда

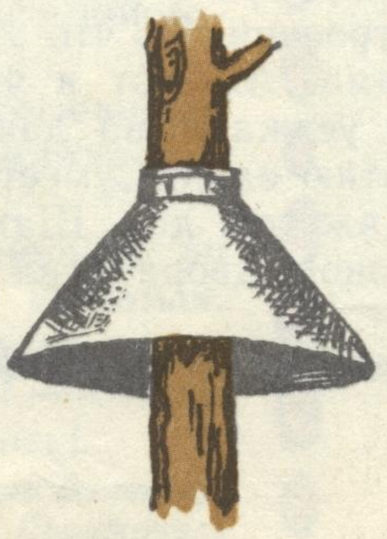
Фото Р. Рахта

У юннатов ленинградского Дома пионеров Дзержинского района — большое разноголосое хозяйство. Основал клуб писатель-натуралист Андрей Михайлович Батуев. Сейчас в коллекции клуба есть обезьяны, говорящий ворон, попугаи, лис, филин, совы, лунь... Юннаты со своим бессменным руководителем Ростиславом Всеволодовичем Рахтом проводят выступления со своими питомцами в Домах пионеров, кинотеатрах и клубах. Среди животных — много настоящих артистов. Обезьянка Джеви — та вообще кинозвезда. Она снималась в фильме «Остров сокровищ». Помните? Сидела на шарманке. Это Джеви. В этом фильме снялись и другие питомцы клуба — филин, попугаи Лада и Кроша. Джеви снималась и в картине «Завещание профессора Доуэля». Обезьянки у ребят хоть и ручные, но требуют большого внимания. Любят проказничать. У себя дома, в клубе, обезьянки знают, где лежат яйца,— их лакомство. Если не укараулишь, макака Эста расстегивает ошейник и несется к холодильнику... Возвращается с двумя яйцами под мышкой, а третье — в руке. Летом питомцы клуба выезжают на каникулы — в «Лагерь дружных».

Защити гнездо

Кошки и другие грабители подстерегают добычу у птичьих гнезд. Защитить гнездо можно, намотав на ствол дерева проволоку или колючие ветви боярышника, как изображено на рисунке. Из старого ведра или жести можно сделать козырек.

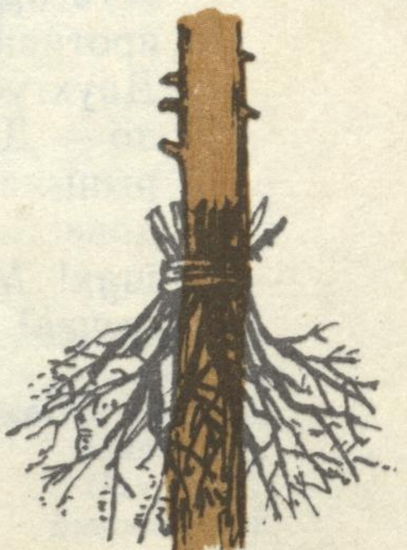
Составила Н. ИВАНОВА

КОНУС ИЗ ЖЕСТИ

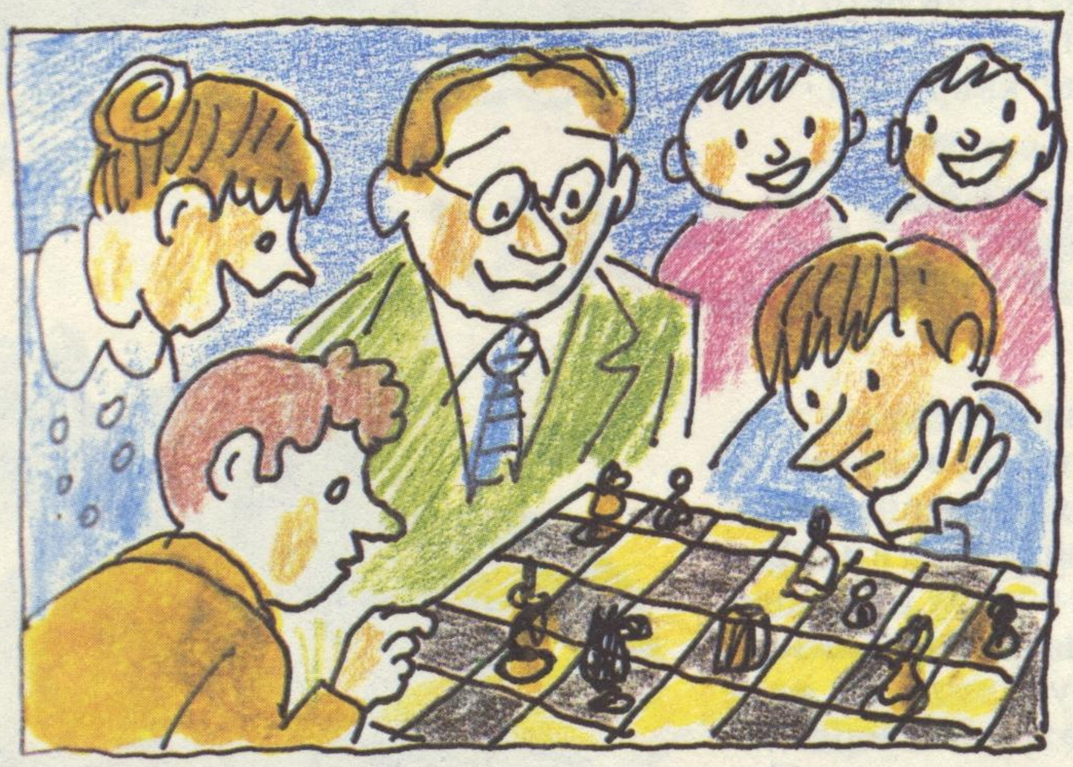
ПРОВОЛОКА

ВЕТВИ

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Решающая партия

— Внимание! Начинаем репортаж о третьей, решающей партии на первенство двора по шахматам между Двухгусевым и Горынычевым. Напомним, как проходили предыдущие партии. Первая состоялась дома у Горынычева. Зрителей собралось много: мама, папа, бабушка и два брата-близнеца. Они постоянно кричали: «Давай, Горынычев, жми!» А близнецы размахивали плакатами «Только победа» и «Шайбу!». Каждый ход Горынычева встречался аплодисментами. Конечно, Двухгусеву трудно было сосредоточиться, и он проиграл.

Ответная партия прошла дома у Двухгусева. У него было тихо, так как вся семья смотрела в соседней комнате по телевизору детектив. Но были другие сложности: двухгусевская доска оказалась нестандартной — с девятью горизонталями. Двухгусев объяснил, что такую ему продали в кооперативном магазине, а пилы у него нет. Кроме того, у него не было одной ладьи, вместо нее он играл яблоком, от которого постоянно откусывал. Разумеется, в таких непривычных условиях Горынычев проиграл.

Для определения победителя и была назначена эта третья партия — на нейтральном поле, то есть прямо во дворе. Итак, игра в разгаре! Оба противника в боевом настроении. Но что это? За Двухгусевым пришла мама. Ах, вот в чем дело — Двухгусевы срочно уезжают на дачу! Горынычев продолжает партию один. Сумеет ли он довести ее до победы? Кажется, да... Шах! Еще шах! Мат! Итак, чемпионом двора стал Горынычев!

Репортаж вел Виктор ВЕРИЖНИКОВ

грач

Рисуем чучело грача
Носатое, хвостатое.
На нас нисколько не ворча,
Стоит он, словно статуя.
Он настоящим был грачом,
Теперь же —
лишь подобие.
Жалеть не может ни о чем
Наглядное пособие.
Но на листе моем грачу
Быть чучелом наскучило,
Взмахнул он крыльями:
«Лечу!»
И улетело чучело!

Олег СЕРДОБОЛЬСКИЙ

КОНКУРС „И все засмеялись!“

Однажды мы всей семьей сидели за столом и ужинали. Одновременно мы смотрели телевизор. Когда по телевизору кончили передавать новости, дикторша объявила:

— А теперь о погоде...

Тут моя сестра Таня громко сказала:

— Глядите, глядите! Сейчас будут по городам погоду распределять!

И все засмеялись!

Оксана Разгуляева,
4 класс, с. Согорное, Новосибирская обл.

Это случилось в пионерском лагере. Мы с вожатыми пошли в поход в лес. Пока устанавливали палатки, Артем решил подшутить и незаметно залез на дерево. Через некоторое время оттуда раздался голос кукушки:

— Ку-ку! Ку-ку!

— Ой, кукушка! — обрадовалась Галя Новикова. Она подняла голову и крикнула:

— Кукушка, кукушка, сколько лет я буду жить?

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!..— закуковала «кукушка». Потом, видимо, это ей надоело и она вдруг произнесла человеческим голосом:

— Ну, в общем, лет сто!

И все засмеялись!

Ира Матвеева,
Краснодарский край

Когда мы приехали в пионерлагерь, физрук стал расспрашивать ребят, кто каким видом спорта интересуется. Одни предлагали создать футбольную команду, другие хотели играть в волейбол. А Игорь сказал:

— А я люблю прыжки в песок!

— Не в песок, а в длину! — поправил физрук.

И все засмеялись!

Юля Ильина,
Улан-Удэ

В спальне второго отряда стоял страшный шум. С грохотом отодвигались тумбочки, кровати; ребята энергично драили полы швабрами. На шум прибежал вожатый:

— Что у вас здесь происходит?

— У нас сегодня соревнование по чистоте! — ответили ребята.

— Хорошо! Но нельзя ли потише? — спросил вожатый.

— А соревнование по тишине у нас было вчера! — сказал Юра, и все засмеялись!

Лена Великант,
Севастополь

Подслушанные диалоги

— У нас дома очень красивый кот!
— А какого он цвета?
— Он черно-белого изображения!

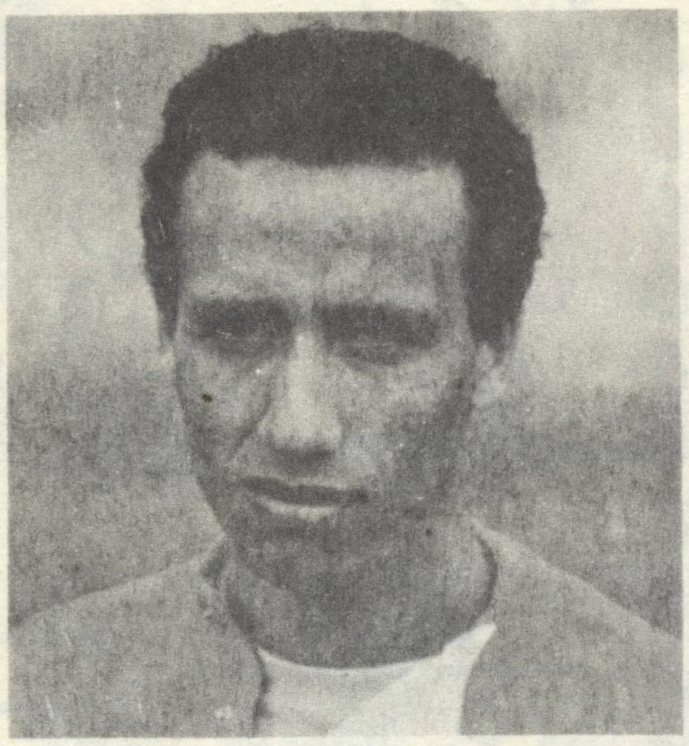
— Наш Петя не расстается с книгой.
— Много читает?
— Нет, берет в библиотеке книгу и не возвращает!

— Мама, этот большой кусок торта ты оставила для Оли?
— Нет, для тебя.
— Такой маленький кусочек?!

Прислали:
Эльвира Хозьахмедова,
Чимкентская обл.
Наташа Попова,
Челябинск,
Оля Рудь,
Биробиджан

ШИПОВКИ ДЛЯ ГОНЦА КОРОЛЯ

Мы встретились с ним в Мадриде. В тот день знаменитый бегун из Марокко, олимпийский чемпион Лос-Анджелеса и победитель мирового первенства в Риме на дистанции 5000 м Саид Ауита прибыл в испанскую столицу.

Встреча с журналистами была восторженной и шумной. Мы спрашивали его обо всем, что нас интересовало. И на все наши вопросы Ауита отвечал откровенно и обстоятельно. Мне думается, что некоторые из его ответов будут интересны и для читателей «Костра».

— Саид, вам принадлежат самые высшие достижения на дистанциях 1500 м, две мили и 5000 м. Начиная с середины лета 1985 года, вы не знаете поражений в состязаниях с лучшими бегунами мира. В забегах вы всегда первый. Какой из забегов запомнился вам особо?

— Запомнился, причем на всю жизнь. Но не победный, а тот — на дистанцию 1500 м, который я проиграл в Ницце англичанину Стиву Крэму.

Я находился тогда в отличной форме, что, наверное, сделало меня излишне самоуверенным. Со старта я позволил Крэму уйти далеко вперед, потом столкнулся на дорожке с испанцем Хосе Гонсалесом и на финише готов был расплакаться. Опередив меня на мгновение, Крэм установил мировой рекорд.

Да, я был сильнее, но победил Стив Крэм, потому что он был лучше нацелен на победу, отдал ей все силы. Еще метров за двадцать до финиша я видел, какого нечеловеческого труда стоило моему главному сопернику удерживать лидерство.

Немного времени спустя, уже на других соревнованиях, я заставил себя предпринять такие же усилия, чтобы побить его рекорд. Попытка оказалась удачной. Вот уже два года никому не удается превысить мой результат.

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли в легкую атлетику. И еще: почему вас порой называют «гонцом короля» или «королевским советником»?

— В легкую атлетику я попал благодаря футболу. Однажды, когда мы с мальчишками гоняли мяч на школьном дворе, на меня обратил внимание преподаватель физкультуры. Его поразила скорость, с которой я носился по пыльной площадке, и моя выносливость. Ведь наша футбольная возня началась у него на глазах после обеда и продолжалась до позднего вечера. Именно он и предложил мне попробовать свои силы в беге, правда, барьерном. На свой первый в жизни старт я вышел обутым в старые футбольные бутсы. Они были совершенно разбитые, со стертыми шипами. Помню, как горели и ныли кровавые ссадины на ступнях, когда со слезами на глазах я завершил в конце концов тот 400-метровый круг по стадиону. Тогда мой учитель сделал вывод, что барьерный бег явно не для меня. Он подарил мне пару поношенных шиповок и сказал: «Если ты не бросишь тренировок, из тебя может получиться неплохой гонец для короля».

А потом, через несколько лет, когда я вернулся победителем из Лос-Анджелеса, кто-то из журналистов «выудил» у меня этот эпизод с шиповками и пожеланием стать королевским гонцом. С тех пор история про гонца кочует по газетам и журналам многих стран.

— Ну, а титул «королевского советника»?

— Марокканская почтовая марка, на которой изображено, как король Хасан II обнимает меня, поздравляя с золотой медалью, пользуется большой популярностью среди коллекционеров. Я горжусь признанием моих спортивных заслуг, как простыми марокканцами, так и высшим руководителем страны.

Во время той встречи Его Величество спросил меня, что, на мой взгляд, можно было бы сделать для развития спорта в нашем королевстве. И я откровенно изложил ему все, что думаю по этому поводу.

— Известно, что король не раз проявлял с тех пор свою благосклонность к вам. Например, он...

— Подарил мне просторный и удобный дом в Касабланке — вы это имеете в виду? Что ж, то был поистине королевский подарок, который я принял с благодарностью.

Много лет назад мой отец потерял работу. И я, чтобы помочь семье, вынужден был бросить школу и торговать на улицах арбузами и дынями. Легко представить, как тяжело приходилось и отцу, и матери, и моим братьям и сестрам, пока я не добился успехов на спортивном поприще. Теперь у всех моих близких есть собственная крыша над головой.

Е. МЯСНИКОВ

Рисунки Ю. Беломлинской

ЗАПРЕТЫ, ЗАПРЕТЫ...

В эквадорской провинции Морона был принят закон, запрещающий давать детям необычные имена. Дело в том, что среди жителей распространился обычай выбирать для новорожденного имя попричудливей. В день принятия закона от этого были спасены дети, которым предназначались имена — Кастрюля и Подпорка.

Несколько лет назад в Китае и в Индии был найден способ бороться с увеличением населения и с... тучностью военных. В Китае глава семьи, где больше двух детей, не может рассчитывать на повышение по службе, а в Индии офицер, потолстевший за год, не будет произведен в следующий чин.

В Калифорнии одно время действовал закон, по которому штрафовались прохожие в башмаках... со скрипом.

— Скрип ботинок действует на уши хуже, чем сигналы автомобилей,— объясняли законодатели.

Впрочем, подачу сигналов они тоже запретили.

ЧЕМПИОНАТ-88

Сегодня — седьмой тур. Его боевые задания окончательно выявят всех разведчиков, которые выступят в финале.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крb1, Лd7; черные: Крс4, Лg2, Кс6, п. b2.

Б. Белые: Крg4, Ла2; черные: Крg1, пп. e5, h2.

Цель разведки: установить, есть ли для белых пути — в А (Т. Лаза) к ничьей, в Б (А. Вагнер) к победе.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: a3, c1, d4, f2, g1, h2; черные: b2, c7, e7, g5, g7, h4.

Б. Белые: a1, a3, b2, d2, f4, f6, g5; черные: a5, b6, d8, e3, e7, h8.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих позиций Сергей Мальцев, Краснодар) указать закономерный результат борьбы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 23, 32, 39, 41, 43, 44, 47; черные: 8, 9, 20, 24, 28, 30, 36.

Б. Белые: 22, 38, 40, 45, 48, 50; черные: 11, 17, 19, 20, 29, 39.

Цель разведки: и в А (В. Деревецкий, Днепропетровск) и в Б (Г. Кок) исследовать, есть ли у белых возможность победить.

ГОТОВЬТЕСЬ К ФИНАЛУ!

Он начнется в «Костре» № 8 и определит победителей Чемпионата и всех достойных получить спортивный разряд. К участию в нем будут допущены разведчики, набравшие за семь туров 40 очков. Чтобы быть включенным, нужно:

1. Отправить рапорт по седьмому туру.

2. Через три дня отправить свой «Листок учета» (на открытке!). В нем проставить набранные очки в турах 1—4 (по данным «Бюро самопроверки») и в турах 5—7 (по собственным предположениям). И четко — печатными буквами! — написать фамилию, имя, класс, адрес и есть ли спортивный разряд.

3. Затем ждать от главнокомандующего АРЧЕБЕКом письма. В нем найдете:

а) извещение о допуске в финал и новый пароль, без которого рапорты по финалу приниматься не будут;

б) анкету (ее немедленно заполнить и вернуть);

в) чистый конверт (на нем надписать собственный адрес и сохранить до финала, а тогда вложить в письмо с рапортом по финалу: в этом конверте шахмат-адмирал Ферзьбери пришлет ответ на рапорт).

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крb1, Кb2; черные: Крa3, пп. a5, b3, b4. Ты, конечно, знаешь, что королем и конем одинокому королю дать мат нельзя. А вот, когда этому королю мешают двигаться свои же пешки — тут уже другое дело. Так что проверь: не окажется ли такое «другое дело» в расставленной тобой позиции? Не сумеешь ли ты дать черному королю мат? И если — да, то во сколько ходов?

КОНКУРС «Я — КОМПОЗИТОР»

Доблестные разведчики-решатели! Хотите попробовать сами составить задачи? Тогда включайтесь в этот конкурс. Победителей ждут призы и дипломы!

Кто допускается? Шахматисты не старше 18 лет.

Какие задачи? На мат в 2 хода, неопубликованные.

Как присылать? На листке размером 14×21 см. Задачу нужно изобразить на диаграмме и повторить в нотации. Ниже написать полное решение и указать фамилию, имя, возраст, школу, класс, адрес. Участник имеет право прислать одну, две или три задачи. Срок — до 1 января.

Два совета. 1. Первый ход решения не должен быть грубым (шах, взятие фигуры, лишение черного короля доступных ему полей). 2. На доске не должно быть фигур и пешек, не участвующих в решении.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКа

В конкурсе «Я — композитор» в 1987 году участвовали 113 разведчиков. Судья всесоюзной категории Юрий Георгиевич Фокин, рассмотрев 255 присланных двухходовых задач, распределил отличия так (присуждение вступит в силу 1 ноября).

1-й приз Сереже Смотрову (Семипалатинск) за задачу, приведенную на диаграмме. Ложный след — 1. Сс5? Kd5! и мата не будет. Решает 1. Cd4! (с угрозой 2. Фс3Х или 2. Ле4Х).

2-й приз Володе Игонину (с. Урыль). Белые: Крс7, Фb1, Ла5, Ле2, Са7, Cd7, Kd5, Ке4, пп. f3, g3 (10); черные: Крe5, Фh2, Ла3, Лf7, Kh6, пп. b4, c4, d4, e7, g5 (10). Решает 1. Са4! (с угрозой 2. Kf4Х).

Почетные отзывы:

1-й — Володе Игонину. Белые: Крa1, Фb3, Лg4, Лf8, Cb1, Ке2, Ке6 (7); черные: Крe5, Фg2, Са8, Ch8, Ке7, пп. a3, d6, g3, g6 (9). Ложные следы — 1. Кс7? d5!, 1. К6d4? Cd5!, 1. К6f4? Фd5!, 1. Kg5? Kd5! Решает 1. Kd8! (с угрозой 2. Фе6Х).

2-й — Андрею Марыгину (ст. Старощербиновская). Белые: Крa6, Фе6, Лс6, Ch3, Kd8, Кf3, пп. d3, f2, g2 (9); черные: Крf4, Лf8, Лh6, Сс7, Ch5, Ке8, пп. e4, e5, g5 (9). Решает 1. Лс4! (с угрозой 2. Л:e4Х).

3-й — Виталию Кучуку (д. Зеньковичи). Белые: Крe8, Фе7, Лf3, Cb1, Кс7, Kg5, пп. d3, h4, h7 (9); черные: Крf5, Фе1, Лh6, Cg4, пп. e2, f4, h5 (7). Ложные следы — 1. Kf7? Крg6!, 1. Ке4? Ф:h4!, 1. Kge6? Лf6! Решает 1. Kh3! (с угрозой 2. Фg5Х).

Специальный почетный отзыв за миниатюру — Сереже Бородавкину (Днепропетровск). Белые: Крg1, Фа1, Лd1, Kf1 (4); черные: Крe2, п. c2 (2). Решает 1. Фс3!

Похвальные отзывы:

1-й — Сереже Смотрову. Белые: Крd1, Фb3, Ла4, Лd3, Се7, Cg4, Kg3 (7); черные: Крe5, Cb4, Кс7, Кf7, пп. c5, d2, d5, g5 (8). Решает 1. Лf3! (с угрозой 2. Фе3Х).

2-й — Саше Крочеку (Хмельницкий). Белые: Крf4, Фh6, Лb2, Лh8, Ch2, пп. c6, d5, d7, f5, g2, h3 (11); черные: Крс7, Фа7, Cb1, Cd8, пп. e4, f3, f7, h5 (8). Ложный след — 1. Крg3? Cf6! Решает 1. Крe5! (с угрозой 2. Фd6Х).

3-й — Вите Денисюку (ст. Старощербиновская). Белые: Крс8, Фf5, Са8, Ch8, Kh6, п. f4 (6); черные: Крd6, Лd1, Сс3, Ch5, Kb8, пп. b6, e7 (7). Решает 1. Cd4! (с угрозой 2. Фd5Х или 2. Фе5Х).

Специальный похвальный отзыв за миниатюру — Олегу Черному (ст. Старощербиновская). Белые: Крe8, Сс4, Сс7, Ка7, Ке6 (5); черные: Крb7, п. c5 (2). Решает 1. Kb5! (у черных цугцванг).

Всем победителям, всем участникам конкурса юных композиторов шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет благодарность!

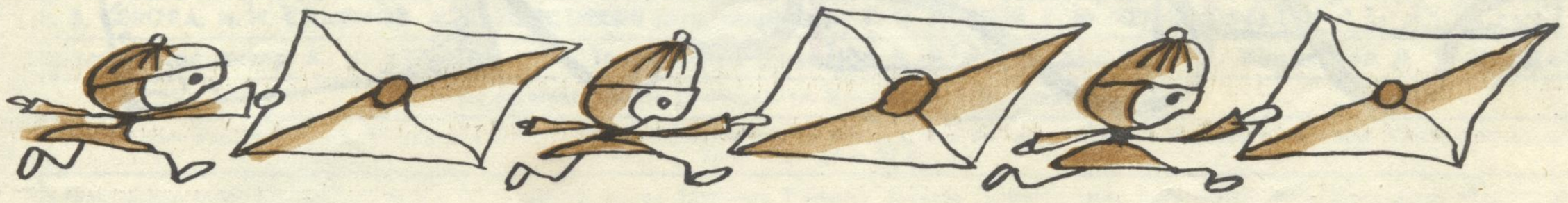

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Рапорты по 7-му туру отправить до 1 октября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

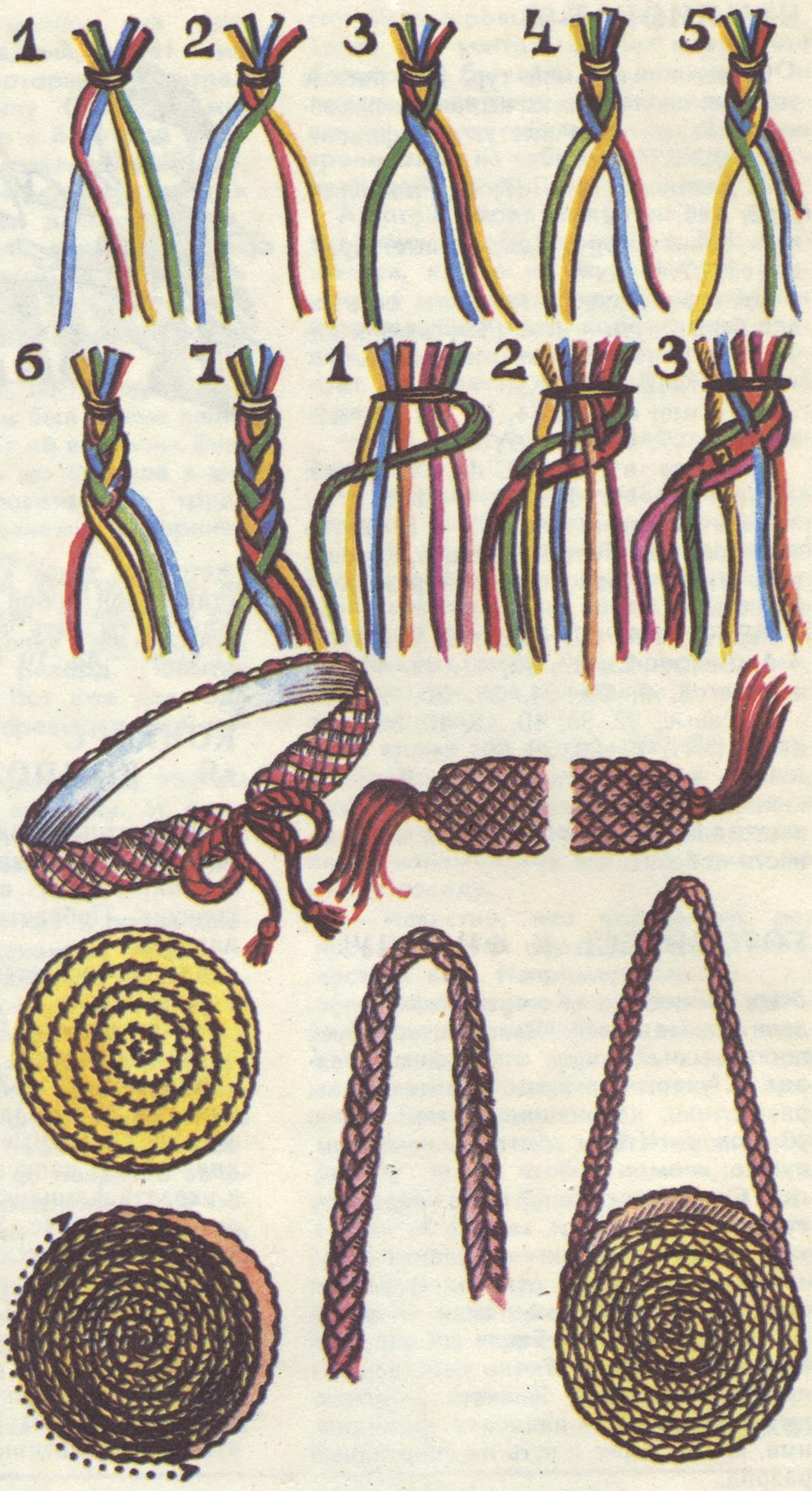

НАВЫКИ ПЛЕТЕНИЯ не раз пригодятся тебе в рукоделии. Все девочки умеют плести косичку из трех нитей. А из четырех? Из шести?

Глядя на рисунки, поучись плетению. Нить не должна быть тонкой, если же она тонковата, можно каждый конец сделать из двух, трех, четырех ниток. Удобен для плетения шнур и сутаж.

Посмотри, какой оригинальный ПОЯС можно сделать, используя плетение из шести нитей. Для СУМКИ нужна косичка из трех или четырех нитей. Сплетенная косичка сшивается «улиткой», в круг. Таких круглых деталей должно быть две. Надо их собрать и пришить ручку. Если работа выполнена аккуратно и материал подходящий, то получится очень красивая и необычная сумка.

ПЛЯЖНЫЙ КОВРИК можно сшить из старого пикейного одеяла, покрывала, шторы, пледа. Один конец выкроенного прямоугольника загибается и стачивается по бокам, чтобы получился карман. Пришивается ручка. Другой конец украшен аппликацией из ткани. Коврик скатывается и убирается в карман. Его удобно носить на пляж, перекинув ручку через плечо.

МАША ОТВЕЧАЕТ:

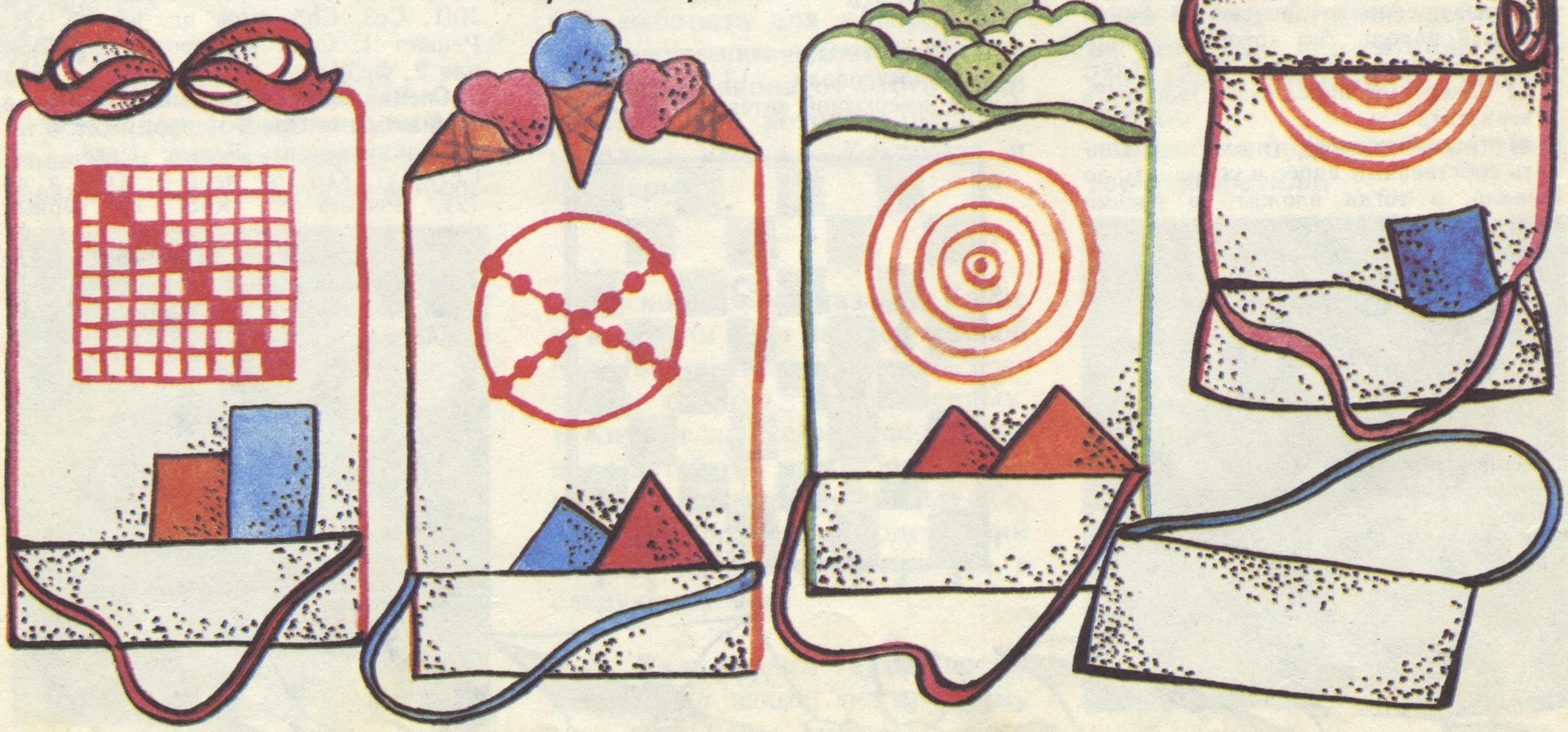
— КАКИЕ ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ можно использовать В КУЛИНАРИИ? /Лена Алымова из Ярославля и Варя Никитина из Тюменской обл./

— Некоторые добавляют крапиву в щи и борщ. Кое-кто пробует делать салат из одуванчиков. А вот во Франции одуванчик специально выращивают к столу, в Англии — медуницу, в Японии — лопух, в Китае — стрелолист. Все дело в национальных традициях. Мы называем пастушью сумку, сурепку, крапиву, яснотку белую /глухую крапиву/, лебеду и мокрицу сорняками. Мы считаем, что клевер — лакомство для коров. А меж тем это прекрасные салатные растения. Я не предлагаю вам перейти на салаты из клевера и сурепки. Попробуйте начать с эксперимента: добавьте в салат какое-нибудь из перечисленных растений, но так, чтобы оно не являлось основным компонентом. Постарайтесь проявить и обнаружить новизну вкуса в салате. Растения для салата должны быть молодыми. И учтите: в городе, около шоссе и дорог, где ходит транспорт, растения /грибы тоже!/ собирать нельзя. Обрабатывайте растения так же тщательно, как и привычный огородный салат.

— ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ТУФЛИ ЖМУТ И НЕУДОБНЫЕ? /Гусарова Вика из Павлодара/.

— Если туфли малы, носить их нельзя. Нога у тебя растет, зачем же ее уродовать и вдобавок мучиться? Другое дело неудобная, жесткая обувь. Попробуй ее разносить, предварительно смазав с внутренней стороны кремом для лица.

Рисунки Т. Петуховой

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Итак, сегодня 7-й тур нашего традиционного конкурса. В этом году он будет продолжаться до десятого номера журнала, а победители и самые активные участники будут, как всегда, названы в двенадцатом номере.

Еще раз напоминаем вам, что ответы надо присылать не позднее двух недель со дня получения номера журнала.

БРАТ И СЕСТРА

Однажды ученики профессора Синицына случайно услышали его странный разговор с сестрой. Профессор сказал ей:

— У тебя столько же братьев, сколько и сестер.

На что сестра ответила профессору Синицыну:

— У тебя сестер вдвое больше, чем братьев...

А теперь ответьте, сколько же все-таки было сестер и братьев у профессора Синицына?

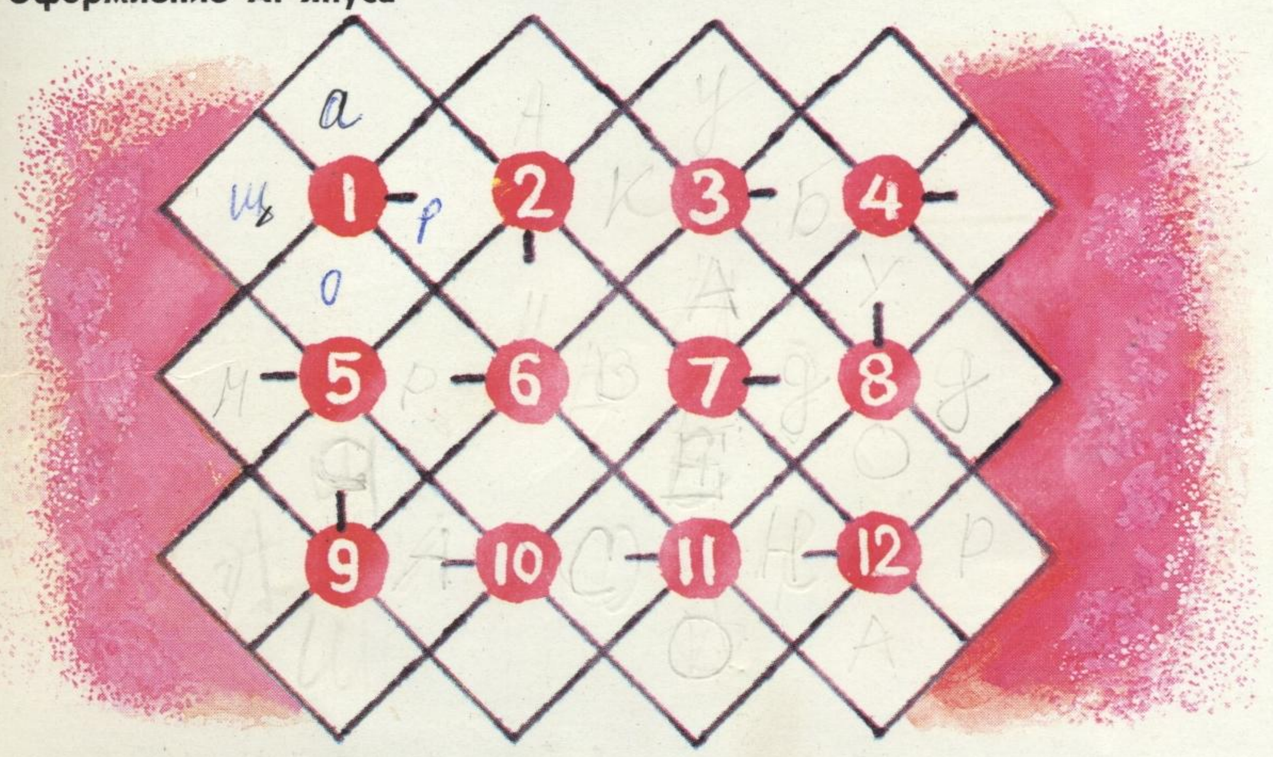
20 очков.

Оформление А. Януса

ПРЕВРАЩЕНИЕ СЛОВ

Попробуйте, меняя последовательно по одной букве, превратить слово **муза** в слово **поэт.**

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Таня Асташева из города Северодвинска Архангельской области прислала нам циклический кроссворд. Слова в нем пишутся от штриха по часовой стрелке.

1. Редкий лиственный лес. 2. Государство в Азии. 3. Столица союзной республики. 4. Островное государство в Карибском море. 5. Напитки. 6. Бегающая птица, обитающая в Новой Зеландии. 7. Знак Зодиака. 8. Птица. 9. Мужское имя. 10. Один из основных органов растения. 11. Сухая трава. 12. Жилище суслика, мыши.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ №6

Загадочный номер.
Это число $7744 = 88^2$

Конкурс кроссвордов
В горизонтальных рядах сверху вниз: Карпов, Ласкер, Петросян, Каспаров, Ботвинник, Смыслов, Таль, Стейниц, Спасский, Алехин. В вертикальном ряду — Капабланка.

Задача-шутка
Мальчишка с цифрой 6 должен встать на голову с другой стороны так, чтобы получилось число 931.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША **Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА** **Корректор Д. Г. ЛАЗДАН**

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

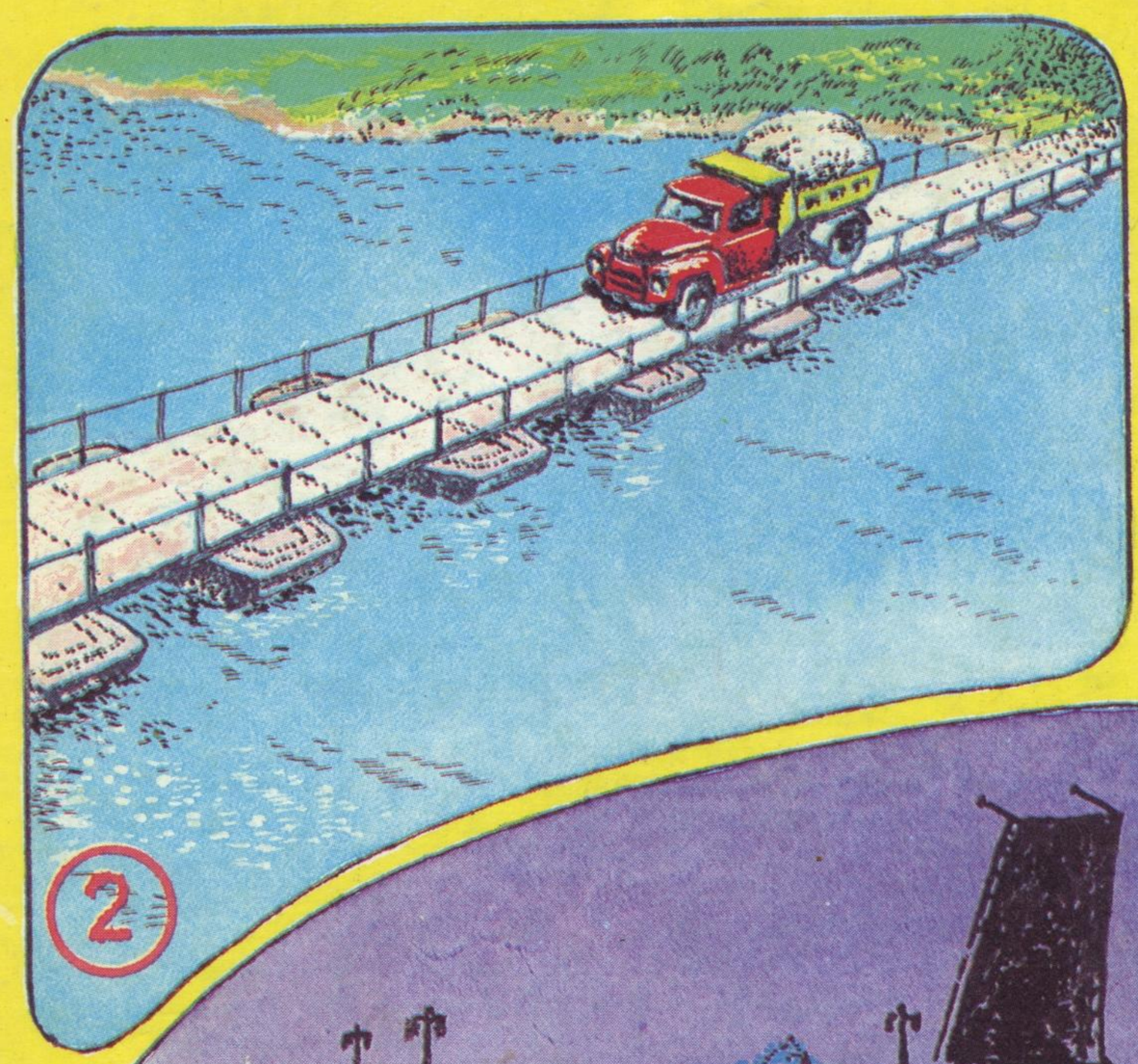
М-37638. Сдано в набор 05.03.88. Подписано к печати 11.05.88. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,2. Печать офсетная. Тираж 1 300 000 экз. Заказ 4054. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 дважды ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственного объединения «Типография им. Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, г. Ленинград.

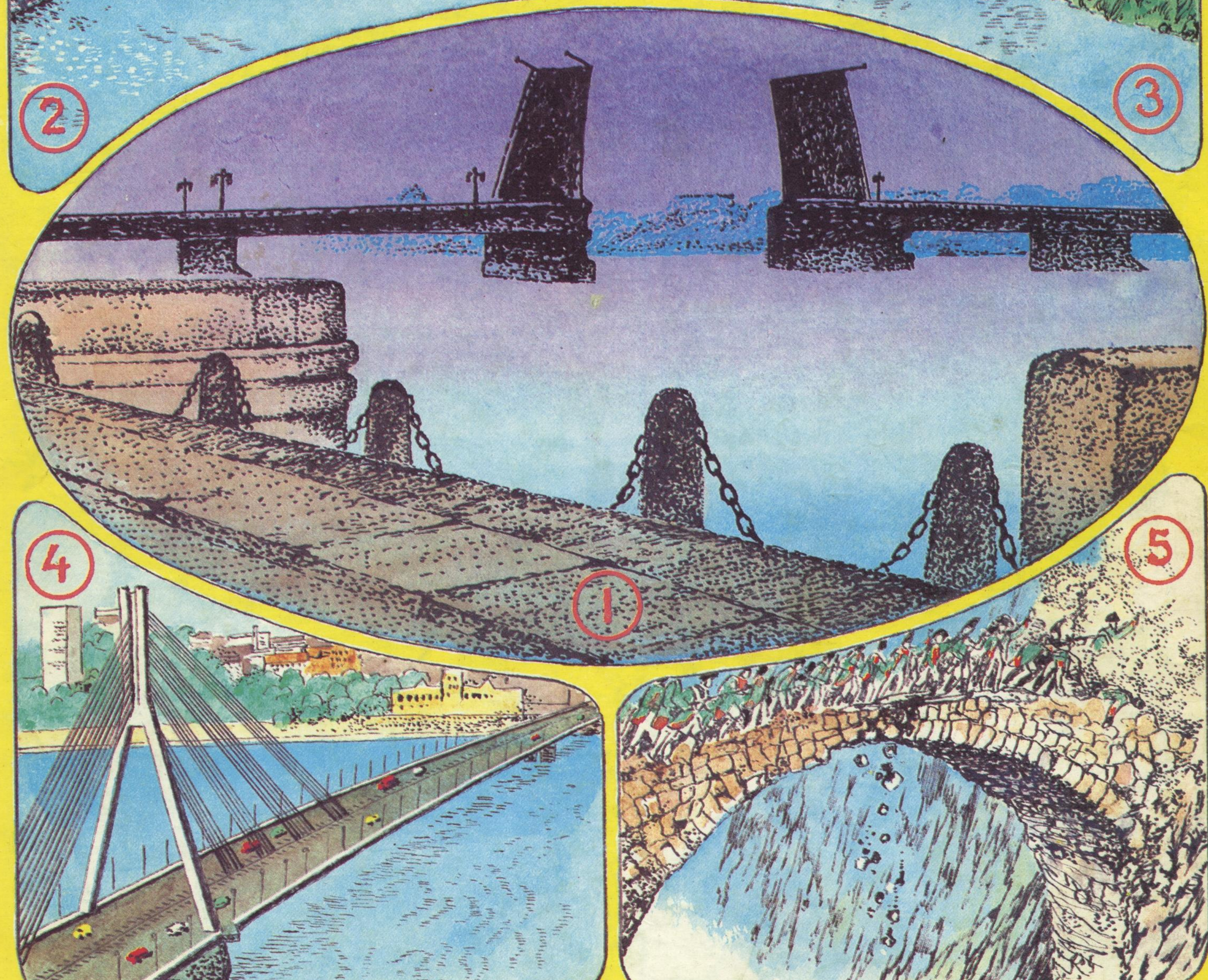
130

30 к.
Индекс 70445

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

1. Мост лейтенанта Шмидта в . . . . . Ночью он разводится, чтобы пропускать суда.

2. Это . . . . . мост. В данном случае опорой ему служит . . . . . .

3. Древние римляне построили это сооружение . . . . . в виде моста, чтобы перебросить через ущелье.

4. Этот подвесной мост находится в Риге. Он переброшен через реку . . . . . .

5. «Чертов мост» в Альпах, по которому прошли солдаты . . . . . .

Напишите, в какой стране недавно построен самый уникальный в мире мост? Что он из себя представляет?